

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Юридический институт

**ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ
ОБЩЕСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ
СООТНОШЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**

Материалы
Международной научно-практической конференции
Иркутск, 5–6 октября 2019 г.

УДК (321:340)(063)
ББК ХО1лО
Г72

Редакционная коллегия

И. А. Арзуманов, канд. филос. наук, д-р культурологии;
В. Н. Казарин, д-р ист. наук, проф. (науч.ред.);
О. В. Горбач, канд. экон. наук, доц.;
О. В. Костюнина, канд. юрид. наук, доц.;
В. И. Куйбарь, д-р филос. наук, проф.;
И. А. Кузьмин, канд. юрид. наук, доц.;
О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц.;
А. В. Степанов, магистр религиоведения;
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц.

Г72

Государство, гражданское общество и право: теоретико-прикладные вопросы соотношения и развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 5–6 окт. 2019 г. / [науч. ред. В. Н. Казарин]; ФГБОУ ВО «ИГУ». – Иркутск: Издательство ИГУ, 2019. – 265 с.

ISBN 978-5-9624-1787-5

Представлены результаты исследований, посвященных актуальным вопросам становления и развития институтов гражданского общества и государства в современной правовой реальности, проблемам государственного регулирования этноконфессиональных общественных отношений, религиозно-политическим вызовам современности, проблемам этноконфессиональных институтов как факторов гармонизации. Отдельная секция посвящена научно-педагогическому наследию теоретика права Н. А. Пьянова.

Материалы сборника представляют интерес для всех, кто занимается изучением проблем современного государства, гражданского общества и права, этноконфессиональным отношениям, различным проблемам безопасности государства. Материалы сборника могут быть использованы при изучении и преподавании теории государства и права, конституционного права, социологии, религиоведения, теологии, культурологии и других дисциплин в высших и средних специальных учебных заведениях.

УДК (321:340)(063)
ББК ХО1лО

СОДЕРЖАНИЕ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Арзуманов И. А. Этнолого-правовые аспекты понятийной интерпретации этноса как фактора государственно-правового регулирования этноконфессиональных общественных отношений	6
Байдарова М. А. К вопросу значения исключений в правовом регулировании общественных отношений	13
Василевич Г. А. К вопросу о правовой экономии и рациональном правовом регулировании	23
Хесус Пастор Гарсия Бригос. Куба-2019: Конституция «социалистического правового государства»?	33
Гуань Цзяньцян, Барышева А. С., Степанов А. В. Проблема мирной Конституции Японии в китайско-японских отношениях второй половины XX – начала XXI в.	36
Дружинин Г. В. Анализ роли корпоративной ответственности в становлении и развитии гражданского общества	45
Курас Т. Л., Курас С. Л. Применение судебной практики как источника права в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.)	50
Макарчук И. Ю. О дефиниции правовых актов государственного юридического содействия	55
Мушинский М. А. Терминологическая (дефинитивная) функция теории государства и права	57
Нечкина А. А. Общественная палата Иркутской области: правовое регулирование и развитие	68
Палеев А. А., Калиновский С. Г. Реализация правовой политики в сфере защиты информации (на примере Иркутской области)	73
Панченко В. Ю. О методологической роли категории «правовое взаимодействие» в курсе теории государства и права	78
Петрик А. С. Государство и правовое саморегулирование в контексте элементов гражданского общества	81
Полюшкевич О. А. Нормы права в оценках общественности	84
Почерней И. Н. К вопросу о правовом регулировании добровольческой (волонтерской) деятельности	89
Самусевич А. Г. К вопросу о причинах возникновения правоприменительных ошибок	93

Сафонов М. А. Особенности государственно-правового регулирования отношений собственности в Восточной Сибири в первой четверти XX в.	97
Спирин М. Ю. Соотношение материального истока и волевого источника права с позиций марксистской (материалистической) юридической теории	106
Суменков С. Ю. Правила и исключения как компонент правового регулирования	115
Терещенко Е. А. Иванченко Е. А. К вопросу о правовых основах ограничения избирательных прав граждан в контексте изменений гражданского законодательства	125

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ТЕОРЕТИКА ПРАВА
Н. А. ПЬЯНОВА

Казарин В. Н. Теоретик государства и права Николай Андреевич Пьянов: педагог, исследователь, человек. Воспоминания о коллеге	135
Кузьмин И. А., Тирских М. Г. Соотношение государственного и правового регулирования в трудах профессора Н. А. Пьянова	147
Парфенова Т. А. Методология науки теории государства и права в работах Н. А. Пьянова	153

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
И РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Арзуманов И. А. Проблемы государственно-правового регулирования этноконфессиональных общественных отношений с участием субэтносов Байкальского региона	168
Базардашиева Е. П. Актуальные вопросы противодействия экстремизму в России	177
Бирюлина Т. В. Проблема религиозности и социальная стабильность	181
Бобков А. А. Религиозный опыт и репродуктивное поведение человека	189
Бобков А. И. Религиозный опыт и этнокультурная идентичность в контексте становления правосознания	194
Десятириков Ю. В. Проблема государственного контроля за организацией исламских праздников	200
Коноплев Н. С., Кузнецова В. С. Искусство и его религиозная составляющая. К постановке вопроса в правовом контексте	204

Кульпинов С. С. Политика обновленческого Синода в сфере отношений с другими конфессиями и религиями	213
Мальчуков В. А., Мальчукова Н. В. Языковая модель толерантного научно-культурного и теологического диалога	219
Мишин А. В. Этноконфессиональная обстановка в Иркутской области в свете проблем государственно-правового регулирования	227
Прохоров Е. А. Христианская экзегеза как способ собирания и гармонизации общества (на примере экзегезы И. Златоуста)	231
Самусевич А. Г. Правовая политика в отношении коренных малочисленных народов Иркутской области: современное состояние	241
Смирнов А. Е. О теоретических ресурсах философии, религиоведения и теологии в регулировании межрелигиозных отношений	246
Старцев Е. Н., Старцев Д. Е., Линчевская Т. В. Особенности и роль тюремного служения Русской православной церкви в Новейший период	253
Степанов А. В. Религиозное сознание как фактор этноконфессиональных отношений	258

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

УДК 342.7.342.5

Этнолого-правовые аспекты понятийной интерпретации этноса как фактора государственно-правового регулирования этноконфессиональных общественных отношений

© Арзуманов И. А., 2019

Аннотация. Рассматриваются проблемы, связанные с этнолого-правовыми аспектами понятийной интерпретации этноса как фактора государственно-правового регулирования этноконфессиональных общественных отношений. Проводится анализ нормативных правовых актов и доктринальных источников, закрепляющих и раскрывающих дефиниции этнолого-культурологического порядка. Делается вывод о недостаточности разработки в данных дефинитивных определениях признаков, позволяющих оперировать ими с позиций процессов правообразования и последующего правотворчества со стороны государства. Отмечается особое значение условий возникновения и развития у представителей того или иного народа моделей поведенческой деятельности в условиях полиэтничности социума.

Ключевые слова: правовая этнология, этнос, государственно-правовое регулирование, общественные отношения, конфессия.

Этимологической основой категориальной конструкции «этноконфессиональное» как фактора государственно-правового регулирования являются понятия «этнос» и «конфессия». Рассмотрим данное соотношение с этнолого-правовых позиций и структурно-функционального анализа.

Его актуализация опосредована тем, что в ракурсе выявления аспектов социокультурной и этнополитической дифференциации социального пространства термин «этническое» используется в ряде международных и российских нормативных правовых

актов, регулирующих вопросы государственной политики в сфере национальных отношений [1–5]. Например, социально-групповая дифференциация, основанная на этническом факторе, приводится в п. а ст. 4; п. а ст. 5; ст. 7 международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. Так, в п. 1 ст. 1 при раскрытии значения термина «расовая дискриминация» приводимое понятие этноса ставится в один ряд с понятиями «раса», «род», «национальность» [6]. Законодатель выделяет понятие «этноса» как группы и в п. 4 ст. 1, говоря о необходимости принятия особых мер с целью обеспечения прогресса в развитии некоторых «этнических групп» [6]. Аналогично рассматривается данный термин и в п. а ст. 4; п. а ст. 5; ст. 7 данной международной Конвенции. Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 г. в ст. 33, 35, п. 1, 2 ст. 40, в качестве особого предмета регулирования и охраны со стороны государств-участников, определяет этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность национальных меньшинств, обязывая государства к принятию необходимых мер для поощрения этой самобытности и включения местных и автономных органов управления данных меньшинств в соответствующие интересам государства политические процессы управления [7].

В ряде работ, касающихся политико-правовой природы данного понятия, проводится методологическая дифференциация определений, кажущихся на первый взгляд однопорядковыми по смыслу: «этнос», «этничность», «этническая группа», «народ», «коренной народ», «национальное меньшинство», «коренной малочисленный народ», «нация» и т. д. Как отмечает по этому поводу Т. Я. Хабриева, методологическим маркером дифференциации смыслового наполнения понятий, производных от «этноса» и «нации», является и социально-политическая составляющая [8, с. 15]. Под этносом еще с античных времен понимали «племя», «народ» [8, с. 15; 9, с. 314]. С. М. Широкогоров ввел в российскую этнографию понятие «этнос». Он вычленяет в нем следующие основные структурные факторы: язык, единство происхождения, комплекс обычаев, уклад жизни, сакральные традиции, отличающие данную группу от иных социальных групп [10, с. 5].

На современном этапе, с учетом этнокультурной доминанты его интерпретации, под «этносом» понимают исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокуп-

ность людей, «обладающих общими особенностями языка, культуры, психики, самосознанием, фиксированным в самоназвании (этнониме)» [11, с. 6]. В некоторых случаях в качестве одного из признаков «этноса» Ю. П. Платонов выделяет принадлежность к одному государству [12, с. 14]. Признак принадлежности этноса к государству характеризует «переходный» этап в понимании данного термина в свете его политико-социальных связей и отношений в открытых общественных системах. Наиболее четко данные связи и отношения отражаются в понятии «нация». Термин «нация» включает в себя конструкты, характеризующие его (в отличие от понятия «этнос») как особую социальную общность, образующую субстрат государства и выражающую более высокий этап социализации по сравнению с естественными, природными, кровнородственными связями [8, с. 15]. Если рассматривать данную методологическую дифференциацию в свете социально-экономических и политико-правовых форм этногенеза, то термин «нация», безусловно, будет нести в себе определенную этноинтеграционную нагрузку. По мнению С. М. Широкогорова, нация – это группа людей, которые объединены в государство за счет единых обычаев, языка и происхождения [10, с. 7]. Таким образом, термин «нация» преимущественно включает в себя характеристики процессов не естественного, а историко-социального образования общности людей, включенных в строительство государства.

Здесь возможны ассоциативно-структурные связи с термином «народ», являющимся связующим, объединяющим звеном данного трехуровневого сочленения: «этнос» – «нация» – «народ». Так, в комментариях к Конституции РФ под редакцией Б. Н. Топорнина (2003 г.), В. Д. Зорькина и В. Л. Лазарева (2009 г.) народ понимается как общность людей, объединенная социально-политическими и экономическими факторами независимо от национальных или этнических различий [13, с. 18; 14, с. 74]. С понятиями «этническое» и «этнос» связан методологический ракурс разрешения проблем реализации интеграционной и унификационной функций государства в обществе. Наиболее характерны такие процессы для стран с имперскими характеристиками социально-культурного пространства.

Данный ракурс непосредственно связан с научными парадигмами этнологии, политологии и социологии. Этнические ха-

рактические правообразования в условиях реконструкции архаизированных форм этносоциализма наиболее полно рассматриваются в рамках такого направления юридических исследований, как этнология права, или юридическая этнология. Именно обращение к архаическим формам правосознания и права отличает правовую этнологию от общего контекста социологии права и помогает выстроить методологические параметры правотворчества в сфере, например, гарантий прав коренных малочисленных народов России на современном этапе возрождения традиционного образа жизни и социальной организации. Обращение к методологии правовой этнологии позволяет реконструировать процессы правовой аккультурации, с одной стороны, и реконструировать систему социальной нормативной регуляции жизни коренных малочисленных народов (КМН) на современном этапе, с другой. Данное направление получило свое развитие в период формирования понимания права в широком смысле как результат обращения к иным пластам социологии права (например, юридической конфликтологии) и становления этнокультурной парадигмы правопонимания и интегративного дискурса правопонимания [15, с. 3].

На протяжении XX в. правовая этнология (антропология) лежала в основе не только формирования корпуса нормативно-правового обеспечения «культурного многообразия планеты», но и методологических дискурсов юридической герменевтики, философско-правовой аксиологии, феноменологии права. Базовым подходом, на котором основываются принципы правовой этнологии, по мнению В. И. Фатхи, является цивилизационный, поскольку «правовая этнология основывается на принципах цивилизационного подхода к праву и интегративного понимания права, возникшего на основе диалога теории естественного права, юридического позитивизма и социологии права и представляющего право в единстве институциональных, социокультурных, герменевтических и аксиологических характеристик».

Методология «обусловлена особенностями культурно-антропологической парадигмы социального познания, которая стала доминировать в европейской юриспруденции после краха модернистской философии права с ее убеждением об универсальности всеобщих закономерностей правовой эволюции у разных народов» [15, с. 5]. Значимым методологическим фактором является и то, что в процессах межэтнической интеграции религиозно-регулятивная система этноса, стоящего на иной ступени

общественного развития, включается в общегосударственный механизм регулирования и обеспечивает юридическое поведение в рамках позитивно-правового регулирования.

В основе данного механизма лежит аксиологический потенциал религиозно-мировоззренческих нормативных систем, детерминирующих непосредственное отношение субъектов права к правовым институтам, а также к ожидаемым формам законопослушного поведения [16, с. 186–187; 17, с. 82; 12, с. 232]. В связи с проведенным анализом необходимо отметить еще один методологический модус международно-правовых актов, регулирующих вопросы национального самоопределения посредством их прав на самобытность.

В Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, принятой Советом Европы в 1995 г., в п. 2 ст. 5 понятия культуры и самобытности дифференцируются. Различаются и основные элементы, определяющие самобытность лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам: религия, язык, традиции и культурное наследие [18]. Этот вопрос достаточно интересен не только в связи с культурологическим маркером методологических подходов к исследованию процессов в этноконфессиональной сфере, но и в свете современных явлений этнической сепарации. Этносепарационные процессы, происходящие в Байкальском регионе, детерминированы и центробежными тенденциями в политико-правовом пространстве России, и возрождением автохтонных этнокультурных пластов.

Процессы возрождения вызывают ревизию этносознания и политизацию его конфессионально-мировоззренческих компонентов. Данное обстоятельство актуализирует культурологический аспект методологии исследования процессов трансформации политико-правовых форм общественного сознания в связи с рассмотрением семиотических (знаковых) функций языка, посредством которого вербализируются нормы социальной и позитивно-правовой регуляции поведения участников общественных отношений.

Современные глобальные тенденции модернизации правовой системы Российской Федерации, сопровождаемые рецепцией либерально-демократических принципов, характеризуются политизацией этнического фактора, рассматриваемого преимущественно в качестве национального. Так, в принятой в 1996 г. Концепции государственной национальной политики Российской Федерации термин «этническое» использовался единожды. В

остальных положениях Концепции вместо него «работают» понятия «народ», «нация», «национальное». «Этническое» употребляется при характеристике природы генезиса большинства из ста народов Российской Федерации: «Преобладающее большинство народов страны на протяжении веков сложились как этнические общности на территории России, и в этом смысле они являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российской государственности» [19].

Подводя итоги анализа, необходимо отметить следующее:

1. Отсутствие в теоретико- и политико-правовом дискурсах четких дефиниций этнического и национального: понятия: «этнос», «этничность», «этническая группа», «народ», «коренной народ», «национальное меньшинство», «коренной малочисленный народ», «нация» и т. д. маркируемые по социально-политическим признакам, тем не менее, не имеют в своих дефинитивных определениях признаков, позволяющих оперировать ими с позиций процессов правообразования и последующего протворчества со стороны государства.

2. Особое значение имеет определение условий возникновения и развития у представителей того или иного народа моделей поведенческой деятельности в условиях полиэтничности социума.

В процессах межэтнической интеграции религиозно-регулятивная система этносов, стоящих на различных ступенях общественного развития, включается в общегосударственный механизм регулирования и обеспечивает юридическое поведение членов социума в рамках позитивно-правового регулирования.

Литература

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. 1993. 25 дек.
2. Декларация о государственном суверенитете РСФСР : принята первым Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г. // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
3. О языках народов России : декларация от 25 октября 1991 г. // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
4. О национально-культурной автономии : федер. закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ (с посл. изм.) // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
5. Основные положения региональной политики в Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 3 июля 1996 г. № 803 // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
6. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 26 декабря 1965 г. // Национальная политика России на рубеже XX–

XXI век : сб. нормативных правовых актов / сост. Н. М. Романова. СПб., 2005. С. 91–111.

7. Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ. Копенгаген 29 июня 1990 г. // Национальная политика России на рубеже XX–XXI веков. СПб., 2005. С. 71–80.

8. Хабриева Т. Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование : монография. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2010. 288 с.

9. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 314–325.

10. Широкогоров С. М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений [Электронный ресурс]. Шанхай, 1923. С. 5. URL: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/ShirokogorovEthnos.html> (дата обращения: 10.07.19)

11. Национальная политика России на рубеже XX–XXI веков : сб. нормат. правовых актов / сост. Н. М. Романова. СПб. : Издат. дом СПИ, 2005. 304 с.

12. Платонов Ю. Б. Этнический фактор. Геополитика и психология. СПб. : Речь, 2002. 520 с.

13. Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) / отв. ред. Ю. А. Дмитриев. М. : Деловой двор, 2009. 600 с.

14. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. М., 2009. 999 с.

15. Фатхи В. И. Правовая этнология: концептуальные идеи и принципы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Ростов-на-Дону, 2007. 42 с.

16. Костылева Т. А. Право и религия как регуляторы социальных отношений // Онтология и аксиология права : тез. докл. и сообщений Второй междунар. конф. (октябрь 2005 г.) / отв. ред. Т. А. Костылева. Омск, 2005. С. 186–189. С. 186–187.

17. Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. М. : Юристъ, 1999. 592 с.

18. Фастов А. Г. Право и религия в системе нормативного регулирования // Право как ценность и средство государственного управления обществом : сб. науч. тр. / под ред. П. В. Анисимова, И. А. Есипова, А. Г. Фастова. Волгоград, 2008. Вып. 5. С. 232–236.

19. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 15.06.1996 № 909 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051/> (дата обращения: 12.06.2014).

Ethnic-legal aspects of conceptual interpretation of ethnos as factor of the state-legal regulation ethnic confessional public relations

© Arzumanov I. A., 2019

Abstract. The problems associated with the ethno-legal aspects of the conceptual interpretation of an ethnos as a factor in the state-legal regulation of ethno-confessional social relations are considered. The analysis of normative legal acts and doctrinal sources, fixing and revealing the definitions of ethnological-cultural order.

It is concluded that there is insufficient development in these definitive definitions of signs that allow them to be operated from the standpoint of the processes of

law formation and subsequent law-making by the state. The special significance of the conditions for the emergence and development of models of behavioral activity among representatives of a given people in conditions of multi-ethnic society is noted.

Keywords: legal ethnology, ethnos, state and legal regulation, public relations, confession.

Арзуманов Игорь Ашотович – профессор, кафедра конституционного права и теории права, кандидат философских наук, д-р культурологии, доцент; Иркутский государственный университет, Юридический институт, г. Иркутск, Россия, e-mail: arzumanov@mail.ru

Arzumanov Igor Ashotovich – Professor, Department of Constitutional Law and Theory of Law, Candidate of Philosophy, Doctor of Culturology, Law Institute; Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: arzumanov@mail.ru

УДК 349.422

К вопросу значения исключений в правовом регулировании общественных отношений

© Байдарова М. А., 2019

Аннотация. Рассматриваются исключения-дополнения и исключения-изъятия, существующие в праве. Отмечается возможность имплементации в норму права альтернативного общему (или даже специальному) варианту регуляции общественных отношений. Делается вывод, что исключения-дополнения обогащают правовыми возможностями общее правило, то исключения-изъятия устанавливают возможные санкционированные отступления (отступления) от него.

Ключевые слова: правовое регулирование, компонент правового регулирования, исключения-дополнения, исключения-изъятия, имплементация, норма права, детерминированность, многообразие общественных отношений.

Под правовым регулированием следует понимать воздействие права на общественные отношения, осуществляемое через систему правовых средств (изъятий/дополнений), – механизм правового регулирования.

Т. Н. Радько определяет, что правовое регулирование представляет собой механизм социального регулирования общественных отношений [1, с. 308].

По мнению Н. И. Матузова, А. В. Малько, важно понимать, что правовое регулирование представляет собой процесс воздействия конкретных средств на общественные элементы, складывается из отдельных, самостоятельных этапов такого воздействия,

т. е. правовому регулированию, так же как и механизму, ему (правовому регулированию) соответствующему, присущ деятельный и системный характер [2, с. 501].

Тем самым правовое регулирование – это совокупность приемов и способов. Способами, задействованными в режиме исключений, выступают изъятия и дополнения.

Конечно, можно выделить различные подходы к пониманию правового регулирования. Однако не стоит забывать о тесной взаимосвязи таких категорий, как «правовое регулирование» и «механизм правового воздействия». Правовое регулирование нельзя смешивать с более широким понятием правового воздействия, которое, по мнению В. Б. Исакова, охватывает все каналы действия права [3, с. 392].

В свою очередь, В. М. Горшенев под механизмом правового воздействия понимает всю совокупность способов и форм осуществления права, претворения права в жизнь [4, с. 43; 5, с. 183].

Под способом правового регулирования в юридической литературе понимают «основанную на государственной оценке социально значимых явлений систему правовых предписаний, фиксирующих комплекс правовых способов, приемов и процедур их использования, с помощью которых осуществляется регулятивное воздействие на сознание и волю людей с целью достижения социально полезного результата» [6, с. 7].

Из изложенного логично следует вывод, что изъятия и дополнения представляют один из связующих комплексов системы правовых элементов (способов), осуществляющих взаимозависимую регламентацию общественных отношений.

Само слово изъятие согласно словарям обозначает: исключить, устранить [7]; исключение, отступление от чего-либо [8], уклонение от каких-нибудь норм [9]; отобрать, конфисковать [8].

В юридическом аспекте термин «изъятие» в общей теории права не получил всестороннего исследования и монографического выражения, что нельзя сказать про другие отрасли права.

Изъятие достаточно часто ставится в один ассоциативный ряд с исключением. Логика здесь такова, что именно посредством исключения определенный пласт общественных отношений (субъект, ситуация, обстоятельства) изымаются из-под действия общего правила.

Однако не надо впадать в крайность, безусловно определяя любое изъятие в праве как исключение. В качестве примера можно привести положения ст. 24 Федерального закона от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [10], в котором определены требования к *изъятию* (курсив наш. М. Б.) из оборота некачественных и опасных пищевых продуктов, материалов и изделий.

В данной норме изъятие, которое касается признанных в установленных законом порядке некачественными и опасными пищевых продуктов, материалов, изделий, однозначно выступает правилом, стандартно регулирующим их оборот.

Аналогичным образом – как правило, изъятие трактуется в доминирующем массиве соответствующих нормативных актов [11].

При этом из изъятий, выступающих в качестве правила, могут быть исключения, подразумевающие опять же изъятия. Частью 1 ст. 37 ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» определяется, что имущество, заложенное по договору об ипотеке, может быть отчуждено залогодателем другому лицу лишь с согласия залогодержателя, если иное не предусмотрено договором об ипотеке [12].

Изъятие как исключение (что характерно вообще для исключений) имеет более сложную природу, нежели изъятие-правило.

Так, например, ст. 22 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» предусмотрены запреты и ограничения, связанные с применением специальных средств сотрудниками полиции. Однако ч. 5 ст. 22 допускается изъятие-исключение в виде *отступления* (курсив наш. – М. Б.) от запретов и ограничений, если специальные средства применяются по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О полиции» [13].

В механизме воздействия исключений-изъятий на окружающую действительность, изъятие представляет собой, как уже было сказано, способы выведения из-под регулятивного воздействия общего правила и закрепление в норме права иной вариации правового регламентирования. Именно в таком аспекте понимает изъятие-исключение С. Ю. Суменков [14, с. 106].

О взаимосвязи исключений и изъятий в более ранний период писал И. Н. Сенякин. Специальные нормы-изъятия, абсолютно

верно отмечает ученый, определяют исключения из общего правила, содержат некоторые отклонения от него. Норма-изъятие чаще всего действует вместо общего установления и закрепляет отдельные условия, которые неприменимы в сфере родовых общественных отношений [15, с. 77].

Резюмируя позицию И. Н. Сенякина, можно констатировать, что он, во-первых, вводит такой унифицированный признак исключения, как изъятие (из общего правила), и, во-вторых, определяет специальные нормы-изъятия как исключения из общих правил [Там же].

Тем самым изъятие как исключение при регулировании общественных отношений представляет собой нормативно оформленный способ отступления от общего предписания, с обязательной установленной альтернативой регуляции.

По нашему мнению, исключение-изъятие – санкционированное государством отступление от общего установления, выраженное в выведении из нормы права определенного комплекса социальных отношений, направленных как на ограничение, так и на расширение потенциала правовых возможностей субъекта правоотношения, достигаемого посредством внедрения иной модели поведения.

Надо отметить, что изъятие как компонент механизма реализации исключений представляет собой классический [16] способ воздействия на правила.

В свою очередь, дополнение как составляющая инструментального комплекса исключений является более сложным по содержанию способом имплементации исключения, значительно реже (в сравнении с изъятиями) встречающимся в массиве нормативных правовых актов.

Исключение-дополнение внедряет в правовое предписание дополнительный диапазон поведения (действий/бездействий) субъектов права, предоставляющее возможность отступления от общего правила, восполняющее его и не противоречащее ему (общему правилу), позволяющее санкционированно применять резервный (альтернативный) вариант поведения.

В частности, Трудовым кодексом РФ (далее – ТК РФ) представлена широкая палитра примеров исключений-дополнений. Например, законодатель в ст. 113 ТК РФ вводит исключение-дополнение, с формулировкой «исключительные случаи» [17].

По общему правилу работа в выходные и нерабочие праздничные дни запрещается. Однако законодатель трансформационно формулирует возможность наступления исключительных случаев, некоторые из которых, прямо предусмотрены ТК РФ (ст. 113): выполнение заранее непредвиденных работ, предотвращение несчастных случаев, производственной аварии и другие. При констатации названных либо иных исключительных случаев в правило-запрет имплементируется дополнение, являющееся исключением из названного правила о запрете работы без согласия работника в выходные и праздничные дни. Данное исключение выступает дополнением вследствие того, что оно расширяет полномочия работодателя, увеличивая возможности усмотрения исключительных случаев и, следовательно, дополняя перечень казусов, наличие которых позволяет работодателю привлечь работника к труду без их согласия.

Подобный теоретический вывод подтверждается судебной практикой. В частности, Определением Московского городского суда от 15 октября 2013 г. за № 4г-8260/13 установлено, что прерогатива привлечения к работе в выходные дни работника принадлежит работодателю.

В свою очередь, Апелляционным определением СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Мордовия от 16 августа 2016 г. по делу № 33-1954/2016, где определено, что трудовым законодательством Российской Федерации на работодателя не возложена обязанность оплачивать труд работника, выполнявшего свои трудовые функции в сверхурочное время, а также в выходные и праздничные дни по собственной инициативе.

Таким образом, если работник привлечен к работе в выходные и праздники по письменному распоряжению работодателя, что является, на наш взгляд, исключением-дополнением, то он сохраняет за собой законодательно установленные ТК РФ гарантии по оплате труда в данные дни.

Как думается, приведенные примеры служат наглядной демонстрацией существования исключения-дополнения, суть которого в том, что работодателю предоставлено дополнительное исключительное право, установленное в рамках основного правила, не нарушающее его, по привлечению работника к выполнению его трудовой функции, позволяющее использовать альтернативный вариант поведения.

Подобное искусственное моделирование законодателем правовой ситуации, с помощью исключений-дополнений, позволяет учитывать многообразие производственных обстоятельств.

Примером несколько иного рода служит ст. 124 ТК РФ, в которой предусмотрена возможность, в исключительных случаях, когда предоставление отпуска работнику в текущем рабочем году может неблагоприятно отразиться на нормальном ходе работы организации, индивидуального предпринимателя, с согласия работника перенести отпуск на следующий рабочий год [18].

Законодательное введение исключения-дополнения в ст. 124 ТК РФ позволяет реализовать гарантированное Конституцией РФ (п. 5 ст. 37) и нормами статей ТК РФ права на отдых, в том числе на ежегодный отпуск, что подтверждается Апелляционным определением СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 6 сентября 2012 г. по делу № 33-9009/2012.

Теоретическим обоснованием наличия дополнений в праве является позиция И. Н. Сенякина. Ученый выделяет целый блок специальных норм-дифференциаций [19, с. 51], к которым он среди прочих относит не только нормы-изъятия, но и нормы-дополнения, а также особые исключительные предписания [15, с. 69–81].

Специальные нормы-дополнения, по мнению И. Н. Сенякина, – это просто дополнительное правило, которое устанавливается сверх, в дополнение к основному [15, с. 51], призванное расширить содержание генерального установления, создать дополнительные гарантии и льготы для субъектов соответствующих правоотношений [15, с. 76]. Тем самым ученый полностью отрицает возможность существования дополнений как исключений, трактуя дополнение сугубо как специальное правило.

По нашему мнению, дополнение может выступать способом имплементации отличного от правила варианта регуляции и выражаться соответственно либо в виде специального правила-дополнения, либо исключения-дополнения. В ситуации с дополнением прослеживается определенного рода аналогия с изъятием: дополнение может выступать как правилом, так и исключением. Здесь следует согласиться с С. Ю. Суменковым, который отмечает, что «исключение детерминирует дополнение в правило либо изъятие из него и появления легальной альтернативы последнему» [20, с. 107].

И. Н. Сенякин скорее всего подразумевает под дополнением только специальное правило. Последнее действует параллельно с общим, не изменяя предусмотренные стандарты регулирования [15, с. 76].

Исключение-дополнение (а по большому счету и исключения-изъятия) предусматривает не просто иной вариант регуляции, а неперенное изменение шаблонных требований правового регулирования. При этом исключения могут быть не только из общих, но также из специальных правил [21, с. 48–49]. В части 1 ст. 16 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» предусматривается, что по общему правилу «сотрудниками Следственного комитета могут быть граждане Российской Федерации, получившие высшее юридическое образование по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе, обладающие необходимыми профессиональными и моральными качествами и способные по состоянию здоровья исполнять возлагаемые на них служебные обязанности» [22]. Однако в ч. 2 указанной выше статьи законодатель предусматривает исключительные случаи назначения на должности следственных отделов, следственных отделений Следственного комитета по районам, городам и приравненным к ним, в том числе специализированным следственным подразделениям Следственного комитета [22].

При этом сама по себе проблема существования специальных правил безусловно, заслуживает отдельного теоретического рассмотрения, не относясь, однако, к предмету настоящего исследования.

Сложность позиции И. Н. Сенякина заключается еще и в том, что он выделяет и так называемые исключительные предписания. И. Н. Сенякин характеризует их прежде всего как «дополнение», предписывающее изъятие из правил как общих, так и специальных норм [15, с. 79].

Здесь следует согласиться с тем, что для исключительных предписаний характерен определенный дуализм, а именно сочетание изъятий и дополнений. Однако остается не понятным, в чем заключается принципиальное отличие специальных норм-изъятий (исключений) и исключительных предписаний.

Апория о том, что исключительные предписания проецируются как на общие, так и на специальные нормы, представляется

более чем верной. Вместе с тем сложно разделить позицию ученого в том, что исключительные специальные нормы устанавливают особые правила, которые, как пишет И. Н. Сенякин, заменяют собой действие общих положений, имеют ограниченный объем и сферу действия и не подлежат распространительному толкованию [15, с. 79].

Сомнение вызывает, что исключительные нормы устанавливают правила. По нашему мнению, исключительные нормы содержат и, соответственно, устанавливают исключения из правил, проецирующихся, и здесь, действительно, абсолютно прав И. Н. Сенякин, на определенную категорию субъектов, на чрезвычайные обстоятельства и на строго определенные регионы.

Завершая обзор позиции И. Н. Сенякина, хотелось бы отметить, что он, по сути, формулирует трехсторонний подход к пониманию исключения: а именно изъятие-исключение, исключительное предписание и дополнение как способ имплементации исключения.

Резюмируя вопрос о дополнениях, следует еще раз отметить, что в праве они могут выступать не только как правила, но и как исключения.

Тем самым исключение – это компонент правового регулирования, получившее государственное санкционирование и формально-определенное закрепление в юридической норме, выражающиеся в виде изъятия или дополнения, представляющее собой дополнение и (или) изъятие из общих единых для всех правил, подразумевающее альтернативный вариант регуляции общественных отношений.

По нашему мнению, можно предложить следующие характеристики исключения, имеющего место в правовом регулировании.

Во-первых, детерминированность исключений многообразием общественных отношений, обуславливающих объективность исключений и необходимость их наличия в праве.

Во-вторых, исключения в механизме правового регулирования реализуются как изъятия или (и) дополнения из стандартизированных эталонов поведения; посредством изъятия либо дополнения создается альтернативный (но санкционированный) вариант регуляции.

В-третьих, исключения олицетворяют собой дозволения либо ограничения, коррелирующие друг с другом следующим обра-

зом: если правилом является дозволение, то исключением из него служит ограничение, и наоборот.

В-четвертых, исключения обязательно находят свою фиксацию в норме права. Это позволяет заявлять о легитимности исключений, их властной природе, гарантированности санкционирования государством, имплементированности в механизм правового регулирования.

Литература

1. Радько Т. Н. Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник для бакалавров. М. : Проспект, 2013. 562 с.
2. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 528 с.
3. Исаков В. Б. Проблемы теории юридических фактов : дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1985. 392 с.
4. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М. : Юрид. лит., 1972. 258 с.
5. Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М. : Госюриздат, 1961. 271 с.
6. Хохлова И. С. Способ правового регулирования : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 30 с.
7. Толковый словарь С. И. Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/толковый-словарь-ожегова/изъять> (дата обращения 20.09.2018).
8. Толковый словарь А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.вокабула.рф/словари/толковый-словарь-евгеньевой/изъять> (дата обращения 20.09.2018 г.)
9. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. 1935–1940. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/09/us1b8601.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения 20.09.2018 г.).
10. О качестве и безопасности пищевых продуктов: федеральный закон от 2 янв. 2000 г. № 29-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 150.
11. Земельный Кодекс Российской Федерации от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
12. Об ипотеке (залоге недвижимости): федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.
13. О полиции : федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
14. Суменков С. Ю. Исключения из правил как изъятия: сущностная характеристика в контексте правового регулирования // Правовая политика и развитие российского законодательства в условиях модернизации: Обзор «круглого стола» (г. Красноярск, 25–26 июня 2012 г.) // Государство и право. 2013. № 11. С. 98–114.
15. Сенякин И. Н. Специальные нормы советского права : монография. Саратов : Изд-во Саратов. ун-т., 1987. 96 с.

16. Суменков С. Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. 58 с.
17. Суменков С. Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 58–67.
18. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ // Парламентская газета от 05.01.2002 г. № 2–5. Ст. 124.
19. Волегов Ю. Б. Значение дифференциации для совершенствования трудового законодательства // Советское государство и право. 1982. № 1. С. 50–61.
20. Суменков С. Ю. Исключения из правил как правовые дозволения: особенности юридической природы // 10 Всероссийские декабрьские юридические чтения в Костроме (Кострома, 15–16 дек. 2012 г.): сб. материалов. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. Том 3. 197 с.
21. Суменков С. Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ: монография / под ред. А. В. Малько. М. : Юрлитинформ, 2016. 372 с.
22. О Следственном комитете Российской Федерации : федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 403-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12181539/7a58987b486424ad79b62aa427dab1df/#ixzz5VlgJvsP7> (дата обращения: 31 окт. 2018 года)

To question the value of exceptions in the legal regulation of social regulations

© Baydarova M. A., 2019

Abstract. Existence in the right of exceptions-additions and exceptions of exceptions allows to note possibility of implementation in a norm of the right of alternative general (or even special) option of regulation of the public relations. If exception-additions enrich the legal capability general rule, the exceptions-exceptions establish a possible sanctioned derogations (exemptions) from him.

Keywords: legal regulation, component of legal regulation, exceptions-additions, exceptions-exceptions, implementation, rule of law, determinism, diversity of social relations.

Байдарова Марина Александровна – соискатель кафедры теории государства и права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия, e-mail: fetisowa.marina2010@yandex

Baydarova Marina Aleksandrovna – Applicant, Department of Theory of State and Law, Saratov State Law Academy; Saratov, Russian Federation, e-mail: fetisowa.marina2010@yandex

К вопросу о правовой экономии и рациональном правовом регулировании

© Василевич Г. А., 2019

Аннотация. Рассматриваются вопросы нормотворческого процесса. Основное внимание уделено принципу экономичности деятельности нормотворческих органов и правоприменения. Подчеркнуто, что в современных условиях на первый план выходит выбор мер правового регулирования, прогнозирование последствий принятия и введения в действие актов законодательства, проведение правового мониторинга. Вносятся предложения по совершенствованию сложившейся практики.

Ключевые слова: правовая экономия, прогнозирование, избыточность законодательства, обоснование проекта.

Практика свидетельствует, что позитивное право, воплощенное в актах законодательства, все более и более пронизывает сферы общественной жизни. Это ярко проявляется в постоянном росте массива нормативных правовых актов, их непрерывном изменении и дополнении. Пока присутствует убеждение, что норма права решит любую проблему, если иные социальные правила не позволили добиться соответствующего результата. При этом удельный вес законодательных актов среди общего числа нормативных правовых актов весьма мал. В количественном плане доминирует подзаконное законодательство. Конечно, вряд ли в этой связи есть основания для упрека в адрес парламентариев, так как подготовку проектов законов осуществляют в основном Правительство Республики Беларусь, иные органы исполнительной власти.

Конечно, все закрепить в одном законе или ином законодательном акте не всегда представляется возможным. Нередко есть необходимость касаться вопросов одной тематики, содержащихся в смежных актах. Так, в сфере принудительного исполнения действуют два закона – Закон Республики Беларусь 24 октября 2016 г. № 440-З «О судебных исполнителях» и Закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве». Как отмечалось в литературе, в связи с принятием этих законов осуществлялась корректировка ряда указов Президента, актов Правительства, постановлений Министерства юсти-

ции. Так, указом Президента от 18 августа 2017 г. № 287 были скорректированы семь указов, постановлением Правительства внесены изменения и дополнения в 11 постановлений Совета Министров [1, с. 6–7]. На недавно прошедшей конференции под эгидой Совета Республики Национального собрания сообщалось, что наряду с Кодексом об образовании в указанной сфере отношений действует еще около четырехсот нормативных правовых актов. От такой практики правового регулирования надо отказываться. Лучшим вариантом правового регулирования является исключение множественности и избыточности актов. Опыт убеждает в необходимости подготовки и принятия более развернутых по своему содержанию законов, чтобы было меньше необходимости заниматься подзаконным нормотворчеством, восполняя пробелы закона или реализуя содержащиеся в законе бланкетные нормы. Закон, в отличие от подзаконных актов, как известно, призван регулировать наиболее значимые общественные отношения. В статье 97 Конституции дан примерный перечень таких актов – законов. Как рассказывалось представителем Бундесрата Германии, в этой стране допускается внесение изменений и дополнений в постановления Правительства посредством принятия закона. При этом форма акта сохраняется – это все равно постановление. У нас часто ученые и практики подчеркивают необходимость реализации пакетного принципа принятия актов, т. е. одновременную их корректировку. Не всегда это можно обеспечить, но надо к этому стремиться. Например, со вступлением в силу закона надо одновременно вводить в действие (если это вытекает из положений закона) новые нормы постановления Правительства, ведомственных актов. Было бы правильно в этой связи иметь совмещенные по времени планы подготовки и принятия законов и иных актов законодательства, с тем чтобы исключить разночтения в законах и подзаконных актах, в статьях закона, которыми даются поручения, фиксировать «концепцию» изменений подзаконных актов. Что же касается внесения законом изменений в акты правительства, как это делается в некоторых случаях в Германии, то с учетом у нас президентской формы правления это, на наш взгляд, неприемлемо. В то же время, исходя из того, что Президент Республики Беларусь юридически Глава не только государства, но и исполнительной власти, не исключали бы такой вариант. Хотя в силу верховенства указов и декретов

такой особой потребности нет, так как вопрос может быть решен посредством издания указанных актов.

Следует продолжать процесс конституционализации отраслевого законодательства, т. е. приведения его в соответствие с конституционными принципами и нормами. Такой подход способствует укреплению режима законности. Конституция содержит нормы-принципы и нормы, в которых сформулированы конкретные юридические правила. Каждый конституционный принцип важен, среди них нет первенства, все они сосуществуют рядом, вступая в различные комбинации при разрешении конкретного спора. Предметом пристального внимания являются принципы верховенства права и принцип законности. Их дополняют принципы предсказуемости правового регулирования, пропорциональности ограничений и др. В научной литературе и в повседневной жизни много внимания уделяется принципу законности. Часто, когда говорят о законности, ей противопоставляют целесообразность. По большому счету это правильно, но отвергать целесообразность (разумность) как антипод законности нельзя. Правовое регулирование должно быть разумным, основываться на конституционных принципах и нормах как стандартах современного правопонимания. Важно находить оптимальное правовое решение. Обеспечению разумности правового регулирования призваны содействовать такие составляющие нормотворческого процесса, как определение целей акта законодательства, анализ состояния правовых отношений, прогнозирование последствий принятия нормативного правового акта, правовая экспертиза акта, общественное и профессиональное обсуждение проекта, правовой мониторинг и др. Разумным правовым регулированием общественных отношений будет такое их регулирование, при котором достигается законный результат с наименьшими затратами труда и ресурсов.

Надо развивать учение о верховенстве Конституции; о связанности самих государственных органов, должностных лиц собственными решениями: их следует исполнять, пока решения не отменены или не пересмотрены, не приостановлено их действие; о недопустимости придания актам обратной силы, если ими усиливается или вводится ответственность либо иным образом ухудшается положение участников общественных отношений; о стремлении к стабильности правового регулирования; исключе-

нии избыточности актов законодательства; их системности; о пропорциональности ограничения прав достигаемым целям (так называемым правомерно достигаемым целям, о которых говорится в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод и ст. 23 Конституции Республики Беларусь); о необходимости трактовки положения Конституции Республики Беларусь с учетом общепризнанных принципов международного права, на что ориентирует ст. 8 нашей Конституции).

Назрела необходимость прогнозирования последствий принятия и регулирующего воздействия акта. За чисто материальными последствиями, которые могут наступить в связи с принятием акта, надо видеть иные составляющие этого процесса, в том числе как новые правила повлияют на деловую активность граждан, предпринимателей, их настроение, физический и психологический настрой, ощущение ими справедливости и разумности принятого решения.

Одним из важнейших научных направлений должно стать развитие теории экономического анализа права. Важность этого направления предопределяется теми позитивными результатами теоретического и прикладного характера, которые можно получить, обеспечив симбиоз юридической мысли и экономической науки. Конкретные шаги можно делать, начиная с отдельных актов и отраслей права. К выполнению этой задачи должны подключиться специалисты в области информационных технологий, социологи, специалисты в области психологии, включая социальную психологию. Должны быть выработаны алгоритм проведения такого анализа, методика моделирования последствий принятия и действия актов, какое влияние они окажут на политическую, экономическую, социальную и духовную сферу общества.

Влияет ли нормотворческая, в том числе законотворческая, деятельность на социально-экономическое благополучие? Или когда мы говорим об экономии средств, то это забота органов Комитета государственного контроля, прокуратуры, правоохранительных и иных органов государственной власти? И речь идет только о каких-то «осязаемых» ресурсах: материальных, денежных средствах? Влияет, а если еще упомянуть практику правоприменения, то существенным образом! Потери бюджета, материальные расходы в этой области по причине принятия плохо подготовленных актов также есть! Было бы правильно все же на

эту сторону деятельности взглянуть критически, чтобы усилия государственного аппарата направить в более полезное русло и повысить отдачу при решении жизненно важных вопросов людей.

Анализ юридической литературы показывает, что исследование принципа экономии преимущественно проводится в рамках науки процессуального права: чаще идет речь о принципе процессуальной экономии при рассмотрении уголовных [2] и гражданских дел [3]. Это же касается и юридической ответственности. Здесь также важен и применим, как отмечают в литературе, принцип экономии уголовно-правовой репрессии. Справедливо полагают, что принцип экономии репрессии предполагает соблюдение меры и в правотворчестве, и в правоприменении [4]. На наш взгляд, экономия юридической репрессии означает выбор оптимальной меры воздействия на нарушителя законодательства. В данном случае экономию нельзя сводить только к назначению минимального наказания. Важно, чтобы достигались те цели, которые определены в качестве таковых при решении вопроса о привлечении к юридической ответственности. Здесь может идти речь и о расширении круга субъектов ответственности. Так, в Швеции могут быть привлечены к ответственности за занятие проституцией не только «женщины с низкой социальной ответственностью», но и их клиенты. Не исключали бы установление такого подхода и в нашем законодательстве. Или иной пример: противодействовать реализации контрафактной продукции может ответственность не только за ее производство, но и за приобретение. Естественно, что в этом случае надо определить четкие для этого условия. В науке гражданского права обращается внимание, что принципу экономичности подчинена реализация гражданских прав и обязанностей [5].

Экономичность правового регулирования проявляется в установлении лишь неких границ, в рамках которых можно действовать, но которые недопустимо нарушать. Конечно, каждая из сфер – частноправовая и публично-правовая – по степени воздействия права в этом отношении различаются.

В любом современном государстве власть стремится к тому, чтобы источник доходов человека, юридического лица был законным. В этих целях определяется система заработной платы для работников, порядок исчисления и уплаты пенсий, пособий, а также налогов физическими и юридическими лицами, регулирую-

ется хозяйственная деятельность, определяется порядок совершения сделок и т. п. Даже для приема в гражданство Республики Беларусь предусмотрено в качестве одного из условий наличие законного источника средств к существованию.

Отсутствие законного источника доходов может свидетельствовать о том, что удовлетворение материальных и духовных своих потребностей человек осуществляет вопреки требованиям закона. Конечно, лицо, которое, например, не работает, может получать материальную помощь со стороны государства (пособие по безработице), со стороны иных лиц (мужа, жены, родственников и др.). Однако много случаев, когда человек не работает в качестве наемного работника, не занят предпринимательской или иной легальной деятельностью, которая приносит доход, однако может позволить себе такие блага, которые недоступны иным (работающим) лицам. Они могут быть получены в результате выполнения работ в теневом секторе экономики, совершения хищений (мелких, а также уголовно наказуемых).

Все это побуждает государство принимать акты законодательства, направленные на обеспечение законопослушного поведения граждан, в том числе, когда речь идет о получении ими средств для жизни. Одним из важнейших средств обеспечения законности является декларирование доходов. Оно сыграло и продолжает играть важную роль в установлении законности получения доходов, обеспечении контроля со стороны государства в данной области отношений. Однако сегодня, на наш взгляд, ежегодное декларирование доходов в том виде, как оно есть, себя исчерпало.

Важнейшим ресурсом, способным усилить динамику процессов взаимодействия между человеком и государством, вывести их на новый уровень, сегодня являются информационные технологии. В нашем государстве еще в начале 2000-х гг. выбрано направление – развитие информационного общества, и для этого много сделано. Правда, и здесь были периоды роста числа государственных служащих, несмотря на общую тенденцию развития информационного общества. Используя новые технологии, можно больше экономить. Так, считаем, что нет необходимости в ежегодном декларировании тех доходов, которые и так государством в лице соответствующих органов контролируются. Например, доходы, которые гражданин получает в качестве работника, доходы от продажи имущества и т. п. Затрачиваются большие

ресурсы на получение справок, составление деклараций, их проверку и др. По нашим расчетам ежегодные затраты на составление деклараций, получение соответствующих справок, поездок за ними, проверку правильности составления деклараций и др. составляют около 5 миллионов условных единиц. Было бы полезно сохранить декларирование лишь тех доходов (имущества), получение средств, которые оказываются вне контроля государства, например займы, полученные вне банковской системы, средства, поступившие из-за границы. Декларирование можно было сохранить для случаев поступления на государственную службу, участия в выборах (в данном случае, на наш взгляд, полезно было декларировать доходы за последние пять лет), а также по требованию налоговой службы для отдельных лиц, в частности не работающих, но, судя по всему, имеющих доходы, не исключая нелегальные.

Если затронутый выше вопрос можно рассматривать как его постановку, желание сделать декларирование доходов более полезным, то уже сейчас вызывает удивление информация о массовой неуплате транспортного налога автовладельцами. Ведь должна быть информация о конкретных лицах, и если не привлечение к ответственности, то проведение с ними «профилактической» работы. Более экономной могла бы быть работа по организации призыва на срочную воинскую службу. Уже с момента приписки к призывному участку молодых людей следовало бы знакомить с их обязанностью явиться в военкомат с момента издания Указа Главой государства об очередном призыве на срочную службу. На это ранее обращалось внимание в литературе, так как государство тратит много времени и средств для вручения повесток, поиска призывников и др. [6, с. 13–14].

Одним из важнейших требований нормотворческого процесса является финансово-экономическое обоснование проекта акта. В целях стимулирования деятельности министерств и государственных комитетов, иных органов исполнительной власти можно было бы подумать о возможности использования, например, в течение года-двух, какого-то процента сэкономленных средств для нужд системы, поощрения работников, если ведомством предложен и принят новый закон, обеспечивающий сокращение государственных расходов. Когда же предусматриваются дополнительные расходы, то следовало бы стремиться их покрыть за

счет финансирования, выделенного для соответствующего ведомства. И лишь в исключительных случаях средства могут быть получены из других статей бюджета. Другой пример. В практике правоохранительных органов распространено применение такой меры пресечения, как арест. Не всегда это диктуется обстоятельствами дела. Здесь также можно было подумать о материальных стимулах на основе закона для применения арестов в исключительных случаях. Позитивно, что в свое время по инициативе автора был решен вопрос о взыскании средств в связи с розыском лица, подозреваемого в совершении преступления [7]. Полагаем, что на очереди должно быть и решение вопроса о возмещении средств, затрачиваемых государством при применении меры пресечения в виде домашнего ареста. На конституционном уровне (ст. 99) важные гарантии по экономному законотворчеству предусмотрены.

Более экономный подход должен быть при проведении контроля и надзора. Известно, что такие категории, как контроль и надзор, различаются, например по итогам конституционного контроля неконституционные акты признаются не имеющими юридической силы, а по итогам конституционного надзора (как и прокурорского надзора), как правило, не принимается окончательного решения. Часто обращается внимание на то, что контроль означает еще изучение целесообразности принятия решения, надзор касается прежде всего соответствия закону. Однако эти направления деятельности государственных органов следует совместить. На примере конституционного контроля полагаем, что потенциал Конституционного Суда надо использовать более эффективно – его акты следует направлять не только на формально-юридическое, сущностное содержание, но и на определение вектора развития законодательства. Вместе с тем трансформация конституционного контроля в конституционный надзор в зависимости от субъекта обращения в Конституционный Суд не уменьшает юридического значения принятого Конституционным Судом решения с позиции его содержания. Некоторый формальный дефект (в отношении субъекта обращения) значительно меньше дефекта, который заключается в неисполнении соответствующими субъектами требований ст. 52 и 59 Конституции, т. е. обязанностей по исполнению Конституции, созданию надлежащего правового порядка.

Выше нами говорилось о принципе экономии уголовно-правовой репрессии. Уклонение от отбывания назначенного судом уголовного наказания (рецидив) является не только свидетельством неправильно выбранной меры, но и влечет дополнительные затраты государства по реализации мер уголовной ответственности. Отметим, что свидетельством неэффективности карательной судебной практики в уголовно-правовой сфере является также частое принятие законов об амнистии. В свое время нами высказывалась идея о том, что на определение срока лишения свободы должны оказывать влияние не только обстоятельства совершения преступления, личность преступника, но и условия содержания в местах лишения свободы. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу, Беларусь взяла на себя обязательства по соблюдению международных стандартов в области содержания лиц, приговоренных к лишению свободы.

Судья, на наш взгляд, должен стремиться назначить адекватное наказание. Дополнительная работа по исполнению назначенного наказания не должна вести к нарушению законности и справедливости.

Одним из важнейших цивилизованных стандартов правовой регламентации является предвидение необходимости принятия нового акта, создания условий до его введения для граждан, чтобы они могли подготовиться к новой ситуации. К сожалению, это не всегда происходит [8; 9]. Хотя ситуация и стала лучше, чем это было в 90-е годы прошлого столетия.

Важнейшим элементом принципа поддержания доверия граждан закону и действиям государства является разумная стабильность регулирования правовых отношений, недопустимость произвольного изменения законодательства (иначе это можно расценивать как злоупотребление своим правом), установление оптимального периода для адаптации граждан, субъектов хозяйствования к новым правовым правилам. Гражданин должен быть уверен, что он не подвергнется таким правовым последствиям, которые он не мог предвидеть в момент принятия им какого-либо решения. Таким образом, можно вести речь о соблюдении принципа ожидания принятия государственным органами цивилизованных правовых решений. Следует стремиться к максимальному совпадению формы выражения с нормативной волей субъекта власти.

Потенциал экономии государственных средств в процессе нормотворчества еще полностью не задействован, хотя и много сделано за последние годы в этом направлении. Нужны дополнительные не только правовые, но и организационные усилия. В качестве одного из вариантов усиления организации данной работы могло бы быть создание в аппарате Министерства экономики подразделения, которое бы осуществляло мониторинг актов и правоприменительной практики, ведущих к излишним денежным и иным затратам, занималось бы поиском разумного сокращения расходов не в ущерб правам и законным интересам людей. Правил нормотворческой деятельности должно стать обоснованное прогнозирование ожиданий в связи с принятием нового акта. Полезно, чтобы до принятия нового акта разработчики проекта и заинтересованные инстанции представляли емкую информацию о состоянии дел с реализацией действующих актов по соответствующему кругу отношений. Таким образом, усилия в перспективе будут в большей степени направлены на формирование единой правоприменительной практики, стабильность законодательства, более ритмичную и ясную работу субъектов хозяйствования, обеспечение правовых ожиданий граждан.

Литература

1. Заседание коллегии Министерства юстиции Республики Беларусь по итогам деятельности органов принудительного исполнения // Юстиция Беларуси. 2018. № 2. С. 6–11.
2. Непомнящая Т. В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Екатеринбург, 2010. 46 с.
3. Сорокина В. В. Процессуальная форма юридической деятельности в современной России: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2009. 24 с.
4. Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. Преступление и наказание / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. С. 88–90.
5. Ягофарова И. Д. Право как мера ограничения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Екатеринбург, 2004. 28 с.
6. Василевич С. Г. Административная ответственность за нарушения против порядка приписки граждан к призывным участкам, призыва на воинскую службу и воинского учета. Минск : Право и экономика, 2013. 155 с.
7. Василевич Г. А. Укрепление правового порядка – гарантия стабильного развития общества // Проблемы управления: научно-практический журнал. 2009. № 2 (31). С. 14–18.
8. Минчане лишились «экопарковки», за которую заплатили по 1000 долларов. URL: <https://www.abw.by/novosti/law/198731/> (дата обращения: 10.05.2019).

9. Как заработать пенсию и не угодить в ловушку [Электронный ресурс]. URL: <http://kurjer.info/2016/12/14/insurance-trap/>. (дата обращения: 28.08.2019).

To the question of legal economy and rational legal regulation

© Vasilevich G. A., 2019

Abstract. The article deals with the issues of norm-setting process. The main attention is paid to the principle of efficiency of the activities of norm-setting bodies and law enforcement. It is emphasized that in modern conditions the choice of legal regulation measures, forecasting the consequences of adoption and enactment of legislative acts, legal monitoring is on the foreground. Suggestions are made to improve the existing practice.

Keywords: legal economy, forecasting, redundancy of legislation, substantiation of the project.

Василевич Григорий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Vasilevich Grigory Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of Constitutional Law, Belarussian State University, Minsk, Republic Belarus.

УДК 342

Куба-2019: Конституция «социалистического правового государства»?

© Хесус Пастор Гарсия Бригос, 2019

Аннотация. Показана необходимость осмысления исторического пути социалистического развития Республики Куба за последние десятилетия. Поставлены вопросы, ответы на которые актуальны для конституционного развития современной Кубы.

Ключевые слова: Республика Куба, Конституция, социалистическое правовое государство.

Сегодня Куба находится на новом этапе развития, который связан с процессом рефлексивного анализа революционного процесса, исходя из критических указаний Рауля Кастро в июле 2007 г. Текущий процесс самокоррекции путей совершенствования кубинского общества с 2007 г. находит преемственность в дискуссиях экономических и социальных направлений партий и революции 2011–2015 гг. (утвержденных на I Национальной конференции партии по итогам целенаправленной деятельности

партийных органов) и достигает своего пика в процессе VII Съезда партии. На данном Съезде были отработаны важные политические нормативные документы, впоследствии ставшие основой для новой Конституции Республики Куба 2019 г., утвержденной Национальной ассамблеей народной власти – верховным государственным органом Кубы.

С новой Конституцией, бесспорно, открываются возможности для проведения системных перемен, в которых кубинское общество остро нуждается спустя 60 лет революционных преобразований. Основной закон призван играть роль артикулирующей оси (базовой установки), генерирующей необходимые синергии совместно с партийными документами, а также с концепциями и подходами, обозначенными в дискуссиях, начатых еще на VI Съезде партии. Но анализ действительности позволяет назвать вызовы, для успешного противостояния которым недостаточно декларировать руководством страны и представителями так называемого гражданского общества наличие воли на продолжение социалистических преобразований.

Степень, в которой новая конституция отвечает объективным требованиям современности в кубинском развитии, выражена Генералом армии, Первым секретарем Центрального комитета КПК на Первой национальной конференции КПК 28 января 2012 г.: «отойти от тяжести старого менталитета и закалять с преобразующей целеустремленностью и большой политической чувствительностью видения настоящего и будущего нашей родины, не отрекаясь ни на одно мгновение от наследства Хосе Марти и доктрин марксизма-ленинизма, образующих главное идеологическое основание нашего революционного процесса».

Избежать всего того, что могло бы реставрировать «ржавеющее оружие», использование которого свойственно периоду становления основ коммунистических преобразований и оружия, которое «ржавело» при первых шагах социалистических преобразований, возможно лишь при условии наличия глубокой ответственности, поставленной перед нами после итогов VII Съезда партии и утверждения новой Конституции.

Какую роль должна играть Конституция в ходе социалистического (коммунистического) преобразования общества? Можно ли успешно осуществить данный процесс на основе таких же идей и практических действий, которые управляли обществен-

ными отношениями до установления капиталистической системы, с такими же категориями, которые рождались и «укоренились» в науке, в общественной деятельности (в частности в политике и в экономике) и в понятии «здорового смысла»? Имеются ли в новой Конституции необходимые новые содержания и интерпретации политики как деятельности государства – специализированного политического системного института, по устройству, организации общества при таком общественном строе и понимании собственности? Какой вклад был внесен включением этой новой «характеристики-определения» Кубы как «социалистического правового государства»? И это лишь некоторые из первостепенных вопросов, ответы на которые нам необходимо аккуратно разрабатывать для консолидации кубинского социалистического преобразования, что означает продолжение нашего существования в качестве независимой страны в сложившихся трудных международных условиях возобладания и доминирования капиталистических отношений.

Cuba-2019: the Constitution of “the socialist right state”?

© Garsia Brigos Khesus Pastor, 2019

Abstract. In article necessity of judgement of a historical way of a socialist way of development of Republic Cuba for last decades is shown. Questions are put, answers on which are actual for the constitutional development of modern Cuba.

Keywords: Republic Cuba, the Constitution, the socialist right state

Гарсия Бригос Хесус Пастор – доктор философских наук, Институт философии, Гавана, Республика Куба.

Garsia Brigos Khesus Pastor – Doctor of Philosophy, Institute of Philosophy, Havana, Cuba Republic.

Проблема мирной Конституции Японии в китайско-японских отношениях второй половины XX – начала XXI в.

© Гуань Цзяньцян, Барышева А. С., Степанов А. В., 2019

Аннотация. Рассматривается проблема возможности и условия сохранения мирной Конституции Японии, а также варианты возможностей и условий изменения текста текущей мирной Конституции Японии. Высказывается озабоченность тем фактом, что Япония выстраивает курс на изменение Конституции самостоятельно, не оглядываясь на международное сообщество – страны-победительницы, у которых есть определенные права в отношении Конституции Японии, и достаточно широко трактуя международное право.

Ключевые слова: мирная Конституция Японии, Китай, страны-победительницы, международное право.

Мирной Конституцией названа ныне действующая послевоенная (Вторая мировая война 1939–1941 гг.) Конституция Японии. В 1945 г. страны-победительницы потребовали от правительства Японии внесения поправок в Конституцию Японской империи (Конституция Мэйдзи). Было выдвинуто три принципа, которые следовало учесть в документе:

во-первых, статус императора как главы государства и передача его полномочий по наследству; император должен исполнять свои обязанности по Конституции и должен следовать общей воле граждан, исходя из положений Конституции;

во-вторых, отказ от ведения войн на основании суверенных прав государства; Япония должна отказаться от ведения войны в качестве средства урегулирования конфликтов и обеспечения собственной безопасности; оборона и защита Японии должны быть подчинены высшим идеалам существующего мира; не допускается наличие у Японии СВ, ВМС и ВВС; войскам Японии отказано в праве ведения каких-либо военных действий;

в-третьих, отмена феодального строя; за исключением императорской семьи, права аристократов продолжают действовать лишь в течение текущего поколения [1]

Цель документа заключалась в предупреждении возрождения японского милитаризма на основании Национальной конституции Японии. Новая Конституция Японии лишила императора

Японии его наивысших полномочий и статуса, однако номинально Япония оставалась империей.

Новая Конституция Японии формально являлась исправленной редакцией Конституции Мэйдзи, однако фактически она выступала важным средством для ограничения суверенных прав Японии со стороны союзников и для возложения на Японию ответственности, предусмотренной международным правом.

Важнейшим пунктом мирной Конституции в отношении ограничения права Японии на ведение военных действий стала ст. 9 в главе 2-й.

Статья 9 Конституции Японии гласит буквально следующее: «Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров.

Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается».

Предполагалось, что данная однозначная редакция статьи не может допускать каких-либо толкований.

Тем не менее, в первоначальной редакции Конституции не содержалось оговорки «для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце», в ходе обсуждения положений настоящей статьи представитель ЛДП Хитоси Асида, занимавший пост главы Специального комитета по поправкам в Имперскую Конституцию Японии, беспокоясь о лишении страны возможностей для самообороны, потребовал включения в текст данной формулировки.

Таким образом, можно сделать вывод, что данное включение каким-то образом может допускать разночтения ст. 9 Конституции Японии. Если мы исходим из того, что ст. 9 Конституции в части «право на ведение государством войны не признается» лишает Японию права на ведение внешней войны (исключая право на оборону), то мы приходим к тому, что ст. 9 Конституции фактически не накладывает каких-либо особых ограничений на суверенные права Японии.

Китайские ученые Гуань Ин и Ли Лун считают, что ст. 9 Конституции Японии – ограничительное условие, которое меж-

дународное сообщество применило в принудительном порядке к инициатору бесчеловечной войны. Это торжественное обещание правительства Японии как своему народу, так и другим народам мира, которое основывается на отречении от милитаризма, а также клятва Японии переродиться и вернуться в состав международного сообщества.

Существующий в настоящее время в правительстве Японии лагерь за внесение поправок в Конституцию Японии, ядром которого выступает ЛДП, также в полной мере осознает недостатки «поправок Асиды». В связи с этим соответствующие политические силы в 2012 г. выступили с «проектом пересмотра Национальной конституции Японии».

Конституция Японии нигде напрямую не постулирует принципы толкования Конституции, тем не менее, согласно ст. 81, Верховный суд является судом высшей инстанции, полномочным решать вопрос о конституционности любого закона, приказа, предписания или другого официального акта. Таким образом, Конституция Японии фактически наделяет, по меньшей мере, Верховный суд полномочиями по проверке соответствующих фактов на предмет их конституционности [2].

Стоит также отметить, что ст. 73 Конституции Японии четко указывает: полномочия кабинета министров не включают в себя возможность произвольного толкования Конституции. Следовательно, в сущности, толкование Конституции относится к полномочиям именно Верховного суда Японии, но не кабинета министров.

Активист в деле внесения поправок в Конституцию Японии, инспектор Комитета по административным расследованиям ЛДП Тамура Сигэнобу на вопрос об основе правомочий кабинета министров Японии по толкованию Конституции ответил, после некоторых размышлений, что истоки правомочий следует искать в ст. 65 Конституции Японии, в которой содержится пункт о принадлежности исполнительной власти кабинету министров.

Но в ст. 65 говорится только о том, что исполнительная власть осуществляется Кабинетом, в ней здесь нет каких-либо положений, которые бы наделяли Кабинет министров Японии возможностью толкования Конституции применительно к административным вопросам.

Конечная цель премьер-министра Японии Синдзо Абэ, таким образом, заключается в корректировке Конституции Японии,

отмене ст. 9 Конституции и наличия у Японии официальных вооруженных сил. Корректировка толкования Конституции – преюдя перед отказом от ст. 9.

Сторонники внесения поправок стоят на следующих позициях.

1. Восстановление суверенных прав.

2. Международный вклад. Заявляется, что Япония должна отойти от одностороннего принципа пацифизма в одной стране в пользу международного пацифизма, говорится о том, что народ Японии должен для обеспечения и восстановления международного мира и безопасности стоять в авангарде международного сообщества, и здесь следует исходить из всех имеющихся средств, в том числе предоставления вооруженных сил.

3. Китайская угроза. Высказывается беспокойство в связи с ощущением кризиса на фоне ускоренного развития и подъема Китая. По мере обострения территориальных споров с Китаем правые силы Японии используют все возможные средства и шансы для того, чтобы провоцировать страх перед угрозой со стороны соседей и подстрекать к постоянному расширению военных сил. Не только КНДР, но и Китай, и Россия здесь превращаются в «угрозы». Япония посредством расширения территориальных споров формирует ощущение напряженности, тем самым постоянно педалирует действия по «нормализации» ситуации в стране. Правительство Японии, в частности, изо всех сил пытается преувеличить сложность ситуации с поддержанием безопасности в регионе и, разжигая огонь вокруг «китайской угрозы», стремится укрепить альянс с США. Япония ищет поводы для усиления собственных вооруженных сил. Конечная цель всего этого – желание создать предпосылки для изменения Конституции и превращения в «нормальную страну».

В этой связи сторонники поправок в Конституцию заявляют о том, что они следуют «воле народа», а практически – предлагают, в первую очередь, изменить ст. 96, регулиующую порядок внесения поправок в сторону его упрощения.

Следующим способом воздействия на ситуацию с изменением мирной Конституции Японии является декларация ограничения суверенных прав страны в международном праве: до войны суверенные права Японии фактически принадлежали императору, после войны суверенные права Японии были переданы народу страны. Исходя из принципа принадлежности суверенных

прав народу, пределы суверенных прав отдельной страны вовсе не могут трактоваться как неограниченные. С одной стороны, они ограничиваются волей народа, с другой – люди с течением времени все больше осознают, что в долгосрочной перспективе отстаивание международного мира и независимого национального государства предполагает то, что все страны жертвуют частью суверенных прав. Только так возможно в ограниченном пространстве реализовывать положения международного законодательства, а в неограниченных пределах – поддерживать верховенство права с упором на обязательность соблюдения положений международного права.

Дело в том, что перед лицом агрессии и преступлений Японии союзники прибегли к мерам по содержанию страны и наказанию ее лидеров, которые развязали войну: были ограничены суверенные права Японии, введена новая Национальная конституция Японии, устранен особый статус императора в качестве авторитарного правителя, четко заявлено, что Япония отказывается от права на объявление войны, ограничены пределы реализации Японией своих территориальных суверенных прав (за страной были сохранены только изначально принадлежащие ей земли) и так далее.

На основании Потсдамской и Каирской деклараций и Акта о капитуляции Японии были сформированы предусмотренные международным правом договорные отношения по правам и обязанностям. Эти документы стали правовой основой ограничения суверенных прав Японии.

Действительность Конституции Японии не выстраивается исключительно исходя из односторонней воли США. Соединенным Штатам делегированы соответствующие полномочия от лица четырех стран: Китая, СССР, США и Великобритании. В наши дни Япония должна заручиться согласием всех четырех стран для внесения поправок в ст. 9 Конституции.

Тем не менее, Синдзо Абэ заявляет, что следует игнорировать интерпретацию КНР и РК поправок в Конституцию Японии.

С точки зрения КНР, вопрос о том, отвечает ли требованиям Конституции Японии отмена запрета на право на коллективную самооборону, не может разрешаться Японией в одиночку, так как в рамках срока ограничения суверенных прав Японии последняя не может без согласия союзников вносить поправки в Конститу-

цию, отмена Японией ст. 9 Конституции не относится только к сфере внутренних дел страны.

Следует отметить также, что все еще не завершены правовые процедуры завершения состояния войны между Китаем и Японией.

С правовой точки зрения дата заключения мира между воевавшими государствами трактуется как дата завершения ограничения суверенных прав проигравшей стороны.

Проблема заключается в том, что проигравшая сторона должна заключить соглашения о мире со всеми воевавшими государствами, которые наложили на нее ограничения. Но правительство Японии, скорее всего, не знает точно, когда с юридической точки зрения будет положен конец состоянию войны между Китаем и Японией.

Фактически правительство КНР трактует:

- 1) Совместное заявление Китая и Японии,
- 2) Договор о мире и дружбе между Китаем и Японией,
- 3) Совместную декларацию Китая и Японии как политические документы, указывая, что «три политических документа составляют политическую основу китайско-японских отношений» [3].

Но, с точки зрения как международного, так и национального права, состоянию войны в юридическом смысле между Китаем и Японией не был положен конец.

Авторы полагают, что здесь правительство КНР отстаивает прекращение войны в политическом, но не в юридическом смысле, не отказывая себе в возможности следить за словами и действиями Японии, которая на настоящий момент все еще остается на этапе «переосмысления», предусмотренного Совместным заявлением Китая и Японии.

Важно отметить еще один факт: в свете необходимости принесения извинений за агрессию и связанные с ней преступления, в тексте Совместного заявления Китая и Японии указывается, что Япония с горечью осознает свою ответственность за огромный ущерб, который был нанесен войной народу Китая, и заявляет о глубокой рефлексии. Но здесь возникает противоречие между самим словом «рефлексия» и фактическим принесением извинений и сожалений со стороны Японии. Исходя из дефиниции японского словаря «Кодзиэн», «Совместное заявление Китая и Японии» в этой части можно трактовать как рассмотрение и оживление в памяти предшествующих действий [4].

В современном японском языке это слово обычно используется для выражения скромности, но ни в коей мере не указывает на сожаление или извинения. Здесь, кроме того, подразумевается действие или процесс, логически должен быть получен некий результат. Япония обязана предоставить отчет о последствиях «рефлексии» Китаю. Какие это могут быть результаты? Для примера – во-первых, Япония осознала преступность своих действий в рамках агрессивной войны и выражает извинения и даже предоставляет компенсацию жертвам своих действий в Китае; во-вторых, Япония считает законными свои преступные действия в течение войны и отказывается принести извинения Китаю, не предоставляет компенсацию жертвам, приукрашивает действительность военного времени, отрицает Токийский процесс, вносит поправки в мирную Конституцию, снова встает на путь формирования сильной военной державы; в-третьих, Япония остается на этапе «рефлексии», не выбирая какую-либо позицию. Результаты могут быть различными.

Правительство же Японии ошибочно исходит из того, что Япония на основании Сан-Францисского мирного договора уже совершила преобразование и снова стала нормальным государством, и поэтому самовольно допускает официальные визиты в святилище Ясукуни, молча взирает на то, как органы образования, науки и культуры Японии фальсифицируют подлинные исторические факты в учебниках, постоянно расширяет установленные законодательством возможности для обладания вооруженными силами и даже настаивает на пересмотре Устава ООН. Все это вызывает принципиальное беспокойство всех стран Азии.

В заключение можно резюмировать, что сам факт существования Национальной конституции Японии имеет принципиальное значение для способствования миру во всем мире. Правительство Японии посредством расширительного толкования Конституции де-факто уже частично добилось цели по изменению Конституции, и ключевая ст. 9 мирной Конституции уже постепенно превращается в бессодержательный текст.

На настоящий момент, по мере роста экономической мощи Японии и изменения международной обстановки, сторонники поправок в Конституцию вновь бросают клич о корректировке толкования Конституции, желая в целом отказаться от ст. 9 Конституции и вернуть Японии права на коллективную самооборону и возможность формирования национальных вооруженных сил.

С точки зрения национального законодательства Японии, появившиеся теории о том, что Конституция не отрицает права на самооборону, и заявления о необходимости корректировки толкования Конституции для снятия запрета с права на коллективную самооборону противоречат друг другу и логически непоследовательны, что отражает желание руководителей лагеря за внесение поправок самовольно трактовать Конституцию.

Отдельные китайские ученые указывают, что желание Японии стать «обычной страной» вполне нормально и разумно, и достижение этой цели – лишь вопрос времени.

Но, с позиций норм международного права, сегодня Япония далека от превращения в «нормальное государство», поскольку для этого не хватает условий. Как бы Япония ни пыталась отсылать к форсированной корректировке Конституции со стороны США и апеллировать к отмене ст. 9 Конституции, ее действия в отношении мирной Конституции не являются лишь ее внутренним делом.

Теория права требует, чтобы Япония в своих действиях по внесению поправок в Конституцию исходила из толкования Китая и других стран, а Китай располагает правами на контроль действий Японии в связи с поправками в Конституцию и расследование фактов нарушения Японией ее национальной ответственности.

Литература

1. Гуань Ин и Ли Лун. Статья 9 Конституции Японии и ее перспективы // *Social Sciences in China*. 2002. № 4.
2. Герш Лаутерпахт. *Международное право Оппенхайма*. Т. 1, Кн. 1 / пер. Ван Тея и Чэнь Тицян. Commercial Press, 1981. С. 98–99.
3. Для здорового, стабильного и устойчивого развития отношений между Китаем и Японией необходимо следовать принципам трех политических документов», http://news.xinhuanet.com/world/2006-09/08/content_5066541.htm; «МИД: Китай и Япония в исторических исследованиях должны исходить из принципов трех политических документов», <http://gb.cri.cn/8606/2006/12/21/106@1362529.htm>; «МИД КНР резко протестует против повторного посещения святилища Ясукуни Дзюньбитиро Коидзуми», сайт МИД КНР, <http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/ziliao/1179/t267531.htm>.
4. Определение «интроспекции»: (1) исследование и ретроспектива прошлого поведения человека; (2) [философия, психология] (рефлексия) осознание человеком духовной жизни или фокусировка духовных сил. См.[япон.] Синмура Идзуру, «Кодзиэн», Iwanami Shote, 1975. С. 1838.

The problem of Japan's Peaceful Constitution in Sino-Japanese relations the second half of XX – starters XXI century

© Guan Jianqiang, Barysheva A. S., Stepanov A. V., 2019

Abstract. The article deals with the problem of the possibility and conditions of preserving the Peaceful Constitution of Japan, as well as options for the possibilities and conditions of changing the text of the current Peaceful Constitution of Japan. The author expresses concern about the fact that Japan is building a course to change the Constitution on its own, without looking at the international community, especially the camp of the winners, who have certain rights in relation to the Constitution of Japan, and interpreting international law quite broadly.

Keywords. The peaceful Constitution of Japan, China, the victorious countries, international law

Гуань Цзяньцян – профессор, научный руководитель докторантов Института международного права Восточно-китайского университета политических наук и прав, руководитель НИЦ военного права Восточно-китайского университета политических наук и права. Shanghai, Китай.

Барышева Анна Сергеевна – докторант, Восточно-китайский университет политических наук и прав, г. Москва, Россия.

Степанов Андрей Васильевич – магистр религиоведения, эксперт Комиссии по свободе совести и национальным отношениям Общественной палаты Иркутской области, старший преподаватель, кафедра теологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: stepanovandrey14@mail.ru

Guan Jianqiang – Professor, supervisor of doctoral students of the Institute of international law of the East China University of political science and law, head of the SIC military law of the East China University of political science and law. Shanghai, China.

Barysheva Anna Sergeevna – Doctoral student, East China University of Political Science and Law, Moscow, Russian Federation

Stepanov Andrey Vasilievich – Master of Religious Studies, Expert, Commission on Freedom of Conscience and National Relations of the Public Chamber of the Irkutsk Region, Senior Lecturer, Department of Theology, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: stepanovandrey14@mail.ru

Анализ роли корпоративной ответственности в становлении и развитии гражданского общества*

© Дружинин Г. В., 2019

Аннотация. Рассматриваются вопросы влияния корпоративной социальной ответственности на процесс становления и развития гражданского общества. Указывается место корпоративной социальной ответственности корпорации в системе социальной ответственности. Анализируются основные направления корпоративной социальной ответственности. Исследуются модели корпоративной социальной ответственности бизнеса в романо-германской, англосаксонской и советской правовой системах.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, гражданское общество, корпорации, правовая система, юридическая ответственность.

Ответственность выступает одной из основных категорий и элементов в механизме управления и развития общества. Наличие и понимание ответственности в деятельности субъекта может привести к повышению эффективности результата. Способность корпоративного менеджмента тщательно анализировать ситуацию, заблаговременно прогнозировать последствия совершаемых действий или бездействий в сложившейся ситуации и определять форму своих поступков с готовностью принять последствия своих действий в будущем станет предопределяющим фактором эффективного корпоративного управления.

Вопросы корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития близко взаимосвязаны и вышли уже за пределы сугубо корпоративного подхода. В настоящий момент в большинстве развитых стран эти вопросы рассматриваются на высоком государственном уровне, при этом разрабатываются различные корпоративные стратегии и план действий по их реализации.

Корпоративные организации в настоящее время можно рассматривать как одни из основных субъектов социальных отношений, изменяющих социальную реальность, при помощи указанных структур государство осуществляет регулирование экономических процессов и управление различными отраслями экономики.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Иркутского государственного университета за счет средств темы 091-19-225 (проект п-44-40)

Ответственность корпораций может быть рассмотрена в двух смыслах – в широком (социальном) и узком (юридическом). В широком смысле ответственность следует понимать как определенные социальные обязательства, которые возлагаются обществом на индивидуума. Чаще всего данный вид ответственности рассматривают еще в позитивном смысле, когда субъект стремится исполнить обязательства, действуя добросовестно.

Рассматривая юридическую ответственность корпоративных организаций, ее можно разделить на два вида: в позитивном и негативном смысле. Негативная социальная ответственность в научной литературе предполагает наступление негативных последствий для нарушителя, которые закреплены в законодательстве страны. Позитивная ответственность означает соблюдение субъектом требований законодательства страны. В данной статье будут рассматриваться вопросы ответственности в широком смысле.

Анализ конструкции корпоративной социальной ответственности (далее – КСО) позволяет установить, что данный вид ответственности представляет собой систему отношений не только по вопросу исполнения предусмотренных действующим законодательством обязательств, но и по расширению общего количества дополнительных (сверх законодательно установленных) обязательств в добровольном порядке.

К основным признакам КСО, как совокупности обязательств, можно отнести динамичность (совокупность обязательств постоянно изменяется как количественно, так и качественно, с учетом динамики самого социума), добровольность (корпорация принимает обязательства в добровольном порядке), законность (действия, которые совершает корпорация, осуществляются в соответствии с законом), реальность (КСО предполагает реальные результаты, выраженные вовне).

Среди основных направлений КСО, которые могут быть реализованы, можно выделить: экологию (рекультивация земель и водных ресурсов за счет средств корпорации); образование (финансирование образовательных программ, выделение целевых мест); науку (выделение грантов на научно-проектные исследования); медицину (закупка медицинского оборудования, финансирование медицинских учреждений); спорт (создание спортивных площадок, покупка спортивного инвентаря); культуру (строительство культурных центров, домов культуры и молодежи).

Важно указать, что на КСО большое влияние оказывает специфика правовой системы, в которой учреждена корпорация. Правовая система оказывает значительное влияние на корпоративную социальную ответственность, потому исследование вопросов влияния указанных категорий является интересным и актуальным.

Корпоративная социальная ответственность в англосаксонской правовой системе. Для Великобритании социальная ответственность бизнеса представляет собой обязательства бизнеса перед обществом во взаимовыгодных направлениях сотрудничества [1]. КСО в Великобритании строится на принципах горизонтальности отношений, партнерских началах регулирования отношений, поэтому в стране на высоком уровне развит институт государственно-частных партнерств. Учитывая, что данная модель также характеризуется активным развитием сферы консалтинга и большого количества разнообразных учебных курсов в области КСО, институт государственно-частных партнерств развит в образовательном секторе.

Со стороны государства КСО имеет поддержку через финансирование проектов, предоставление налоговых льгот, продвижение инициатив по соответствию национальных стандартов международным [2, с. 51–66].

Особенность англо-американской модели КСО заключается в высокой активности самих компаний, которые выступают инициатором реализации многих социальных программ. Со стороны государства такая активность поощряется через налоговые льготы. Участие государства в таких социальных программах, реализуемых корпорациями, сведено к минимуму.

Корпоративная социальная ответственность в романо-германской правовой системе. Свойствами европейской модели КСО является высокая роль государства в реализации программ социальной ответственности, жесткая законодательная регламентация основных положений корпоративной ответственности.

Например, в Германии в ст. 14 Основного закона ФРГ от 23 мая 1949 г. закрепляется норма, согласно которой собственность обязывает, пользование ею должно одновременно служить общему благу. Другими словами, данное положение можно рассматривать как принцип «общественного долга». Примером может служить программа немецкой компании BMW Group – про-

ект Junior Campus, цель которого – обучение детей от 5 до 10 лет основным правилам поведения на дороге [3].

КСО в советской правовой системе. Советская правовая система имела свои особенности, тем не менее в ее рамках также допустимо развитие КСО.

Анализ законодательных актов СССР позволяет определить, что 11 декабря 1969 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» [4, с. 130–139]. Данный нормативно-правовой акт закреплял определенную вертикаль отношений, управление социальной инфраструктурой через нефтяные компании (пример: градообразующие предприятия). На балансе непрофильные социальные активы (школы, бани, коровники и т. д.). Данный пример четко показывает, что в СССР формировалась своеобразная модель КСО.

КСО в Российской Федерации. В настоящее время российская модель КСО находится на стадии своего активного развития, о чем свидетельствуют нормативные акты. Так, Распоряжением Правительства РФ от 30 июля 2009 г. № 1054-р «О Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации» [5] определены основные меры, направленные на стимулирование КСО, среди которых увеличение налоговых стимулов участия в благотворительной деятельности, содействие распространению принципов и практики социальной, некоммерческой отчетности, распространение культуры участия в благотворительности, расширение моральных стимулов участия в КСО и благотворительности.

Подводя итог, следует отметить, что социальные программы, реализуемые корпорациями, во многом оказывают большое воздействие, решая социальные проблемы. Например, содействуя образованию путем проведения и финансирования образовательных программ, корпорации повышают уровень образования членов гражданского общества. Соответственно, определяя роль КСО в становлении и развитии гражданского общества, можно указать на высокую роль корпораций в решении социальных проблем и управлении общества.

Литература

1. Department for Business Energy & industrial Strategy. Corporate governance. The Companies (Miscellaneous Reporting) Regulations 2018 Q&A. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/corporate-governance-new-reporting-regulations> (дата обращения: 05.11.2019)
2. Moon J. CSR in the UK: An Explicit Model of Business – Society Relations // Habish A., Jonker J., Wegner M., Schmidpeter R. (Eds.) CSR Discovery. Germany : Springer, 2004.
3. BMW Corporate Social Report 2014. URL: <https://www.bmwgroup.com/en/investor-relations/financial-reports.html> (дата обращения: 05.11.2019)
4. О Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 30.07.2009 № 1054-р» // Собр. законодательства РФ. 2009. № 32. Ст. 4052.
5. О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 11 декабря 1969 г. // КПСС в резолюциях. Т. 10. М. : Политиздат, 1972. С. 130–139.

Analysis of the role of corporate responsibility in the formation and development of civil society

© Druzhinin G. V., 2019

Adstract. This article focuses on the impact of corporate social responsibility on the process of formation and development of civil society. The paper indicates the place of corporate social responsibility of the corporation in the social responsibility system. The main directions of corporate social responsibility are considered. The models of corporate social responsibility of business in the Romano-German, Anglo-Saxon and Soviet legal systems are investigated.

Keywords: corporate social responsibility, civil society, corporations, legal system, legal responsibility.

Дружинин Глеб Викторович – преподаватель, кафедра государственного и муниципального управления, Институт социальных наук; Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: druzhinin93@mail.ru

Druzhinin Gleb Victorovich – Lecturer, Department of State and Municipal Administration, Institute of Social Sciences; Irkutsk State University; Irkutsk, Russian Federation, e-mail: druzhinin93@mail.ru

Применение судебной практики как источника права в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.)

© Курас Т. Л., Курас С. Л., 2019

Аннотация. Исследуется период России второй половины XIX – начала XX в., когда в империи начала формироваться судебная практика. Суду стала отводиться более значимая роль по сравнению с прежней организацией судов. Кассационные акты Правительствующего сената стали обязательны для всех судебных органов страны. Постановления Сената и судебных палат способствовали обеспечению единообразия и стабильности судебной практики, однако существовало и немало организационных проблем.

Ключевые слова: судебная практика, суды, Российская империя, Правительствующий сенат, судебные палаты.

Исследование вопроса о существовании и особенностях применения судебной практики как источника права в дореволюционной России второй половины XIX в. – начала XX в. весьма важно для современной правовой системы. Целесообразно порекомендовать законодателю использовать положительно зарекомендовавшие себя нормы Судебных уставов и судебную практику их применения, но с учетом современного этапа развития.

Выделяют судебную практику в широком и узком смыслах. В первом смысле она состоит из деятельности всех судов [1, с. 103–107]. Во втором значении она складывается из деятельности судов по принятию решений, содержащих правовые положения, которые становятся общими правилами [2, с. 74]. С ним связывается приобретение практикой статуса источника права, что обусловлено деятельностью всех судов, создающих решения, которые служат базой формирования общезначимых судебных актов [1, с. 108–109].

В России вопрос о судебной практике как источнике права встал после Судебной реформы 1864 г. Судебная практика не была официально объявлена источником права, но в законе произошли изменения, позволившие признать ее таковой в науке. По уставам суд, разрешая дело, при неясности закона должен был основываться на его общем смысле, учитывая «решения, вступившие в законную силу». Вследствие этого начала формироваться судебная практика.

Исследователи дореволюционной России изучали категорию «судебная практика», ее роль в системе источников права [3, с. 144]. Л. А. Кассо отмечал вхождение судебной практики в систему внешних форм права [4, с. 8]. Н. М. Коркунов признавал судебную практику самостоятельным источником права, но с оговорками [5, с. 362–364]. Л. И. Петражицкий также рассматривал практику как источник права [6, с. 630]. Авторы обращали внимание на социально-правовое значение практики, указывая, что она помогает устранить пробелы в законах, способствует устойчивости правосудия [1, с. 382–383].

Важна роль Правительствующего сената в том, что судебная практика прижилась как источник права в российской правовой системе второй половины XIX – начала XX в. [7, с. 119]. Он по уставам был высшим кассационным судом страны, разъяснял судам вопросы процессуального и материального права. Они публиковались для всеобщего сведения [8]. Сенат устранял пробелы в законах, принимая решения по конкретным делам либо давая разъяснения в обобщающих постановлениях [9]. Это позволяло в высокой степени обеспечивать единообразие судебной практики.

В пореформенный период судебная практика преодолевала несовершенства в законах, оказывая на них влияние [10, с. 39]. К примеру, Сенат мог по своей инициативе или по обращениям судебных палат обратиться к законодателю для внесения изменений в законы. Суды стимулировали власть, во избежание частых оправдательных или слишком мягких приговоров, изменять уголовные законы. Многие выработанные практикой положения отражались в принятых позднее законах [11]. Судебные палаты и окружные суды выявляли несовершенства и в гражданском законодательстве, стимулируя законодателя к внесению в него изменений [10, с. 40–41].

Толкуя нормы права, Сенат осуществлял обязательное для судов легальное толкование, обеспечивая единообразие практики. При этом формированию единообразной судебной практики способствовал не только Сенат, но и судебные палаты. Они возглавляли судебные округа, рассматривая дела в апелляционной инстанции, а в случаях, предусмотренных законом, по первой и кассационной [12, с. 118]. Палаты анализировали судебную практику для нижестоящих судов, обеспечивая ее единообразие. В результате обобщений палаты контролировали соблюдение за-

конности нижестоящими судами, выявляли частые судебные ошибки, определяли пути их устранения.

Такая деятельность палат позволяла выявлять нарушения и формировать единообразную практику применения норм материального и процессуального права в судебных округах. Необходимость обобщения материалов практики отдельных округов обусловливалась их большой площадью, отсутствием постоянных благоустроенных дорог, непосредственно контролировать деятельность окружных судов и мировых судей в такой ситуации было сложно. В связи с этим члены судебных палат готовили обзоры практики своего округа и публиковали их в «Журнале министерства юстиции» для изучения судьями соответствующего округа. Так, в данном издании размещены материалы практики гражданского департамента Омской судебной палаты по вопросам материального и процессуального права [13]. К примеру, гражданский департамент Иркутской палаты подготовил для сибирских судов 219 тезисов по вопросам толкования норм права, они были опубликованы в указанном журнале [14, с. 242–243]. Другие палаты также анализировали и обобщали судебную практику нижестоящих судов, давали им разъяснения, обеспечивая единообразное и правильное разрешение дел.

Таким образом, роль судебных палат в обеспечении единообразия судебной практики в судебных округах была весьма высока. Однако на практике встречались и негативные моменты, когда в отсутствие разъяснений Сената департаменты судебной палаты не могли прийти к единому мнению о порядке рассмотрения тех или иных категорий дел. К примеру, в Казанской судебной палате такую ситуацию повлекла неясность редакции закона 18 мая 1882 г. Возник вопрос о подсудности дел о кражах. Один из департаментов палаты толковал закон так, что кража со взломом из жилого помещения подсудна окружным судам независимо от того, были ли там в момент кражи люди. Другой департамент палаты обуславливал подсудность дел о кражах отсутствием в помещении в момент кражи людей. Складывалась недопустимая ситуация, когда палата, призванная осуществлять надзор за всеми судами округа, не могла единообразно истолковать закон. Вследствие этого однородные дела в двух департаментах рассматривались по-разному. Если дело поступало в первый департамент, обвинительный акт утверждался и дело решалось в

окружном суде. Если же дело попадало во второй департамент, палата признавала его подсудным мировому судье. Тот решал его, затем прокуратура, которая придерживалась позиции первого департамента палаты, опротестовывала приговор в съезд мировых судей, а далее в Сенат, и после этого дело все-таки рассматривалось окружным судом. Юридическая общественность возмущалась сложившейся ситуацией [15].

Таким образом, после вступления в силу Судебных уставов 1864 г. начала формироваться судебная практика, суду отводилась значимая роль по сравнению с прежней системой. Кассационные определения Сената носили обязательный характер для всех судов на территории Российской империи. Судебные палаты также вносили существенный вклад в формирование единообразной судебной практики на территориях судебных округов. На практике встречались ситуации, когда судебные палаты не могли прийти к единому толкованию того или иного закона, что негативно отражалось на деятельности судов округа. Однако в целом, несмотря на проблемы, акты высшего суда и судебных палат способствовали единообразию и стабильности судебной практики, реализации законности и правопорядка в стране.

Литература

1. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. М. : ТК Велби : Изд-во Проспект, 2008. 512 с.
2. Вопленко Н. Н. Источники и формы права : учеб. пособие. Волгоград : ВолГУ, 2004. 102 с.
3. Курас С. Л. Судебная практика как источник изучения преступности и ссылки в Сибирь // Власть. 2012. № 1. С. 144–147.
4. Кассо Л. А. Источники русского гражданского права. М. : Университетская типография, 1900. 16 с.
5. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 2-е изд., стер. М. : Юрайт, 2016. 422 с.
6. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 2. СПб., 1907. 758 с.
7. Курас Т. Л. Судебная практика как источник права в пореформенной России второй половины XIX – начала XX в. // Власть. 2018. № 3 (26). С. 118–123.
8. Кассационная практика. Вопросы, разрешенные Уголовным кассационным департаментом Правительствующего Сената в конце 1908, 1909 и 1910 г. // Журнал министерства юстиции. 1910. № 5. С. 183–192.
9. Боннер А. Т. Судебный прецедент в российской правовой системе // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2004. № 3. С. 151–161.

10. Удодова М. А. Механизм воздействия судебной практики на законодательство : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / науч. рук. С. В. Липень ; ФГБОУ ВО Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). М., 2018. 215 л.

11. Позднышев С. В. Правотворческая деятельность новых судов в сфере уголовного права и процесса // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. За пятьдесят лет. В 2 т. и доп. том. Т. 2. Пг., 1914. С. 428–447.

12. Курас Т. Л. Варшавская судебная палата: место в судебной системе Российской империи // Власть. 2011. № 1. С. 118–120.

13. Гражданская практика Омской судебной палаты (Продолжение) // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 3. С. 186–204.

14. Францессон И. В. Судебная практика Иркутской судебной палаты по гражданскому департаменту и общему собранию департаментов за время со второй половины 1897 года до конца первой половины 1900 года // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 5. С. 242–272; № 8. С. 186–239.

15. Юридическая арена. Толкование закона Казанской судебной палатой // Судебная газета. 1882. № 11. (26 дек.). С. 14–15

The value of judicial practice in the Russian Empire (second half of XIX – beginning of XX centuries)

© Kuras T. L., Kuras S. L., 2019

Abstract. The author explores the period after the entry into force of the Judicial Statutes of 1864 when judicial practice began to take shape in the Russian Empire. The court began to play a more significant role compared to the previous system. The cassation rulings of the Governing Senate began to be mandatory all courts of the country. It is emphasized that the acts of the Senate and the court chambers contributed to the uniformity, stability of judicial practice, law and order.

Keywords: judicial practice, the Russian Empire, the Governing Senate, court chambers

Курас Татьяна Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: tanya_kuras@mail.ru

Курас Софья Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра таможенного дела и правоведения, Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия, e-mail: kuras@list.ru

Kuras Tatyana Leonidovna – Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Justice, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: tanya_kuras@mail.ru

Kuras Sofya Leonidovna – Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Customs and Legal Studies, Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: kuras@list.ru

О дефиниции правовых актов государственного юридического содействия

© Макарчук И. Ю., 2019

Аннотация. Рассматривается дефиниция правовых актов государственного юридического содействия, отмечается их роль в современной правовой системе.

Ключевые слова: правовые акты, юридическое содействие, правоприменение, правовая реализация.

Российское общество испытывает повышенную потребность в правовых актах органов государственной власти, содействующих реализации прав и законных интересов граждан и организаций и развитию уже имеющихся на основании научно обоснованного подхода и материалов правоприменительной практики.

В современной России можно говорить о трех системах юридического содействия реализации прав и законных интересов, которыми являются: частное юридическое содействие, представленное специально-правозащитными институтами; частно-публичное юридическое содействие, представленное правозащитно-правоохранительными специальными и функциональными институтами; публичное юридическое содействие, охватывающее функционально-правоохранительные институты.

Приведенные системы юридического содействия позволяют выделить как минимум три группы правовых актов юридического содействия реализации прав и законных интересов: правовые акты частного юридического содействия, правовые акты частно-публичного юридического содействия, правовые акты публичного юридического содействия реализации прав и законных интересов.

Одним из правовых средств, используемых органами публичной власти при оказании юридического содействия, являются правовые акты юридического содействия. Поскольку органы публичной власти представлены как государственными органами, так и органами муниципальной власти, то правомерно говорить о правовых актах муниципального юридического содействия и правовых актах государственного юридического содействия.

Правовые акты государственного юридического содействия отличаются многообразием, формами принятия и содержания, выступают средством укрепления законности и правопорядка,

способствуют развитию правовой культуры и правосознания как на обыденном, так и на профессиональном уровне.

Государственное юридическое содействие, являясь одной из институционализированных форм юридического содействия, пронизывает все сферы деятельности органов государственной власти, определяет общую картину обеспеченности прав и законных интересов на уровне государства, способствует его позитивному развитию.

Наибольшее распространение правовые акты государственного юридического содействия реализации прав и законных интересов получили в деятельности органов прокуратуры. Ярким примером правового акта государственного юридического содействия может служить предостережение прокурора, иного уполномоченного органа. Содействующий компонент предостережения заключается в его конкретно-информирующей функции, ориентированной на изменение или коррекцию готовности лица действовать в правовой сфере путем указания на недопустимость совершения тех или иных действий.

Считаем, что особенно ярко правовые цели проявляются в правовых актах государственного юридического содействия, так как последние обладают выраженной индивидуальной направленностью, нацеленностью на содействие субъекту права, нуждающемуся в его поддержке в процессе реализации прав и законных интересов. Из содержания правовых актов государственного юридического содействия должно четко следовать, какие цели ставит перед собой правоприменитель, выпуская такой акт в «свет». Конечная цель правовых актов государственного юридического содействия реализации прав и законных интересов представляет собой результат интеллектуальной, экспертной и волевой деятельности правоприменителя. Воля предполагает наличие определенного интеллектуального момента: в сознании субъекта, совершающего акт индивидуального характера, находит отражение тот конечный результат, к достижению которого он стремится. Непосредственно волевое содержание действия субъекта выражается в стремлении достичь желаемого результата. Правовую реализацию могут получать не любые, а только гарантированные законодательством и международными нормами права и законные интересы. Учет прав и законных интересов управомоченного, признание правоприменителем значимости и правомерности выдвигаемых субъектом притязаний и готовность их удовлетво-

рять – важнейший критерий юридического содействия реализации прав и законных интересов.

Правовые акты государственного юридического содействия реализации прав, законных интересов и юридических обязанностей можно определить как особую разновидность индивидуальных правовых актов, способствующих реализации прав, законных интересов и юридических обязанностей субъектов права путем предложения решений конкретных правовых ситуаций и направленных на стимулирование правомерной деятельности субъектов права.

On the definition of legal acts of state legal assistance

© Makarchuk I. Yu., 2019

Abstract. The article discusses the definition of legal acts of state legal assistance, notes their role in the modern legal system

Keywords: legal acts, legal assistance, enforcement, legal implementation

Макарчук Иван Юрьевич – старший преподаватель кафедры истории России, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия.

Makarchuk Ivan Yuryevich – Senior Lecturer, Department of Russian History, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation.

УДК 340.111

Терминологическая (дефинитивная) функция теории государства и права

© Мушинский М. А., 2019

Аннотация. Рассматривается «классическая» интерпретация функций теории государства и права как науки, ее соотношения с отраслевыми юридическими науками в контексте функций. Предпринимается попытка обоснования терминологической (дефинитивной) функции теории государства и права, ее соотношения с методологической и иными функциями.

Ключевые слова: теория государства и права, функции науки, терминологическая (дефинитивная) функция теории государства и права.

Одной из важнейших категорий, характеризующих любую науку, являются ее функции. В настоящее время в отечественной юриспруденции, в различных научных школах, сложились не всегда совпадающие друг с другом подходы по вопросу о функ-

циях теории государства и права. Разные точки зрения высказываются по поводу понятия функций и их перечня, а также в части характеристик отдельных функций. Вместе с тем в отличие от ряда других тем нашей науки, острых дискуссий и сугубо оригинальных позиций здесь не наблюдается.

Для иллюстрации сказанного воспользуемся распространенным приемом – обзором соответствующих фрагментов из учебников разных авторов по теории государства и права. Этот прием оправдан, поскольку именно учебники выступают в качестве краткого средоточия научной мысли, в учебных текстах авторы пытаются в наиболее доступной форме довести результаты своего научного познания того или иного явления правовой действительности. Вместе с тем следует иметь в виду, что авторы учебников, как правило, ограничены в полиграфических объемах и связаны необходимостью подать материал, адресованный не слишком подготовленному читателю, как можно проще и доступнее. В силу объективных причин в учебных текстах иногда страдает такой компонент, как научность. Поэтому некорректно сравнивать позиции, изложенные в научных публикациях и в учебниках, и делать какие-то выводы в пользу первых.

Прежде всего отметим, что далеко не во всех учебниках по теории государства и права параграф, посвященный функциям науки, содержит определение самого этого исходного понятия – «функции науки теория государства и права». Вот примеры позиций из тех учебников, где он все же есть.

А. В. Малько: «Функции теории государства и права представляют собой основные направления действия данной науки, необходимые для решения стоящих перед ней целей и задач. Функции характеризуют ее теоретическое и практическое значение для прогрессивного преобразования общественной жизни» [1, с. 11].

Н. А. Власенко: «Под функциями науки понимают назначение и реализацию в практической жизни накопленной системы знаний», при этом в основе различения функций друг от друга лежит разделение отдельных направлений научной деятельности [2, с. 16].

Т. Н. Радько: «Функции теории государства и права – это вытекающие из ее назначения в системе юридических наук, определяемые ее предметом и методологией основные направления исследования, познания и объяснения государственно-правовых явлений» [3, с. 16].

В. М. Шамаров, также используя в своей научной статье обозначенный прием и изучая в сравнительном аспекте множество учебников, для начала синтезировал следующую формулировку общенаучного понимания категории «функции науки», с которой, на наш взгляд, в целом можно согласиться и применить ее к теории государства и права: «Под функциями ученые понимают основные направления познавательной деятельности данной науки, обусловленные целями и задачами, стоящими перед ней, и отражающие ее предмет и метод» [4].

Здесь следует отметить на удивление слабую изученность такого, казалось бы, очевидного аспекта, как цель теории государства и права и ее задачи. Много научной литературы посвящено функциям, предмету, методу теории. А вот научных трудов, специально посвященных цели и задачам, практически нет. Хотя, если исходить из предложенной В. М. Шамаровым формулировки, изучение целей и задач должно предшествовать познанию функций.

Разные авторы дают не совпадающие между собой как по количеству, так и по наименованиям перечни функций теории государства и права как науки. Приведем несколько примеров:

С. А. Комаров: онтологическая, гносеологическая, прогностическая (футурологическая), методологическая [5, с. 13–15].

В. М. Корельский: онтологическая, гносеологическая, эвристическая, методологическая, политико-управленческая, идеологическая, – практически-организаторская, прогностическая [6, с. 6–8].

А. В. Малько: онтологическая, гносеологическая, прогностическая, методологическая, идеологическая, организационно-прикладная [1, с. 11–12].

Н. А. Власенко: познавательная (гносеологическая), прогностическая, нормативная (нормативно-прикладная), методологическая [2, с. 16–17].

И. А. Кузьмин: онтологическая, гносеологическая (эпистемологическая, познавательная), праксеологическая (практико-организационная, прикладная), идеологическая, методологическая, прогностическая [7, с. 48–50].

Т. Н. Радько: онтологическая, познавательная (гносеологическая), эвристическая, прогностическая, методологическая, идеологическая. По мнению данного автора, организационно-

управленческая функция, называемая многими коллегами, «вообще не свойственна теоретической науке» [3, с. 16–20].

Как можно убедиться из представленного небольшого обзора, лишь в части трех функций имеет место полное совпадение мнений. Это функции гносеологическая, прогностическая и методологическая. Все остальные называются не у всех авторов, а если называются, то в разных комбинациях. При этом и характеристики содержания функций, данные рассмотренными и другими авторами, значительно отличаются друг от друга.

Все сказанное свидетельствует о том, что познание непростого вопроса о функциях теории государства и права еще далеко от своего завершения. Более того, на мой взгляд, в связи с реформированием правовой и политической систем России, с вызванным этим реформированием движением и модернизацией юридической науки, назрела потребность в определенной осторожной ревизии имеющегося научного капитала в этой области.

Как представляется, в данном случае имеет место некий эффект инерции мышления. Некоторые заимствованные еще из советской теории государства и права научные постулаты кажутся настолько незыблемыми, что обращаться к ним с попыткой переосмысления вроде бы как и смысла нет. Они «кочуют» из учебника в учебник, из научной статьи в статью. А потом на проверку оказывается, что общество, право и правовая система, государство, юридическая теория и практика изменились настолько, что подходы пора менять.

На мой взгляд, сложившаяся на сегодня конфигурация взаимоотношений между теорией государства и права, с одной стороны, и отраслевого и специального юридического знания, с другой, предполагает необходимость перехода к более утилитарному восприятию общей теории.

Примерно об этом же пишет В. В. Кожевников: «В последнее время наблюдаются нападки (как на теоретическом, так и на практическом уровнях) на данную юридическую науку, которые ставят под сомнение ее методологическую ценность». И далее ученый совершенно обоснованно утверждает: «юрист-практик – это человек, овладевший не общими сведениями о праве, законодательстве (такие сведения должны быть достоянием каждого грамотного гражданина), а профессиональными, т. е. фундаментальными и специализированными. Владение фундаментальными

знаниями свидетельствует о понимании внутренних закономерностей, особенностей права, его роли в жизни общества. Они складываются из понимания основополагающих юридических понятий, охватывающих право в целом и его основные отрасли. ...Специализированность юридических знаний означает их конкретность, детализированность, что предполагает достаточно полное овладение материей («догмой») права, техникой юриспруденции, причем такое овладение, которое отвечает практическим потребностям в нем и на ином участке юридической деятельности» [8].

Увы, мы сейчас наблюдаем, как представители отраслевого юридического знания, а тем более юристы-практики, все более удаляются от общетеоретической абстракции, предпочитая простые прикладные, а зачастую и откровенно примитивные, взгляды на явления правовой действительности. Значительный отрицательный «вклад» в это теоретическое обнищание юридической мысли делает компьютерная техника, убивающая у молодых юристов навыки запоминания, логического мышления «от общего к частному» и, наоборот, удержания в памяти теоретической правовой информации («зачем запоминать, если можно при необходимости “погуглить”?»). Безусловно, современная информатизация и цифровизация юридических процессов, внедрение баз данных, программ по типу «робот-судья» и тому подобное – это огромное благо. Тем не менее, «живого», мыслящего юридическими категориями, думающего и знающего юриста компьютерная техника в видимой перспективе не заменит, а грамотный юрист не должен пренебрегать теоретико-правовым знанием. Это неправильно, от этого страдает юриспруденция в целом, размывается ее общеправовой фундамент. Прекрасная иллюстрация сказанному – тот безобразный разнобой, который имеет место в судебной практике, когда судьи одного и того же звена по идентичным делам принимают диаметрально противоположные решения, когда сплошь и рядом нарушается единство правового пространства нашего федеративного государства. Очевидно, что теория государства и права не справляется в данном случае со своей интегративной задачей, с задачей универсализации юридического знания. И во многом это происходит, на мой взгляд, в связи с несколько устаревшими подходами к определению функций нашей науки.

Как видится, необходимо пойти по пути некоторого расширения перечня функций и детализации их содержания. В частности, заслуживает обсуждения постепенное фактическое оформление «информатизационной» функции теории государства и права, связанной с внедрением в юридическую жизнь современных информационных, цифровых технологий.

Кроме того, представляется правильным вынести на обсуждение юридической общественности вопрос о возможности включения в этот перечень функции, которую можно обозначить как «терминологическая (дефинитивная) функция теории государства и права».

Критики такого предложения скажут, что данное направление познавательной деятельности теории государства и права не имеет самостоятельного значения и охватывается другими функциями – отчасти методологической, а отчасти практико-организационной, прикладной.

Методологическая функция характеризуется авторами учебных работ следующим образом.

По мнению, Н. А. Власенко, роль теории государства и права как науки методологической «проявляется в выработанной ею системе категорий и понятий, применяемых другими юридическими науками в качестве базовых, исходных в изучении собственных объектов. Кроме того, теория государства и права – единственная юридическая наука, разрабатывающая метод правовой науки» [2, с. 17].

И. А. Кузьмин: «Методологическая функция показывает особую роль теории государства и права в системе юридических наук. Вырабатывая подходы к познанию государственно-правовых закономерностей развития для остальных юридических наук, с одной стороны, с другой – теория государства и права самостоятельно вырабатывает научные понятия (категории), а также положения и выводы, имеющие принципиальное значение и непосредственное применение в юриспруденции. Подходы, принципы и приемы как элементы методологии теории государства и права выступают в качестве отправных начал познания окружающей государственно-правовой действительности» [7, с. 49].

В. М. Корельский: «Будучи фундаментальной наукой, теория государства и права выполняет по отношению к отраслевым юридическим наукам методологическую функцию, задавая им

определенный уровень, теоретическую и логическую целостность. Обобщая государственно-правовую практику, теория государства и права формулирует идеи и выводы, имеющие принципиальное значение для юриспруденции в целом. Ее категории, принципы, идеи и выводы служат своеобразными “опорными пунктами”, “несущими конструкциями” отраслевых и специальных юридических наук» [6, с. 7].

Т. Н. Радько: «Теоретические выводы, обобщенные положения, сформулированные понятия служат базой, исходной позицией для других юридических наук при исследовании ими собственного предмета. Каждая научная теория является одновременно и методом познания, поскольку метод – теория, направленная на исследование того или иного явления. Понятия и определения теории государства и права являются своего рода опорными пунктами познания государства и права, они служат исходными, определяющими ступенями исследования многих государственно-правовых явлений» [3, с. 20].

Анализ имеющихся подходов к характеристике двух названных функций дает основания для возражений против некоторых трактовок, в отдельных их моментах.

Начнем с того, что само понимание методологической функции теории государства и права в юридической науке на сегодня далеко пока что не устоялось. При этом в некоторых случаях методологическая функция понимается несколько зауженно, исключительно в категориально-терминологическом значении. Так, ряд авторов придерживается следующей версии: «Будучи фундаментальной наукой, теория государства и права выполняет методологическую функцию, т. е. создает систему понятий и категорий, применяющуюся во всех иных юридических науках, имеющую существенное, основополагающее значение для юриспруденции в целом» [1, с. 12]. Однако разве только в этом проявляется методологическая функция? Как представляется, это прежде всего выработка методов, т. е. приемов, нормативов предметной исследовательской деятельности ученых, способов организации познания, которые отражают систему эмпирического и теоретического уровней исследования, и методик, т. е. конкретных прикладных приемов и средств получения научного знания. А не только системы понятий и категорий.

Впрочем, эту цитату вряд ли следует рассматривать как свидетельство неверного восприятия объема и содержания функции авторами соответствующего учебника. Это, скорее, следствие проблемы, о которой мы говорили выше, – вынужденной ограниченности объемов учебного текста и необходимости упрощения его восприятия для студентов 1-го курса юрфака. Вряд ли правы и те авторы учебников, которые пытаются сразу же «приучить» первокурсников к научной терминологии и сложным умозаключениям. Это может привести к обратному эффекту – отторжению дисциплины, негативному отношению студентов к ней в целом, и курс теории государства и права утрачивает свою дидактическую значимость. «Не буду это учить, все равно я здесь ничего не понимаю». Соответственно, «на выходе» страдает универсальная компетентность юриста. Необходим поиск «золотой середины» в использовании в учебных текстах специальных терминов и дефиниций. Это тоже задача теории государства и права, только уже дидактическая.

Для нас в процитированном фрагменте важно то, что авторы в состав методологической функции включают выработку системы понятий и категорий, «применяющихся во всех иных юридических науках». На наш взгляд, это верно, но лишь отчасти.

Если подразумевается разработка и делегирование общеправовых категорий типа «институт права», «правоотношение», «форма права» или «санкция», которые используются остальными юридическими науками в процессе познания (т. е. как элемент метода), то все верно.

Однако если иметь в виду прикладную функцию обеспечения общих для всех отраслей права нормативов разработки отраслевой терминологии, создания и законодательной фиксации дефинитивных норм, то данная задача выходит за рамки собственно методологической функции. Эта архиважная задача, на наш взгляд, может быть эффективно реализована только в результате межотраслевого анализа и на теоретико-правовой основе, она представляет собой самостоятельное направление познавательной и обеспечительной работы науки теории государства и права. Например, Т. К. Примак и К. А. Орлова в научной статье обращаются к проблеме использования термина «правовой статус» в конкретных законодательных и правоприменительных актах, и на основании их анализа делают вывод о том, что «этот

термин употребляется в различных словосочетаниях, для обозначения разноплановых правовых явлений, в совокупности с другими юридическими конструкциями, что ведет к рассогласованности категориального аппарата», он... «применяется чрезвычайно широко, не имеет однозначного использования, в юридической литературе, законотворческой и правоприменительной практике трактуется по-разному и т. д. Эти и многие другие обстоятельства требуют уточнения применяемой терминологии, при этом возникают проблемы как теоретического, так и практического характера» [9]. И далее авторы проводят подробный теоретический анализ «с выходом» на отраслевые особенности, делают выводы как в отношении конкретного термина «правовой статус», так и по поводу использования понятий, терминов и дефиниций в нормативно-правовых текстах и в юридической практике вообще. На наш взгляд, процитированная научная статья задействована в реализации именно терминологической (дефинитивной) функции теории государства и права.

Примерно такой же результат дает и анализ имеющихся в литературе характеристик практико-организационной, прикладной функции.

Как считает Н. А. Власенко, нормативная (нормативно-прикладная) функция «проявляется в формулировании правил и рекомендаций с целью совершенствования практической деятельности человека. Правила и рекомендации могут формулироваться, вырабатываться как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне науки. Представляют собой предложения законодателю, правоприменителю... По большому счету дело не столько в рекомендациях, сколько в развитии способов научной и практической деятельности. В правотворчестве на основе эмпирических исследований существуют правила подготовки концепции законопроекта, правила его структурирования, правила написания нормативных текстов и др. Аналогичное можно сказать относительно толкования юридических норм, подготовки проектов правоприменительных актов и др.» [2, с. 17].

И. А. Кузьмин: «Праксеологическая (практико-организационная, прикладная) функция отражает роль теории государства и права в обеспечении функционирования и совершенствования современного государства и права. В рамках данной функции теория государства и права формулирует научно-обоснованные рекоменда-

ции для предупреждения, выявления и разрешения различных проблем государственно-правового характера в сфере государственного строительства, правотворчества, реализации права, толкования права и т. д. Кроме того, общая наука о праве и государстве разрабатывает специальные инструменты, предназначенные для повышения эффективного действия государственно-правовых явлений, оказывает влияние на содержание политики государства» [7, с. 49].

Если исходить из того, что термины и дефиниции входят в предметную юридическую деятельность в рамках всех ее видов: и правотворчества, и правоприменения, и фактофиксирующей, и правоинтерпретационной, и обучающей деятельности, «обеспечивающую» задачу теории государства и права можно включить в состав задач, разрешаемых в рамках прикладной функции. Однако, как уже указывалось, на наш взгляд, подобные решения на сегодня уже не актуальны, терминологическую (дефинитивную) функцию теории государства и права следует рассматривать в качестве самостоятельной функции данной науки.

Отметим также, что правовые термины и дефиниции в их взаимосвязях между собой традиционно рассматриваются, с одной стороны, как средства правового регулирования, а с другой – как важнейшие элементы юридической техники, иногда эти два ракурса авторы «синтезируют» друг с другом. Например, достаточно распространенный подход демонстрирует М. Д. Хайретдинова: «Законодательная дефиниция – особая разновидность нормативного правового предписания. Специфичная правовая нормативность законодательной дефиниции позволяет ее рассматривать в качестве нетипичного вида юридических норм и относительно автономного элемента механизма правового регулирования» [10, с. 9]. Позиция небесспорная, ее оценка зависит от ракурса: рассматривается ли проблема с точки зрения общей теории правового регулирования или она оценивается с позиций теории юридической техники. Поэтому при обосновании возможности и необходимости включения терминологической (дефинитивной) функции в перечень функций теории государства и права необходимо тщательно определиться по вопросу о соотношении между собой теории государства и права и теории юридической техники как областей юридического знания, что не входит в задачи настоящей небольшой публикации, имеющей характер постанов-

ки проблемы. Всем перечисленным аспектам, тезисно упомянутым в настоящем кратком сообщении, преимущественно построенном на оценке учебных текстов, мы намерены посвятить более объемные научные публикации.

Литература

1. Теория государства и права : учебник / под ред. А. В. Малько. М. : КНОРУС, 2012. 400 с.
2. Власенко Н. А. Теория государства и права : учеб. пособие. М. : Проспект, 2011. 416 с.
3. Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник. М. : Проспект, 2010. 752 с.
4. Шамаров В. М. Учебная литература о функциях теории государства и права // Вестн. Екатеринбург. ин-та. 2012. № 4 (20). С. 91–96.
5. Комаров С. А. Общая теория государства и права : учебник. СПб. : Изд-во Юрид. ин-та, 2012. 608 с.
6. Теория государства и права : учеб. для вузов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М.: НОРМА, 2002. 616 с.
7. Теория государства и права : учеб. пособие / под ред. А. В. Юрковского. Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2016. 620 с.
8. Кожевников В. В. Общая теория государства и права: в защиту базовой, методологической юридической науки // Вестн. Омского ун-та. Сер. Право. 2018. № 4 (57). С. 72–79.
9. Примак Т. К., Орлова К. А. Терминологические трудности определения категории «правовой статус» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2012. Вып. 9. С. 19–27.
10. Хайретдинова М. Д. Законодательная дефиниция: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 189 с.

Terminological (definitive) function of the theory of state and law

© Mushinsky M. A., 2019

Abstract. The report contains a brief appeal to the "classical" interpretation of the functions of the theory of state and law as a science, its relationship with the branch of legal Sciences in the context of functions. An attempt is made to substantiate the terminological (definitive) function of the theory of state and law, its correlation with methodological and other functions.

Keyword: theory of state and law, function of science, terminological (definitive) function of the theory of state and law.

Мушинский Михаил Адеилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: mushinskiy@mail.ru

Mushinsky Mikhail Adeilovich – Candidate of Law, Associate Professor, Department of Jurisprudence, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: mushinskiy@mail.ru

Общественная палата Иркутской области: правовое регулирование и развитие

© Нечкина А. А., 2019

Аннотация. Рассмотрены вопросы правового регулирования Общественной палаты Иркутской области; особое внимание отведено определению текущего состояния и развитию изучаемой структуры. В заключение обозначены меры, которые необходимо предпринять для более эффективной работы Общественной палаты Иркутской области.

Ключевые слова: гражданское общество, Общественная палата Иркутской области, взаимодействие власти и общества, закон, общественный контроль.

Успешное функционирование и развитие гражданского общества, его диалог с органами власти, результаты их совместной деятельности – все это является составной частью устойчивого развития современного государства. В настоящее время особую актуальность приобретают следующие функции гражданского общества: усиление общественного контроля и необходимость общественного участия в решении проблем на всех уровнях власти. Общественный контроль и участие становятся одним из ключевых элементов обеспечения эффективности и законности действий государственных институтов. Целью данной статьи является изучение правового регулирования деятельности Общественной палаты Иркутской области, анализ развития рассматриваемого органа.

4 апреля 2005 г. был принят Федеральный закон от № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации». Согласно принятому закону, Общественная палата является консультативно-совещательным органом, целью которого является согласование интересов представителей общества и властных структур, выработка и принятие решений в социально-экономической сфере, способствование развитию гражданского общества [1]. В дальнейшем начался процесс создания аналогичных структур в субъектах Российской Федерации. Несмотря на то что Общественная палата РФ реализует свою деятельность уже 14 лет, ее деятельность, перспективы, проблемы развития слабо освещены научным сообществом. Относительную заинтересованность у исследователей вызывают вопросы правового регулирования данной

структуры, можно выделить следующих исследователей этой темы: Л. Г. Григорьева, Г. Н. Комкову, Н. А. Антонова, Н. В. Юдина, Ш. Г. Ибрагимова, Ю. В. Соболева, И. В. Лобанова и др.

В 2007 г. в Иркутской области был принят Закон «Об Общественной палате Иркутской области», по которому в июне – августе того же года был сформирован персональный состав Общественной палаты со сроком полномочий в два года [2]. Общественная палата Иркутской области призвана обеспечить кооперацию граждан, проживающих на территории Приангарья и НКО с органами местного самоуправления, с целью поддержания общественного контроля, защиты прав и свобод граждан.

Деятельность Общественной палаты Иркутской области основывается на следующих главных документах: Конституции РФ; Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации», Федеральном законе от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [3–5]. В Иркутской области основные документы, регламентирующие деятельность данного органа, представлены на официальном сайте <http://opirk.ru>. Ключевыми из них являются: Устав Иркутской области, закон Иркутской области «Об Общественной палате Иркутской области», закон Иркутской области от 7 июля 2015 г. № 57-ОЗ «Об общественном контроле в Иркутской области» [6; 2; 7].

Состав Общественной палаты определен 63 членами, которые осуществляют свою деятельность на общественных началах в течение трех лет с момента первого заседания. Третья часть от общего количества членов Общественной палаты Иркутской области избирается Губернатором области, одна треть – Законодательным собранием области; члены Общественной палаты, избранные Губернатором и Законодательным собранием, самостоятельно формируют оставшуюся часть состава.

Общественная палата вправе запрашивать у органов государственной власти и местного самоуправления необходимую информацию; осуществлять общественный контроль; реализовывать экспертизы; инициировать решение возникших проблем, обращаться с предложениями в органы власти; привлекать к участию в заседаниях представителей других структур; вести информационную деятельность; сотрудничать с Общественными

палатами других регионов; реализовывать иную деятельность в рамках поставленных задач и рамках законодательства. Общественная палата Иркутской области обязана ежегодно предоставлять доклад об итогах своей деятельности, с последующим официальным опубликованием.

Общественная палата Иркутской области первого созыва осуществляла деятельность в период с 2007–2009 гг. Общественной палатой первого созыва был проведен в 2008 г. Байкальский гражданский форум, целью которого было провозглашено выстраивание эффективного диалога между властью и обществом, содействие в развитии гражданского общества. Всего количество участников составило порядка 300 человек.

Второй созыв Общественной палаты Иркутской области осуществлял свою деятельность в период с 2009 по 2011 г. Общественная палата третьего созыва работала с 2011 по 2013 г., ее состав был обновлен на 34,5 %. В 2012 г. Общественная палата провела традиционный Третий Байкальский гражданский форум: «Общество, власть и бизнес: доверие как основа социально-экономического развития региона», участниками которого стали 600 человек, среди них были участники из 35 территорий области, члены 11 Общественных палат из других регионов.

С 2015 по 2017 г. действовал пятый созыв Общественной палаты Иркутской области. Состав созыва был обновлен на 58 %. В состав вошло 10 комиссий. Был организован Пятый Байкальский гражданский форум «Гражданское общество в Иркутской области: прошлое, настоящее, будущее», участниками которого стало более 700 человек. Байкальский гражданский форум – 2017 посетили представители из 28 территорий области и представители из 8 Общественных палат РФ [8].

В настоящее время в Иркутской области действует шестой созыв Общественной палаты, включающий в себя 13 комиссий.

Общественная палата Иркутской области имеет свой сайт, а также представлена в социальных сетях «ВКонтакте» и Facebook. Несмотря на то что Общественная палата Иркутской области обязана представлять полный отчет о проделанной работе каждого созыва, это делается не всегда и не совсем корректно. Часто в отчетах отсутствует информация о поступивших обращениях граждан, их тематике и количестве, решении или нерешении данной проблемы. Некоторые отчеты лишены описания о проведен-

ных мероприятиях и заседаниях, информации о сформированных комиссиях, обновлении состава. Информация о четвертом созыве Общественной палаты Иркутской области предоставлена только в виде отчета за отдельно взятый 2014 г. Затруднительно судить о развитии данного органа по представленным отчетам, так как в них не хватает полноты и систематизации информации. В социальных сетях Общественная палата Иркутской области регулярно публикует новости о проведенных круглых столах, заседаниях, мероприятиях и т. д., однако предварительно не анонсирует данные события, что является существенным минусом подобного информационного освещения, ведь одной из задач структуры является привлечение граждан к обсуждению насущных проблем.

Правовое поле, регламентирующее деятельность Общественной палаты, вызывает ряд вопросов. Палата провозглашается структурой гражданского общества, однако большая часть ее состава формируется государственными органами по «указке сверху». Также правоведы указывают на тот факт, что Общественная палата напоминает еще один представительный орган государственной власти, что в свою очередь нарушает конституционные принципы. Экспертизы, проводимые Общественной палатой, никак не регламентируются в правовом поле, нет определенной фиксации правил ее проведения. Обращения от аппарата Общественной палаты с тем или иным вопросом к органам исполнительной власти носят сугубо рекомендательный характер; чаще всего структура, в которую пришло подобное обращение, просто игнорирует данный факт, что снижает эффективность деятельности Общественной палаты.

Таким образом, мы констатируем проблему правового регулирования деятельности Общественной палаты. Правовое обеспечение рассматриваемого органа сформировано в недостаточной степени и нуждается в доработке и дополнении. Законы, основываясь на которых Общественная палата осуществляет деятельность, препятствуют решению существующих проблем, так как рекомендательный характер обращений в органы власти не показал свою эффективность. Для повышения эффективности Общественной палаты необходимо расширить нормативно-правовую базу; дать возможность данному органу выступать с законодательной инициативой; заменить рекомендательный характер заключений на обязательный для исполнения.

О развитии Общественной палаты Иркутской области судить однозначно нельзя, с одной стороны, на основании документов можно сделать вывод о том, что ее состав обновляется, происходит развитие Байкальского гражданского форума – все больше участников он привлекает. С другой стороны, Общественная палата Иркутской области не предоставляет объективную информацию об обращениях граждан и о статусе их обращений, путях решения возникших проблем; отсутствует качественная работа по информированию о планируемых событиях населения посредством официального сайта или социальных сетей.

Литература

1. Об Общественной палате Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-04042005-n-32-fz-ob/> (дата обращения: 17.09.2019).
2. Об Общественной палате Иркутской области [Электронный ресурс] : закон Иркутской области // Общественная палата Иркутской области : офиц. сайт. URL: <http://opirk.ru/upload/iblock/1c1/3800201705190001.pdf> (дата обращения: 17.09.2019).
3. Конституция Российской Федерации с изменениями на 2017 год. М. : Эксмо, 2017. 32 с.
4. Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/71428032/> (дата обращения: 17.09.2019).
5. Об основах общественного контроля в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/70700452/> (дата обращения: 17.09.2019).
6. Устав Иркутской области [Электронный ресурс] // Общественная палата Иркутской области : офиц. сайт. URL: <http://opirk.ru/docs/npa/> (дата обращения: 17.09.2019).
7. Об общественном контроле в Иркутской области [Электронный ресурс] : закон Иркутской области от 7 июля 2015 г. № 57-ОЗ // Общественная палата Иркутской области : офиц. сайт. URL: <http://opirk.ru/upload/iblock/1c1/3800201705190001.pdf> (дата обращения: 17.09.2019).
8. О палате [Электронный ресурс] // Общественная палата Иркутской области : офиц. сайт. URL: http://opirk.ru/palata/o_palate/ (дата обращения: 17.09.2019).

Public chamber of the Irkutsk region: legal regulation and development

© Nechkina A. A., 2019

Abstract. The development of civil society is currently one of the priority tasks. In this regard, the creation of the Public Chamber is one of the points on the way to achieving the goal. This article is devoted to the consideration of legal regulation of the Public Chamber of the Irkutsk Region; Particular attention is given to the determination of the current state and the development of the structure under study. The conclusion outlines the measures that need to be taken for more effective work of the Public Chamber of the Irkutsk Region.

Keywords: civil society, Public Chamber of the Irkutsk Region, the interaction of government and society, law, public control.

Нечкина Ангелина Алексеевна – помощник в Комиссии по делам молодежи, спорту и патриотическому воспитанию Общественной палаты Иркутской области, студентка, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: sunny.nechkina@mail.ru

Nechkina Angelina Alekseevna – Assistant to the Commission on Youth Affairs, Sports and Patriotic Education of the Public Chamber of the Irkutsk Region, Student, Department of Political Science, History and Regional Studies, Historical Faculty, Irkutsk State University; Irkutsk, Russian Federation, e-mail: sunny.nechkina@mail.ru

УДК 342.951:351.82

Реализация правовой политики в сфере защиты информации (на примере Иркутской области)

© Палеев А. А., Калиновский С. Г., 2019

Аннотация. Рассматривается развитие информационных технологий в России с связи с новыми задачами в области защиты информации. Делается вывод о том, что доктрина информационной безопасности Российской Федерации является основополагающим документом, представляющим систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, в том числе в области защиты информации.

Ключевые слова: информационная безопасность, защита информации, правовая политика в сфере защиты информации.

Руководствуясь положениями Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [1], учитывая требования федерального законодательства в области информатизации, связи и информационной безопасности, государственные органы и ор-

ганизации проводят мероприятия по защите информации, осуществляют межведомственное взаимодействие по вопросам защиты информации.

В целях реализации единой политики в области защиты информации в информационных системах и информационно-телекоммуникационных сетях правительства Иркутской области и Аппарата губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области, иных исполнительных органов государственной власти Иркутской области, в Аппарате губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области 15 августа 2014 г. образовано самостоятельное структурное подразделение Аппарата губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области – отдел технической защиты информации губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области.

Отдел технической защиты информации губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области является головным подразделением по защите информации, не содержащей сведения, составляющие государственную тайну. Помимо выполнения практических задач по защите информации, отдел осуществляет разработку методических и организационно-распорядительных документов по защите информации, осуществляет оказание методической помощи в разработке указанных документов иным исполнительным органам государственной власти Иркутской области, а также осуществляет координацию работ по защите информации в исполнительных органах государственной власти Иркутской области.

С развитием процесса предоставления государственных услуг в электронном виде и внедрением систем безбумажного, электронного документооборота возникает необходимость защиты конфиденциальной информации, персональных данных и иных категорий информации, передаваемых в электронном виде по каналам связи, в 2014 г. создана система передачи электронных образов муниципальных нормативных правовых актов по защищенным каналам связи для их официального опубликования. Также создана и функционирует защищенная сеть для передачи нормативных правовых актов правительства Иркутской области и исполнительных органов государственной власти Иркутской области для официального опубликования на Официальном интернет-портале правовой информации Pravo.gov.ru.

Для контроля целостности документов, передаваемых по открытым каналам связи, используются средства электронной подписи. В Аппарате губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области с 2017 г. работает удостоверяющий центр [2, с. 2], который прошел аккредитацию в Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Усиленные квалифицированные электронные подписи выдаются сотрудникам исполнительных органов государственной власти Иркутской области, а также сотрудникам органов местного самоуправления, для подписания муниципальных нормативных правовых актов.

В Российской Федерации вопросам защиты информации, не содержащей сведения, составляющие государственную тайну, уделяется большое внимание. В соответствии с п. 4 ст. 9 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», федеральными законами устанавливаются условия отнесения информации к сведениям, составляющим коммерческую тайну, служебную тайну и иную тайну, обязательность соблюдения конфиденциальности такой информации, а также ответственность за ее разглашение [3, с. 29]. Статьей 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом (за исключением случаев, если разглашение такой информации влечет уголовную ответственность), лицом, получившим доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пятисот до одной тысячи рублей; на должностных лиц – от четырех тысяч до пяти тысяч рублей. В отдельных случаях, с учетом конкретных обстоятельств, за разглашение служебной тайны может наступать уголовная ответственность, как правило, в тех условиях, когда информация одновременно относится к двум и более видам тайн.

В федеральном законодательстве часто встречается термин «служебная тайна», но само понятие служебной тайны и регулирование ее оборота отсутствуют. Следовательно, отсутствие легального, определенного законом понятия «служебная тайна» является пробелом в законе, отсутствие же закона, регулирующего даже в самой общей форме правоотношения, объектом кото-

рых является служебная информация ограниченного доступа, – пробелом в праве, в отличие от иных видов тайн: государственной, налоговой, коммерческой и т. д. В связи с этим усматривается необходимость государственного регулирования вопросов, связанных с понятием служебной тайны.

Проект Федерального закона № 124871-4 «О служебной тайне» был внесен на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания РФ в 2006 г., однако не получил должный уровень поддержки.

В целях реализации мер по защите информации в Иркутской области, координации деятельности и обеспечения взаимодействия органов государственной власти Иркутской области, территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области, иных органов и организаций по реализации государственной политики в области защиты информации 25 июня 2018 г. образован постоянно действующий координационный орган – Совет по защите информации при губернаторе Иркутской области [4, с. 1].

Основной задачей Совета по защите информации при губернаторе Иркутской области является оказание методической поддержки исполнительных органов государственной власти Иркутской области, органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области, организаций – владельцев объектов критической информационной инфраструктуры по вопросам защиты информации, исполнения законодательства в области обеспечения безопасности, а в перечень вопросов, рассматриваемых на заседаниях Совета по защите информации при губернаторе Иркутской области, входит совершенствование системы защиты информации в Иркутской области.

Решения Совета по защите информации при губернаторе Иркутской области в части защиты информации в органах местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области, российских юридических лиц – владельцев объектов критической информационной инфраструктуры носят исключительно рекомендательный характер.

Постановлением Правительства РФ [5, с. 218] в отношении российских юридических лиц, попадающих под действие Федерального закона «О безопасности критической информационной

инфраструктуры Российской Федерации» [6, с. 13], также установлен рекомендательный характер в части сроков утверждения перечня объектов критической информационной инфраструктуры, подлежащих категорированию.

Литература

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html>
2. Об установлении порядка реализации функций удостоверяющего центра аппарата Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области и исполнения его обязанностей : приказ аппарата Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области от 30 марта 2017 г. № 20-пра. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446263303>
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. Ст. 3448.
4. О Совете по защите информации при Губернаторе Иркутской области: указ Губернатора Иркутской области № 128-уг. URL: parvo.gov.ru
5. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2018 г. : постановление Правительства от 13 апр. 2019 г. № 452 // Собр. законодательства РФ. 2019. №16. Ст. 1955
6. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : федер. закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2017. №31. Ст. 4736.

Implementation of legal policy in the field of information protection (on the example of the Irkutsk region)

© Paleev A. A., Kalinovskiy S. G., 2019

Abstract. The development of information technologies in Russia poses new challenges for the state and society in the field of information security. The Doctrine of Information Security of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation dated December 5, 2016 No. 646, is a fundamental document representing a system of official views on ensuring the national security of the Russian Federation, including in the field of information security.

Keywords: Information security, information security, legal policy in the field of information security.

Палеев Александр Анатольевич – начальник отдела технической защиты информации; Аппарат губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области, г. Иркутск, Россия, e-mail: a.paleev@govirk.ru

Калиновский Сергей Геннадьевич – главный советник отдела технической защиты информации; Аппарат губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области, г. Иркутск, Россия, e-mail: s.kalinovskiy@govirk.ru

Paleev Alexandr Anatolievich – Head of the Department of Technical Information Protection; Office of the Governor of the Irkutsk Region and the Government of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: a.paleev@govirk.ru

Kalinovskii Sergey Gennadievich – Chief Advisor to the Department of Technical Information Protection; Office of the Governor of the Irkutsk Region and the Government of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: s.kalinovskiy@govirk.ru

УДК 340(075.8)

О методологической роли категории «правовое взаимодействие» в курсе теории государства и права

© Панченко В. Ю., 2019

Аннотация. Рассматривается методическая роль категории «правовое взаимодействие» в курсе теории государства и права, отмечается значение прикладных дисциплин для полноценного усвоения курса теории государства и права.

Ключевые слова: правовое взаимодействие, социальная коммуникация, юридическое содействие, юридическая профессия.

Правовое взаимодействие – особый вид социальной коммуникации (способ осуществления общественных связей), представляющий собой взаимный обмен субъектов права юридически значимой деятельностью и (или) ее результатами, имеющий специфические среду функционирования, объект и структуру и онтологически проявляющийся в двух основных типах – юридическом содействии и юридическом противодействии, которые в результате институционализации приобретают характер универсальных, равнозначимых и взаимодополняющих средств обеспечения реализации права.

В гносеологическом аспекте правовое взаимодействие выступает в качестве универсальной теоретико-правовой категории, выполняющей в методологическом отношении функции познания закономерностей всех юридических явлений и процессов в единстве различных аспектов их бытия и воздействия на юридически значимую активность субъектов права в условиях социальной среды.

Категория «правовое взаимодействие» имеет серьезное учебно-методическое значение в процессе подготовки студентов-юристов, поскольку показывает взаимное влияние юридически значимых деятельностей в процессе функционирования реальных правовых явлений, изучаемых как в курсе общей теории государства и права, так и в отраслевых дисциплинах (правотворчество, правоприменение, юридический факт и пр.).

Без усвоения обмена процессами и (или) результатами юридически значимой деятельности невозможно овладение обучающимися юридической технологией (стратегией, тактикой и техникой всех видов и подвидов юридически значимой деятельности – правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной, следственной, судебной, адвокатской и др.).

В изучении отраслевых юридических дисциплин по действующим в настоящее время образовательным стандартам наблюдается некоторый дисбаланс – только дисциплины уголовно-правового цикла (уголовное право, уголовный процесс и криминология) имеют обязательную к изучению прикладную дисциплину, которая посвящена стратегии, тактике, технике и методике, – криминалистику.

Однако не менее важные и сложные вопросы ставит юридическая практика в гражданском праве и процессе, арбитражном процессе, договорной работе, переговорах и т. д.

Например, не вызывает сомнений то, что любая юридически значимая деятельность протекает в некоторой совокупности обстоятельств, именуемых юридической или правовой ситуацией. Однако если в рамках уголовно-правового цикла юридические ситуации стали предметом серьезного научного изучения и прикладных разработок в рамках криминалистической ситуалогии (Т. С. Волчецкая), то применительно к юридическим ситуациям, входящим в предметы правового регулирования гражданского, трудового, семейного и иных отраслей и институтов права, такие исследования – актуальная задача юридической науки в целом.

В этой связи вполне закономерными видятся попытки разработки и внедрения в учебный процесс прикладных дисциплин, сопровождающих в прикладном отношении все отраслевые дисциплины в рамках таких курсов, как доказательственное право, профессиональные навыки юриста и т. д.

Вполне вероятно появление в недалеком будущем учебных дисциплин, которые на основе достижений криминалистики могли бы стать техническим и технологическим обеспечением всех специальных юридических предметов. Возможными вариантами наименований таких дисциплин могли бы стать «юритехнологистика» или «юрисактивистика» (от англ. *activity* – деятельность).

Поэтому для успешного обучения юридической профессии студенты, помимо усвоения теории и содержания нормативных массивов, изучаемых в той или иной специальной дисциплине, должны обращать внимание на вопросы техники и технологии юридически значимой деятельности в соответствующей области общественных отношений.

About the methodical role of the legal interaction category in the course of the theory of state and law

© Panchenko V. Yu., 2019

Abstract: the article examines the methodological role of the category “legal interaction” in the course of the theory of state and law, notes the importance of applied disciplines for the full mastery of the course of the theory of state and law

Keywords: legal interaction, social communication, legal assistance, legal profession.

Панченко Владислав Юрьевич – профессор кафедры теории и истории государства и права, Красноярский государственный аграрный университет; старший научный сотрудник, Сибирский федеральный университет, Федеральный сибирский научно-клинический центр ФМБА России, г. Красноярск, Россия.

Panchenko Vladislav Yurievich – Professor, Chair of theory and history state and Law, Krasnoyarsk State Agrarian University, Siberian Federal University, Federal Siberian Scientific and Clinical Center FMBA of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation

Государство и правовое саморегулирование в контексте элементов гражданского общества

© Петрик А. С., 2019

Аннотация. Рассматривается вопрос взаимодействия государства и субъектов правового саморегулирования как элементов гражданского общества. В ходе исследования выделены виды саморегулирования в зависимости от способа их создания и от воли государства. По итогам проведенного исследования сделан вывод о постоянном взаимодействии нахождении саморегулирования и государства.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, саморегулирование, виды саморегулирования, саморегулируемые организации

Гражданское общество – это общество, которое характеризуется самоорганизованностью, широко развитым самоуправлением народа. Это общество, в котором граждане сами решают свои дела, а роль государства сведена до необходимого минимума [1, с. 160].

Поскольку государство есть часть гражданского общества, оно находится в постоянной взаимосвязи с другими его элементами. Такое взаимодействие особенно прослеживается в способах регулирования общественных отношений, одним из которых является правовое саморегулирование, приобретающее все большее значение в современном мире с развитием автономности субъектов права. Саморегулирование характеризуется как деятельность субъектов по регулированию собственных отношений.

Однако, как было отмечено выше, государство является частью гражданского общества и не может быть оставлено в стороне от саморегулирования, поэтому следует решить вопрос о том, как соотносятся государство и субъекты правового саморегулирования, какие способы их взаимодействия возможны.

В теории права выделяют ряд групп саморегулирования по различным критериям: по способу возникновения (в порядке частной инициативы, делегирование полномочий, институциональное проектирование); по степени автономности субъекта саморегулирования (полностью автономное, частично автономное, зависимое от государства) [2, с. 118].

Наиболее актуальным из указанных критериев в контексте данной темы представляется способ возникновения саморегулирования, поскольку именно он дает начало тем или иным нормам и актам саморегулирования.

Первую группу по данному критерию именуют саморегулированием, возникшим в порядке частной инициативы, т. е. без вмешательства государства как властного субъекта. Такое саморегулирование актуально для случаев, когда субъектам правоотношений необходимо решить проблему координации внутри определенной группы и при этом не подходит способ урегулирования данных отношений посредством договора.

Следующая группа по данному критерию – саморегулирование, возникшее по инициативе государства. Государство в данном случае организует определенную институциональную модель поведения субъекта, обеспечивая ее правовую поддержку (путем создания специального нормативного акта). Субъекты же создают нормы саморегулирования при исполнении предписаний закона. На такой основе действуют саморегулируемые организации в современной России.

Деятельность данных организаций (модель поведения и база для создания) заложена Федеральным законом от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях», в котором дано легальное определение саморегулирования – самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил.

В данном определении указано, что оно актуально лишь для субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности. Саморегулируемые организации предназначены для создания эффективного механизма регулирования профессионального рынка [3, с. 200], что еще раз доказывает верность тезиса о том, что саморегулирование, созданное по инициативе государства, является лишь частью системы правового саморегулирования.

Третий способ возникновения саморегулирования – делегирование государственных полномочий. Такое саморегулирование может ярко просматриваться на примере органов местного самоуправления, когда им делегирован ряд полномочий органов государственной власти. В данном случае государство, хотя и имеет

право создать правило поведения, передает эту возможность субъекту саморегулирования для создания последним соответствующих норм права.

Следует отметить, что виды саморегулирования, выделяемые в результате классификации по второму признаку – степени автономности субъекта саморегулирования (полностью автономное, частично автономное, зависимое от государства), – в полной мере соответствуют одному из видов саморегулирования, выделенному в результате классификации по способу его возникновения.

Так, саморегулирование, возникающее по частной инициативе, полностью автономно. Мотивы его создания существуют лишь у субъектов данного саморегулирования. У государства отсутствует потребность в данном саморегулировании, а потому отсутствуют какие-либо методы и рычаги воздействия на его субъекты. Обеспечение исполнения норм саморегулирования в данном случае возлагается на сами субъекты.

Институциональному проектированию соответствует характеристика частично автономного саморегулирования, поскольку предпосылкой к возникновению норм саморегулирования в данном случае является воля государства, однако реализуют ее субъекты саморегулирования, которые относительно свободны в своих действиях.

И наконец, саморегулирование, возникающее в результате делегирования, является полностью зависимым от государства, которое данные полномочия передает субъекту саморегулирования волевым решением и аналогичным образом вправе лишить указанный субъект данных полномочий.

Таким образом, государство и субъекты саморегулирования находятся в постоянном взаимодействии друг с другом как элементы одной системы – гражданского общества. Указанное взаимодействие происходит как на стадии создания норм саморегулирования, так и во время их действия.

Отсутствие такого взаимодействия напрямую не усматривается в саморегулировании, возникающем на основе частной инициативы, однако его предназначение – урегулировать отношения субъектов какой-либо группы, которая чаще всего возникает в результате реализации гражданами прав, определенных в формальных правовых актах, т. е. воля государства в данном виде саморегулирования опосредована волей его субъектов, но не отсутствует полностью.

Литература

1. Пьянов Н. А. Теория государства и права : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск : Изд-во ИрИ (ф) ВГУЮ (РПА Минюста РФ), 2015. 528 с.
2. Оллин П. Б. Виды саморегулирования // Юридическая мысль. 2009. № 6. С. 118–123.
3. Асаул А. Н. Проблемы реализации Федерального закона «О саморегулируемых организациях» и его синхронизации с отраслевым законодательством // Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. 2012. № 1. С. 199–205.

State and Legal Self-Regulation in the Context of Elements of Civil Society

© Petrik A. S., 2019

Abstract. The article considers the issue of interaction between the state and the subjects of legal self-regulation as elements of civil society. During the study, types of self-regulation were identified depending on the method of their creation and dependence on the will of the state. Based on the results of the study, it was concluded that self-regulation and the state are in constant interaction.

Keywords: civil society, state, self-regulation, types of self-regulation, self-regulatory organizations

Петрик Анжелика Сергеевна – аспирант, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия, e-mail: petrik.angelika@gmail

Petrik Angelika Sergeevna – Postgraduate, Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation, e-mail: petrik.angelika@gmail

УДК 340.11.2

Нормы права в оценках общественности

© Полюшкевич О. А., 2019

Аннотация. Рассматриваются результаты исследования, посвященного оценке норм права среди россиян. Выявляются особенности интерпретации права в рамках терминальных и инструментальных ценностей, также выделяются основные четыре группы россиян, отличающихся по типам восприятия права, закона и справедливости.

Ключевые слова: право, закон, преступность, общественность.

Общественное развитие на протяжении тысячелетий сопровождалось развитием преступности. Исследователи указывали на очевидные и более завуалированные связи с экономическими,

социальными, культурными, образовательными и иными изменениями общественного уклада, которые приводят к развитию преступности. И на вопрос – возможно ли покончить с преступностью, зачастую приходит отрицательный ответ, так как преступность эволюционирует наряду с социальными институтами и обществом в целом.

Даже политическая воля и жесткие меры наказания не искореняют преступности, уменьшается количество преступников, но не искореняется совсем. При этом право и закон может стать активной аффективной, когнитивной ценностью для различных социальных групп. Вопрос лишь в строгом соблюдении последнего.

В 2019 г. мы провели исследование на платформе google.ru, в котором приняло участие 1800 человек в возрасте от 18 до 75 лет, 56 % женщин и 44 % мужчин, имеющих разные образование, социальный и профессиональный статус, проживающих в различных субъектах Российской Федерации. Выборка осуществлялась по принципу пола, возраста и региона проживания.

В результате проведенного исследования мы выяснили, что с правом у населения России ассоциируются «нормы» (43 %) и «действия» (25 %). В понимание права как нормы включаются такие ответы, как «регулирование жизни общества, ограничивающее поведение и внедряющее нормы», «право – это норма для повседневной жизни», «право – это способ формирования нормальной относительно безопасной среды». В понимание права как действия входят такие ответы, как «возможность совершать определенные поступки, которые вписываются или не вписываются в существующие правовые реалии», «возможность совершать определенные действия, поступки, регламентирующие нашу жизнь», «право – это поступки людей, включенные в правовые нормы общества».

В то же время треть респондентов (32 %) говорила о праве в контексте конкретных прав и свобод человека и гражданина. «Право регламентирует мои права и обязанности», «правовые нормы регулируют работу социальных институтов и формы взаимодействия внутри их для граждан», «защита прав и свобод человека всегда соответствует тому времени, в котором он живет».

Среди молодежи от 18 до 32 лет в три раза больше тех, кто говорит о таких своих правах, как «право на жизнь», «право на свободу слова», «авторское право» и прочие личные права, с ко-

торыми они непосредственно взаимодействуют, отстаивая свои убеждения и идеалы. Чем старше респонденты, тем больше в риторике появляется «прав безопасности», «социальных гарантий», «социального контроля» и всего того, что связано с социальными гарантиями институтов права развития гражданского общества.

Стоит также отдельно отметить такой пункт, что среди молодежи, право чаще ассоциируется со «свободой», «мерой свободы», «нормой свободы» (21%). Тогда как у людей старшего поколения чаще звучит «ответственность», «соблюдение прав других», «уважение прав других» (17 %).

Таким образом, мы наблюдаем два типа отношения к праву: терминальное и инструментальное. В первом случае право воспринимается как самостоятельная ценность, значимая сама по себе. В нашем исследовании эти ценности распространены в основном среди молодого поколения (39 %), среднего (34 %), старшего (27 %). Во втором случае право рассматривается как средство реализации интересов и потребностей индивида и социальных групп, а также как способ решения вопросов и проблем человека и группы людей. К данному типу тяготеют более старшие поколения, молодое поколение (16 %), среднее (41 %), старшее – (43 %).

Стоит учитывать, что правовое сознание россиян формируется в условиях большей лояльности к легальности получаемых материальных и социальных ценностей и защищенности прав, государственными гарантиями безопасности и прочее. Полученные нами данные позволяют говорить о том, что молодежь критично оценивает действенность права и правовых институтов в России. Только 35 % респондентов полагает, что их права защищены, а 65 % утверждают обратное.

В обществе нет четкой позиции по поводу безусловности соблюдения закона. Что закон надо соблюдать, даже если он не актуален, устарел, не эффективен, считают лишь 13 % респондентов, большая часть россиян полагает, что необходимо учитывать различные условия при соблюдении закона (87%). Их аргументами выступают такие условия: «противоречие правовых норм федерального и регионального уровня» (например, применительно к охране территорий острова Ольхон и озера Байкал, строительства домов и дорог и прочего), «неприменимость норм права, перешедших еще с советского нормативного производства» (неактуальность отдельных статей конституции и феде-

ральных законов). Или же соблюдение закона возможно при определенных условиях («соблюдение закона и законности со стороны органов власти», «одинаковое воздействие норм права на всех членов общества, вне зависимости от их статуса и социальной роли»). Еще одним условием является соответствие законов принципам справедливости («важно жить по справедливости и не всегда по закону»). Об этом более подробно изложено в других работах автора [1; 2].

Вызывает тревогу тот факт, что около трети респондентов (31%) готовы преступить нормы права в том или ином случае, так же как и принципы морали, если это будет помогать им добиваться своих целей и важных жизненных задач.

Большая часть респондентов (64%) не доверяет государственным институтам, правоохранительным органам, призванным в установленном законом порядке защищать права и свободы граждан, причем рассматриваемый показатель имеет тенденцию к росту. Так называемые неправовые практики являются приемлемой стратегией поведения, применимой в разных сферах общества. Это выступает примером существующих противоречий между построением гражданского общества и правового государства и реальными практиками правоприменения.

Правовая социализация россиян достаточно противоречива, имеет стихийный неуправляемый характер, подвержена субъективным и провокационным оценкам в СМИ и сети Интернет. Существующие в России социальные антиномии усиливают этот процесс. Поэтому мы можем выделить несколько групп россиян, имеющих различные установки по отношению к праву: 1) «за закон», или законопослушные, ориентируются на нормы и принципы закона, руководствуются его буквой и духом; 2) «за справедливость», или моралисты, соотносящие свое поведение не с нормами права, а с принципами справедливости; 3) «за власть», или конвенционалисты, руководствуются нормами поведения представителей власти; 4) «за себя», или эгоисты, ставят свои интересы выше интересов закона.

Правовой вакуум, сложившийся на сегодняшний день, является основой для того, что в обществе доминирует неприятие закона и стремление обходить нормы права, распространяются неправовые практики решения вопросов, что влияет на правовое сознание общества.

Полагаю, что социальная реклама, осуществляемая через все СМИ и сеть Интернет, нацеленная на формирование правовой культуры и правового сознания, будет способствовать изменению данной ситуации, что приведет к законопослушанию, добросовестности в осуществлении прав и выполнении обязанностей, уважительному и бережному отношению к правам и охраняемым законом интересам, в том числе в формате постоянных рубрик и тематических передач, специализированных периодических и разовых изданий [3].

Наряду с этим важную позитивную роль здесь могут сыграть создание и распространение творческих проектов, доступных для непрофессионального восприятия, информационных материалов, предоставляющих базовые юридические знания и формирующих правовую культуру и правосознание представителей подрастающего поколения, а также разработка и реализация системы мер государственного стимулирования таких проектов и материалов.

Изменение общественных установок к нормам права является одним из базовых условий трансформации правовой социализации и правовой культуры граждан Российской Федерации. Чем более активно и всесторонне данный вопрос будет изучаться и прорабатываться на разных уровнях власти, тем более встроены в повседневную жизнь будут нормы права, которые будут принимать, одобрять и соблюдать россияне.

Литература

1. Полюшкевич О. А. Доверие к институтам права // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2019. С. 96–103.
2. Полюшкевич О. А. Условия солидарности: правосудие или справедливость? // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2017. С. 41–51.
3. Дружинин Г. В. Справедливость правосудия в России // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира : сб. материалов. 2018. С. 870–872.

Norms of Law in Public Assessments

© Polyushkevich O. A., 2019

Abstract. The article discusses the results of a study on the assessment of the rule of law among Russians. Features of interpretation of law are revealed within the

framework of terminal and instrumental values, the main four groups of Russians are distinguished, differing in the types of perception of law, law and justice.

Keywords: law, law, crime, public

Полюшкевич Оксана Александровна – доцент, кандидат философских наук, кафедра государственного и муниципального управления, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: okwook@mail.ru

Polyushkevich Oksana Aleksandrovna – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Department of State and Public Administration, Institute of the Social scientists, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: okwook@mail.ru

УДК 340

К вопросу о правовом регулировании добровольческой (волонтерской) деятельности

© Почерней И. Н., 2019

Аннотация. Анализируются некоторые проблемные вопросы правового регулирования добровольческой деятельности в России. Отмечается, что уточнению подлежит и цель этой деятельности, в частности в законодательстве не указывается, что имеется в виду под общепользуемой целью. Также обращается внимание на выполнение добровольцем своих обязанностей и возможность выплаты им заработной платы.

Ключевые слова: доброволец, волонтер, общепользуемая цель, благотворительность, правовое регулирование добровольческой деятельности.

Современная Россия прошла достаточно немалый этап с момента распада СССР. Всего лишь за несколько десятилетий, в стране хорошо развилось такое гражданское движение, как добровольчество (волонтерство). Термин «волонтер» был известен еще при СССР, но не имел такого значения, как сейчас. В то время волонтером являлся гражданин, который добровольно отправлялся на постройку каких-либо важнейших для страныстроек, например на стройку БАМа; подъем целины и т. д. Следует сказать, что за свою работу он получал от государства денежные средства, что не соответствует нынешнему типу «волонтерства», которая в настоящее время воспринимается как деятельность, направленная на помощь другим людям, осуществляемая на безвозмездной основе.

На сегодняшний день в России все большую популярность набирает добровольческая (волонтерская) деятельность. Причем данное движение положительно зарекомендовало себя при проведении масштабных мероприятий, таких как Олимпиада в Сочи 2014 г., а также Чемпионат мира по футболу 2018 г. и др. Не стоит забывать и о том, что волонтеры активно участвовали и при ликвидации последствий наводнения в Иркутской области летом 2019 г. Таких примеров можно привести множество. Это говорит о том, что данная деятельность востребована все больше и больше. Как справедливо отмечают некоторые авторы, «вряд ли кто-то станет отрицать, что волонтерство в современной общественной жизни стало весьма заметным явлением. Контакты с добровольными помощниками в разных полезных для общества делах становятся для жителя более или менее крупного города чуть ли не повседневны» [1, с. 98].

Несмотря на положительные тенденции развития данного движения, остаются многие проблемные аспекты в сфере его практической реализации, в том числе и в области правового регулирования.

Если говорить о правовом регулировании волонтерской деятельности, то стоит отметить, что законодательно «волонтерство» оформилось только в 1995 г., когда был принят Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [2].

В указанном законе были прописаны только общие признаки. Так, Закон определяет добровольчество через понятие доброволец. «Добровольцы (волонтеры) – физические лица, осуществляющие добровольческую (волонтерскую) деятельность в целях, которые указаны в пункте 1 статьи 2 данного Закона (в частности в целях оказания социальной поддержки, улучшение материального положения малообеспеченных, социальную реабилитацию безработных, инвалидов и иных лиц, оказания помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий и др.) или в иных общественно полезных целях».

Как видно из приведенного, именно цель определяет и добровольческое движение. Однако стоит сказать, что вопрос о том, какие цели считать в целом полезными, неоднократно поднимался в юридической литературе, естественно, перечень таких актов не может быть исчерпывающим. Однако в общем определить их также необходимо.

Хотелось бы также сказать, что законодатель не уточнил, какая цель вообще считается общепольной. Как видится, определение данной цели является важным фактором в понимании сущности добровольческой деятельности.

Так, например, И. А. Минахина определяет этот термин следующим образом: «Общепольные цели – это цели, связанные с удовлетворением материальных и духовных потребностей социальных групп, социальных слоев, общественных движений, с научным, культурным, образовательным развитием граждан и тому подобное...» [3, с. 84].

Таким образом, как видится, доброволец (волонтер) для осуществления указанной деятельности должен поставить перед собой конкретную общепольную цель. Это поможет избежать ненужных споров о том, имеет ли данная деятельность цель или нет. Именно признак общепольности является основополагающим в определении волонтерства, которое имеет ряд важных особенностей правового регулирования.

Суммируя вышеизложенное, можно предположить, что для более эффективного правового регулирования добровольческой деятельности, а также для более очевидного разграничения с возмездным оказанием услуги предлагается закрепить за добровольческим движением обязанность определять круг целей своей деятельности.

Также хотелось бы обратить внимание еще на несколько проблемных аспектов рассматриваемой деятельности, которые необходимо подвергнуть тщательному научному осмыслению. Среди таких проблем можно выделить следующее:

во-первых, невыполнение добровольцем (волонтером) своих обязательств, приведшее к трагическим случаям;

во-вторых, реализацию мотивационной политики государства;

в-третьих, вопросы привлечения добровольцев к уголовной ответственности. Так, введение отдельных мер уголовной ответственности за нарушение волонтером своих прямых обязанностей, которое стало общественно опасным деянием, улучшило бы организацию и повысило ответственность волонтеров. Например, легкомысленные люди, ставшие волонтерами, могут халатно относиться к своей работе, просто не приходя на нее;

в-четвертых, вопросы регулирования деятельности добровольцев (волонтеров) со стороны государства.

В этой связи стоит сказать, что на сегодняшний день волонтерство становится популярным занятием среди молодых людей старше 20 лет и людей пожилого возраста. Люди идут туда, чтобы нести помощь другим, делиться своим жизненным опытом и в некоторых случаях помогать самим себе. Но также среди молодежи более раннего возраста есть ложные понимания, что волонтерская деятельность может быть возвратной, т. е. они рассчитывают на денежную компенсацию. Но это не так, и они быстро теряют интерес к этому. Следует понимать, что такая позиция молодежи может плачевно сказаться на волонтерском движении в будущем.

Прорывным можно считать тот факт, что в 2018 г. были приняты поправки к вышеупомянутому Закону № 135-ФЗ. Так, Федеральный закон от 5 февраля 2018 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)» урегулировал некоторые правовые вопросы волонтерской деятельности. В частности, были внесены нормы, которые закрепили права и обязанности добровольцев (ст. 17.1 Закона), а также определены правовые условия осуществления организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности (ст. 17.2) [4].

Но, к сожалению, в этих законах не прописывается личная ответственность члена благотворительной организации, а только ответственность всей организации. Безусловно, ответственность отдельных членов организации должна быть законодательно закреплена, так как за причинение вреда жизни ответственность должен нести отдельный член добровольческой организации, а не вся организация в целом. Вполне естественно, что многие не соглашались с данной позицией, так как организация несет за него полную ответственность, что и прописано в указанном законе.

Еще одной проблемой, с которой приходится сталкиваться на практике, является выплата заработной платы участникам волонтерского движения. Несомненно, должно существовать множество льгот волонтерам, но выплата заработной платы остается одним из спорных вопросов. С одной стороны, волонтерство – это безвозмездная помощь нуждающимся, но, с другой, кто станет этим заниматься на постоянной основе.

На наш взгляд, решение указанных проблем помогло решить немало спорных вопросов. Так, например, существование государственного финансирования волонтерских организаций привлекло бы достаточно много желающих в них вступить.

Литература

1. Пятков Д. В., Бибко Н. Э. Добровольческая (волонтерская) деятельность в системе договорных отношений гражданского права // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2018. № 1. С. 96–100.
2. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.
3. Минахина И. А. Наследование. Дарение. Пожизненная рента: вопросы правового регулирования. М. : Дашков и К, 2007. 220 с.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства): федер. закон от 05.02.2018 № 15-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2018. № 7. Ст. 975.

To the question of legal regulation of voluntary (volunteer) activity

© Pochernei I. N., 2019

Abstract. In the framework of the presented report, the author analyzes some problematic issues of legal regulation of volunteer activity in Russia. It is noted that the purpose of this activity is subject to clarification, in particular, the legislation does not specify what is meant by a generally useful purpose. Attention is also drawn to the performance of volunteer duties and the possibility of paying their wages.

Keywords: volunteer, a useful goal for society, charity, legal regulation of volunteer activity.

Почерней Игорь Николаевич – студент, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: i.p.16@mail.ru

Pochernei Igor Nikolaevich – Student, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: i.p.16@mail.ru

УДК 343.1

К вопросу о причинах возникновения правоприменительных ошибок

© Самусевич А. Г., 2019

Аннотация. Анализируются возможные причины совершения правоприменительных ошибок при осуществлении соответствующей деятельности. На основе междисциплинарного исследования было определено, что такие ошибки чаще всего допускаются по субъективным причинам.

Ключевые слова: правоприменение, правоприменительная деятельность, правоприменительная ошибка, правосознание правоприменителя, эффективность правоприменения.

В настоящее время в процессе применения правовых норм субъектами правоприменения по-прежнему допускается большое количество юридических ошибок, что в свою очередь:

во-первых, снижает эффективность данного вида деятельности, во-вторых, приводит к негативным последствиям в сфере обеспечения законности и правопорядка в стране.

Такие ошибки снижают эффективность работы всех компетентных органов и должностных лиц, не позволяют достичь стоящих перед ними целей и выполнения возложенных на них задач.

Среди причин этих ошибок особое место занимают субъективные факторы, которые выражаются в неправильной (ошибочной) оценке нормативных требований со стороны субъектами правоприменения, в результате чего формируется искаженное внутреннее отношение к ним, которое воплощается в определенных поведенческих реакциях и решениях.

Следует отметить, что правоприменительные ошибки чаще всего допускаются в процессе юридической квалификации фактических обстоятельств дела. Только правильная юридическая квалификация предопределяет успешное разрешение юридического дела.

В свою очередь, в случае, если правоприменитель на данной стадии неверно выбрал норму права, это влечет за собой ошибочную квалификацию и неправильное разрешение дела по существу.

В связи с чем рассмотрение механизма преодоления правоприменительных ошибок позволит, в первую очередь, наметить пути и способы их устранения и предупреждения, а также понять природу и причины их допущения.

Однако логичным представляется первоначально определиться с понятием «правоприменительная ошибка», после чего определить причины и условия их совершения, а также определить механизм их преодоления.

Синтезировав мнения ученых, приведенных выше, можно прийти к выводу, что *правоприменительная ошибка – это негативный результат ошибочной деятельности правоприменителя, к которому привела неправильная квалификация фактических обстоятельств дела вследствие заблуждения или неосторожности.*

Учитывая вышесказанное, можно выявить следующие существенные черты правоприменительной ошибки:

- негативный результат правоприменительной деятельности, который приводит к неправильному разрешению дела;
- выражается в издании ошибочного правоприменительного акта, противоречащего нормам материального или процессуального права;
- допускается по вине правоприменителя в виде добросовестного заблуждения или неосторожности;
- возможность правоприменительных ошибок коренится в существующем институте усмотрения.

Квалификационные ошибки обобщенно можно классифицировать по трем группам:

- 1) непризнание наличия состава преступления в деяниях, где он имеется;
- 2) признание наличия состава преступления в деяниях, где он отсутствует;
- 3) неправильное избрание нормы УК для квалификации преступления.

Рассмотрев разные определения ошибок, можно отметить, что актуальным остается и вопрос о причинах допущения правоприменительных ошибок. При перечислении их признаков, в какой-то степени были затронуты и причины их возникновения, среди которых: субъективные факторы в деятельности правоприменителя; низкая грамотность и низкий уровень правосознания и правовой культуры правоприменителя и др.

Анализируя различные точки зрения, можно привести более подробный перечень причин (факторов), которые способствуют совершению правоприменительных ошибок:

- **предубежденность правоприменителя** (обвинительный или оправдательный уклон, некритичность и самоуверенность при принятии решения по делу);
- **отсутствие у правоприменителя необходимых качеств** (принципиальность, критичность, быстрота мышления, умение логично рассуждать, общепринятые моральные устои);
- **отсутствие опыта правоприменения**;
- **слабый, недостаточный контроль** за деятельностью правоприменителя со стороны как ведомственных, так и вневедомственных органов;
- **низкое качество исполнения своих обязанностей** кассационными и надзорными инстанциями, в деятельности которых

нередко допускаются серьезные упущения и отступления от требований закона, в результате чего многие нарушения закона не выявляются и не устраняются;

– **отсутствие в органах правоприменения правильно организованного руководства.** Острыми остаются вопросы организации воспитания у руководителей правоприменительных органов и их заместителей высоких морально-нравственных качеств, управленческой культуры и профессиональной этики;

– **неблагоприятные условия осуществления правоприменительной деятельности.** Условия работы (морально-психологические, технические и др.) во многом определяют характер отношения правоприменителя к своим обязанностям. Эти условия могут способствовать либо раскрытию его способностей в правоприменительной деятельности, либо, если эти условия неблагоприятны, приводят к апатии, нежеланию работать с полной отдачей сил;

– **объективная сложность правоприменения.** Особую трудность представляет отсутствие, как правило, полной и достоверной информации для принятия безошибочного решения;

– **институт усмотрения.** Это объясняется тем, что правовое усмотрение всегда связано с субъективизмом, свободой оценки и действием в ситуации неопределенности.

Кроме того, в науке предложен ряд механизмов преодоления и устранения правоприменительных ошибок.

Наиболее перспективной представляется та структура указанного механизма, в которую включаются следующие элементы:

во-первых, качественные нормативные правовые акты и их государственно-правовое обеспечение;

во-вторых, правовые средства, способы и методы, с помощью которых достигаются цели самого процесса применения правовых норм;

в-третьих, субъектная составляющая правоприменительной деятельности;

в-четвертых, юридические гарантии, обеспечивающие правомерность процесса применения права.

Сам механизм преодоления правоприменительных ошибок можно рассматривать как *систему взаимодействующих элементов, функционирование которых носит взаимообусловленный характер и подчинено общей цели – обеспечению законности и*

достижению эффективности в процессе применения правовых норм по конкретному юридическому делу.

Предложенный механизм преодоления правоприменительных ошибок включает в себя не только правовое регулирование и деятельность государственных органов в сфере применения правовых норм, но и позволяет эффективно решать проблемы совершенствования действующего законодательства.

To the Question of the Reasons for the Law of Law

© Samusevich A. G., 2019

Abstract. In the framework of this communication, the author analyzes the possible reasons for the enforcement errors in the implementation of the relevant activities. Based on an interdisciplinary study, it was determined that such errors are most often made for subjective reasons.

Keywords: law enforcement, law enforcement, law enforcement error, law enforcement, enforcement effectiveness.

Самусевич Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: samusevich79@mail.ru

Samusevich Alexey Gennadievich – Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Department of Law, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, Russia, e-mail: samusevich79@mail.ru

УДК 347.77

Особенности государственно-правового регулирования отношений собственности в Восточной Сибири в первой четверти XX в.

© Сафонов М. А., 2019

Аннотация. Рассмотрены основные аспекты регулирования отношений собственности в Восточной Сибири. Изучен комплекс ограничений права собственности как совокупности вещных прав, вводимых государством при царском и колчаковском режимах, а также в первые годы существования советской власти. Обозначены основные характерные особенности государственно-правовой политики в области регулирования отношений собственности в Восточной Сибири. Дана оценка организационному и правовому обеспечению реализации собственниками своих полномочий.

Ключевые слова: государственно-правовое регулирование, правовое регулирование, собственность, право собственности, вещные права.

Отношения собственности выступают в качестве базовых отношений не только в экономике, но и в других сферах жизни общества, а право собственности всегда являлось одним из важнейших институтов, отражающих характер и уровень развития правовой системы государства.

В этом смысле институт права собственности как никакое другое правовое явление подходит для предметной иллюстрации истории развития правового регулирования.

Сегодня многие правоведы придерживаются естественно-правового подхода в вопросе о понимании сути и назначения правового регулирования. Одним из авторов, внесшим существенный вклад в развитие данного подхода в теоретико-правовой науке, являлся Н. А. Пьянов, неоднократно отмечавший, что позитивистское понимание права не может быть методологически выверенным ориентиром для характеристики правового регулирования, поскольку в исходящих от государства нормах может закрепляться не только право, но и произвол, являющийся, по мнению Н. А. Пьянова, антиподом праву [1, с. 20].

Н. А. Пьянов утверждал, что лишь те нормы, исходящие от государства, могут считаться правом, которые закрепляют и гарантируют свободу поведения участников общественных отношений. Право в его трактовке – это свобода, обоснованная, оправданная свобода или возможность поведения, которая признается в обществе. Право и произвол – писал Н. А. Пьянов – вещи несовместимые [2, с. 61].

Нормы, которые закрепляли свободу, но не гарантировали ее или вместо свободы закрепляли произвол, Н. А. Пьянов предлагал называть не «правом», а позитивным правом [1, с. 20].

Отсюда следует и разграничение собственно правового регулирования, осуществляемого путем предоставления участникам правоотношений свободы, и неправового регулирования со стороны государства, или государственно-правового регулирования, в рамках которого может иметь место произвол и нарушение естественных прав и свобод людей [2, с. 61].

Возвращаясь к праву собственности, мы не можем не отметить, что его содержание со времен древнеримских юристов понимается как совокупность правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом. Таким образом, согласно подходу Н. А. Пьянова, собственник должен иметь законную возможность

свободной реализации любого из трех названных правомочий, при этом не нарушая прав других лиц.

Конечно, нигде и никогда не существовало абсолютной свободы собственности, так же как никогда не существовало других субъективных прав, не имеющих ограничений. Однако стоит разграничивать установленные правом границы свободы, с одной стороны, и возведение в закон грубого произвола – с другой. Во втором случае ни о какой свободе, а значит, и ни о каком правовом регулировании говорить не приходится.

Изучение регулирования отношений собственности в Сибири в первой четверти XX в. дает богатый эмпирический материал для осмысления поставленной проблемы. Во-первых, интересны сами исторические условия, в которых формировался институт права собственности в Сибири: отсутствие помещичьего землевладения, развитое индивидуальное хозяйство крестьян, наличие фактора коренного населения, имеющего собственный уклад жизни. Во-вторых, Сибирь в целом, и Восточная Сибирь в частности, в данный исторический период являлась областью бурных преобразований и апробирования различных средств регулирования отношений собственности: край играл ключевую роль в реализации аграрной реформы П. А. Столыпина. Кроме того, в Сибири в годы революции и Гражданской войны неоднократно сменялась государственная власть, что каждый раз влекло за собой и изменения в правовой политике. Учитывая систему регулирования отношений собственности, существовавшую в первые годы XX столетия, систему, сложившуюся в ходе реализации столыпинской аграрной реформы, а также политику белогвардейского режима Колчака, годы военного коммунизма и НЭПа, мы можем выделить как минимум пять моделей регулирования отношений собственности, имевших место в Сибири в указанный период.

Было ли это регулирование правовым в смысле соответствия его естественно-правовому подходу или государственно-правовым – ответ на этот вопрос не просто вносит ясность в терминологическую и понятийную составляющую указанной проблематики, но и может послужить отправной точкой для переосмысления и развития отдельных методологических положений науки теории права и, конечно же, науки истории государства и права России.

При анализе правового регулирования отношений собственности в Российской империи прежде всего необходимо отметить отсутствие четкой государственно-правовой политики в данной сфере. В немалой степени формирование единообразного правового регулирования отношений собственности тормозилось неразвитостью гражданского законодательства того времени. В Своде законов Российской империи не имелось единого и четко-го понятия собственности, что порождало многочисленные трудности в правоприменении.

В некоторых статьях X тома I части Свода законов слово «собственность» употребляется в смысле простого имущества, в других статьях собственность называется вотчинным или крепостным правом, затем вотчинным или потомственным владением. Собственник называется то вотчинником, то владельцем вечным или потомственным, а иногда просто владельцем [3, с. 228].

Проект Гражданского уложения, разработанный в конце XIX – начале XX в. и содержащий более полную и последовательную регламентацию права собственности, по ряду причин так и не был принят. Концептуальное законодательное обоснование института собственности нашло свое отражение только в статьях ГК РСФСР 1922 г. [4, с. 86].

Кроме явных недостатков законодательства, явно негативным, с точки зрения правового обеспечения прав собственников, аспектом регулирования отношений собственности в дореволюционной России являлось искусственное сохранение пережитков сословного строя со всеми свойственными ему недостатками.

Так, собственность крестьян рассматривалась как неполная. Вплоть до 1905 г. значительная часть крестьян продолжала исполнять натуральные повинности, в частности так называемую подводную повинность [5, с. 97]. Для коренного населения Восточной Сибири вплоть до февраля 1917 г. существовала обязанность уплачивать ясак, являвшийся одним из пережитков феодальной земельной ренты [6, с. 239].

Такое положение вещей фактически ограничивало собственников в праве свободно распоряжаться своим имуществом.

Вопреки распространенному мнению, не изменилась ситуация и во время проведения Столыпинской аграрной реформы, когда правовая политика государства была направлена не столько

на развитие частной индивидуальной собственности, сколько на разрушение собственности коллективной (общинной).

Как неоднократно отмечали современные исследователи столыпинской реформы, изначальный проект не предполагал создания оформленного института частной собственности в Сибири [7]. Вместо частной собственности реформа была нацелена на развитие подворного землевладения. Сам П. А. Столыпин, говоря о крестьянах-землевладельцах, понятие «частная собственность» не применял. Ни указ 9 ноября 1906 г., ни иные нормативные акты не называли укрепленные наделы частной собственностью [8, с. 131].

Отличия же владения земельным наделом от частной собственности состоят в том, что в случае с первым институтом в отношении землевладельца сохраняются многие ограничения, связанные не только с правом распоряжения, но и с правом пользования своим земельным участком. Например, получивший в надел землю крестьянин был обязан соблюдать правила принудительного севооборота [8, с. 133].

Кроме того, новоиспеченные землевладельцы, так же как и старожилы Сибири и ее коренное население, не наделялись никакими гарантиями от безвозмездного изъятия земли государством для обеспечения своих нужд.

В частности, с 1908 по 1915 г. в результате принудительного изъятия земли в фонд колонизации землепользование бурят по Иркутской губернии сократилось на 47 % [6, с. 218]. Попытки «отвести» у сибирских крестьян землю для государственных нужд нередко приводили к стихийным вспышкам протеста, имевшего разные формы [9, с. 119].

Существовали в дореволюционной России и правила, дискриминирующие другие категории собственников: сибирское купечество с 1896 до 1913 г. было вынуждено платить двойной таможенный сбор за транспортировку товарного зерна по Транссибирской магистрали в западные губернии страны [10, с. 175–176], а сибирское казачество несло на себе бремя отчисления доли своего дохода в войсковые капиталы, за счет которых содержались и снаряжались казачьи воинские формирования в военное время [10, с. 35–36].

В годы колчаковщины положение сибирских собственников не только не упрочилось, но и стало как никогда уязвимым: во-

енный режим, по существу, возводил открытый произвол в закон. Широкое распространение получила практика передачи земель представителей коренного населения в собственность колчаковским офицерам. Бессистемные реквизиции затрагивали все категории населения, но более всего – крестьян [6, с. 349].

В русле многочисленных ограничений прав собственников развивалось и правовое регулирование отношений собственности в первые годы советской власти в Сибири. Только к ноябрю 1918 г. Центральным органом Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) и его провинциальными отделениями было издано до 900 постановлений, направленных на ограничение рыночных отношений [11, с. 81].

Однако в Сибири продовольственная разверстка как направление деятельности государственных органов появилась значительно позже, нежели в других регионах России. В сентябре 1919 г. Сибревком принял постановление «О порядке частной торговли», в котором запрещалось на всей территории Сибири закрытие базаров и базарных площадей. Постановление предусматривало заготовку хлебобудовых в фонд государства не разверсткой, а «самотеком», путем добровольной поставки крестьянами Сибири хлеба и фуража на основе купли-продажи [11, с. 82].

В феврале 1920 г. был сформирован Иркутский губернский продовольственный комитет (Губпродком) – началась принудительная разверстка продовольствия и фуража. В Иркутской губернии она продолжалась до мая 1921 г., несмотря на официальное введение продналога по всей стране двумя месяцами ранее [12, с. 239].

Неоднозначным был курс правовой политики Советского государства в вопросе о земельной собственности. Декларация Сибревкома от 6 марта 1920 г. «О порядке выделения и пользования земель» уничтожила все податные различия сельских граждан республики – старожилов, переселенцев, казаков и инородцев, уравнивала их в правах и обязанностях по отношению к Советскому государству [13, с. 83]. Данная мера может быть оценена как прогрессивная. С другой стороны, Земельный кодекс РСФСР 1922 г. отменил право частной собственности на землю, недра, воды и леса, допуская лишь уступку земли на определенный срок или сдачу ее в аренду на срок не более чем три года [13, с. 82].

Что касается права собственности в сфере промышленного предпринимательства, в Сибири картина несколько отличалась от положения дел в центральной России. Так, после восстановления советской власти в Восточной Сибири большинство предприятий не подлежало немедленной национализации [14, с. 92]. К 1920 г. во всей Сибири было национализировано более двух тысяч предприятий [10, с. 75].

После издания Декрета СНК РСФСР от 5 июля 1921 г. «О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных Высшему Совету Народного Хозяйства» и Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 7 июля 1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности» были установлены общие начала ведения предпринимательской деятельности в промышленной сфере [15, с. 26], однако о восстановлении права частной собственности на промышленные предприятия по-прежнему речи не велось.

В целом, на территории Сибири правовые гарантии, предоставленные Советским государством возрождающемуся в период НЭПа предпринимательству, отличались относительностью [16, с. 30].

Таким образом, на протяжении всего обозначенного исторического периода в государственной политике по вопросам собственности различных политических режимов имел место фактор произвола. Значит ли это, что, оставаясь на позиции естественно-правового подхода, нельзя говорить о правовом регулировании отношений собственности в Сибири первой четверти XX в.? Как видится, в данном аспекте естественно-правовой подход к пониманию права и правового регулирования нуждается в определенном уточнении.

Стройный в целом, он страдает определенной односторонностью, когда речь заходит о конкретных направлениях государственной политики и способах ее реализации.

Внести ясность в данный вопрос могут те положения, которые были сформулированы Н. А. Пьяновым. В частности, он указывал, что право как свобода, возможность определенного поведения возникает независимо от государства. Оно формируется в самом обществе, в отношениях между людьми [17, с. 11].

Это значит, что право – это свобода, мера которой определяется не столько волей законодателя, сколько господствующим в обществе представлением о свободе и несвободе, справедливости

и несправедливости. Н. А. Пьянов указывал, что право – это возможность поведения, которая признается в обществе.

Из этого следует, что в рамках естественно-правового подхода те или иные способы и средства государственного регулирования общественных отношений необходимо оценивать в историческом контексте развития общества. В противном случае нас будут ожидать не только некорректные выводы относительно уровня развития и характера правового регулирования в прошлом, но и абсолютизация современных представлений о сущности права, в значительной степени искусственное сглаживание внутренних противоречий фундаментальных вопросов теории права.

Литература

1. Пьянов Н. А. Государственное регулирование и его предмет // Сибирский юридический вестник. 2011. № 1. С. 20–24.
2. Пьянов Н. А. Государственное регулирование как самостоятельная научная проблема // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 60–67.
3. Данилова Е. В. Категория «собственность» в законодательстве Российской империи конца XIX – начала XX в. и проблемы ее толкования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2007. № 1. С. 228–231.
4. Мантул Г. А. Институт собственности в Российской империи // Философия права. 2014. № 4. С. 82–87.
5. Худяков В. Н. Влияние аграрной политики царизма в Сибири на формирование социально-экономических предпосылок крестьянского движения в сибирской деревне в 1905–1907 гг. // Революция 1905–1907 гг. и борьба трудящихся Сибири против царизма : тез. науч. конф., посвящ. 80-летию революции 1905–1907 гг. в России. Омск : Омская обл. тип., 1985. 180 с.
6. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа / Л. М. Дамешек [и др.]. М. : Прогресс, 1995. 544 с.
7. Белянин Д. Н. Столыпинская аграрная реформа в Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1. С. 17–18.
8. Забоенкова А. С. Крестьянская личная собственность в годы Столыпинской реформы: мифы и реальность // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 6. С. 130–136.
9. Когут М. Т. Формы борьбы сибирского крестьянства против землеустройства в революции 1905–1907 гг. // Революция 1905–1907 гг. и борьба трудящихся Сибири против царизма : тез. науч. конф., посвящ. 80-летию революции 1905–1907 гг. в России. Омск : Омская обл. тип., 1985. 180 с.
10. Винокуров М. А. Сибирь в первой четверти XX века: освоение территории, население, промышленность, торговля. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1996. 188 с.

11. Дроздков А. В. Создание рыночной инфраструктуры в Сибири в условиях нэпа (1921–1923 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4. С. 81–88.
12. Иванов В. В. Особенности проведения продразверстки в Приангарье // Вестник ИрГТУ. 2015. № 1. С. 237–240.
13. Северьянов М. Д. Государственная земельная политика в Сибири в 20–80 гг. XX в. // Вестн. Томского гос. ун-та. 2013. №366. С. 82–86
14. Шапова Л. В. Переход от рабочего контроля к рабочему управлению в период «красногвардейской атаки на капитал» // Актуальные проблемы истории Восточной Сибири : тез. докл. к регион. конф. Иркутск : Иркутский государственный университет им. Жданова (15–17 июля 1983 г.). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1983. С. 90–96.
15. Якименко В. В. Правовые основы возрождения частной собственности в годы нэпа (историко-правовой аспект) // История государства и права. 2011. № 3. С. 26–28.
16. Сафонов М. А. Организационно-правовое обеспечение аренды предприятий промышленности частными лицами в Иркутской губернии в 1921–1924 гг. // Сибирский юридический вестник. 2016. № 3. С. 26–32.
17. Пьянов Н. А. Еще раз о государственно-правовом и государственном регулировании // Сибирский юридический вестник. 2010. № 4. С. 10–14.

Features of State-Legal Regulation of Property Relations in Eastern Siberia in the First Quarter of the XX century

© Safonov M. A., 2019

Abstract: The main aspects of property relations regulation in Eastern Siberia are considered. The complex of restrictions of property rights as a set of property rights introduced by the state under the tsarist and Kolchak regimes, as well as in the first years of the Soviet power is studied. The main characteristic features of the state and legal policy in the field of regulation of property relations in Eastern Siberia are outlined. The assessment of organizational and legal support of realization by owners of the powers is given.

Keywords: state and legal regulation, legal regulation, property, ownership, proprietary rights.

Сафонов Михаил Александрович – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел научных исследований, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия, e-mail: leftfordeadmoe@mail.ru

Safonov Mikhail Alexandrovich –Candidate of Science (Law), Associate Professor, Senior Researcher, Center for Scientific Research, Irkutsk Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice; Irkutsk, Russian Federation, e-mail: leftfordeadmoe@mail.ru

Соотношение материального истока и волевого источника права с позиции марксистской (материалистической) юридической теории

© Спирин М. Ю., 2019

Аннотация. Проблематика соотношения материального истока и волевого источника права рассматривается с использованием основных положений марксистской (материалистической) юридической теории на примере важнейших работ Е. Б. Пашуканиса и В. М. Сырых. Делаются выводы о важности положений материалистической теории права для развития волевой концепции правообразования, о принципиальной зависимости воли товаровладельцев (участников гражданского оборота) от характера товарно-стоимостных отношений.

Ключевые слова: материальный исток права, волевой источник права, первоисток права, материалистическая юридическая теория, воли товаровладельцев, формы права, правовая форма экономических взаимодействий, индивидуальное право, фактическое правоотношение.

1. Исследование проблематики материального истока и волевого источника права в заявленном контексте следует начать с указания о необходимости разграничения категорий «исток права» и «источник права». Такое разграничение является закономерным следствием логико-юридического различения категорий «источник права» и «форма права», поскольку в этом случае нас интересуют не столько уровни и конкретные способы формального закрепления норм права в документах (юридических текстах), выражающих авторитетную публичную волю субъекта правотворчества, сколько проблематика происхождения права как социального регулятора и его действенность (действительность) при осуществлении правового регулирования (сама жизнь права). В этом случае мы должны применять не столько формально-догматический (позитивистский), сколько социолого-правовой подход [1; 2].

Именно в духе рассуждений Р. фон Иеринга и Н. М. Коркунова истоки права можно увидеть в социальной реальности межличностных и межгрупповых отношений в качестве основополагающих правообразующих факторов объективного характера. Источники права в этом случае подвержены принципиальному воздействию этих объективных истоков; в том случае, если они

воспринимаются как формальные источники, они отождествляются с формами закрепления юридических норм, в том же случае, если их рассматривать как волевые источники права, то они формируются и кратковременно существуют именно под воздействием этих правообразующих факторов (истоков права).

2. При этом исток права следует принципиально отличать от еще более абстрактной категории «первоисток права», которая не является предметом изучения юриспруденции, но входит в комплексную объектную область психологии и общей социологии. Под первоистокom права в общем виде следует понимать саму принципиальную возможность человека понимать необходимость существования и действия права как регулятора его настоящих и будущих отношений с другими людьми, коллективами и обществом в целом, а также способность человека подчиняться регулируемому воздействию права, его предписаниям, запретам и дозволениям. По существу, сама разумность человека являет собой первоисток всего правового регулирования [3, с. 23–24].

3. Таким образом, категория «исток права», по сути своей, отображает правообразующий фактор объективного характера, который определяет характер и направленность последующего правового регулирования а) уже сложившихся и б) складывающихся в настоящее время социальных взаимодействий. При этом, как правило, таких факторов действует одновременно несколько, поэтому, не совершая логической ошибки, можно указать, что истоком права может выступать и целая система правообразующих факторов (полифакторный подход) [4, с. 13, 15].

Категория же «источник права» указывает на принципиальное проявление (направление) воли правотворящего субъекта по созданию и введению в действие определенного набора юридических правил (норм) общеобязательного характера, имеющих регулятивное значение.

4. При характеристике категории «исток права» особое внимание следует обратить на истоки (правообразующие факторы) материального характера, которые обосновывают появление и современное существование права как регулятора по преимуществу товарно-рыночного, вытекающего из сложившихся (укоренившихся) в обществе экономических отношений.

Таким образом, материальный исток права во многом определяет природу других разновидностей истоков права (правообразующих факторов).

5. Категория «источник права» рассматривается нами в соответствии с волевой концепцией правообразования, которая позволяет выделить волевой аспект источника права [5, с. 124–128; 6; 7]. В этом случае под источником права необходимо понимать субъективно осознаваемую и объективно выражаемую волею конкретного субъекта правотворчества, формально-юридическое содержание которой выражено в системе общеобязательных юридических норм (законодатель и выражение его воли в законе, судья и выражение его воли в судебном прецеденте и правовой позиции, общество в целом и закрепление его воли в правовых обычаях, субъекты международных отношений и отражение их консенсуальной воли в общепризнанных обычаях и договорах международного права).

Важно понимать, что от характера объективного воздействия именно материального истока последующего правового регулирования на способы выражения воли правотворящего субъекта как источника возникающего права зависит само понимание сущности правотворческой деятельности.

6. Для развития такого понимания принципиальное значение имеет анализ марксистской (материалистической) юридической теории, которая предлагает особый подход к изучению именно материальных истоков права и их непосредственному отражению на уровне природы собственно волевого источника права. В этом смысле необходимо обратиться к важным выводам отечественного марксистского теоретика права 20–30-х гг. XX в. Е. Б. Пашуканиса и к известным работам современного сторонника материалистической теории права В. М. Сырых.

7. В рамках своей главной научной работы «Общая теория права и марксизм» Е. Б. Пашуканис осуществил глубокую, многоуровневую марксистскую экономическую трактовку явления права, его содержания и формы [8]. Заслугой данного мыслителя стал грамотный перенос экономических методов, моделей и самой терминологии К. Маркса в мир права при характеристике собственно правовой формы. Право в этом случае определялось как отражение (внешнее выражение) отношений товарно-

менового характера, отсюда концепция Пашуканиса стала именоваться меновой (трудовой).

Марксистский подход Пашуканиса четко выражен в вопросе анализа возникновения, развития и исчезновения права: сущность правового регулирования рассматривается им на пути от натурального хозяйства первобытного общества к обменным отношениям, которые стремятся к своей высшей форме на стадии буржуазного (капиталистического) общества. При этом именно в рамках буржуазной формации регулируемая нормами частного права принципиальная экономическая формула «товар – деньги – товар» раскрывается в полном объеме.

Важно принять во внимание то, что Пашуканис указывает на необходимость использования этой экономической формулы как внутреннего содержания правовой формы регулирования меновых отношений на постреволюционной стадии развития советского общества с последующим (через определенный период времени) переходом к планово-распределительной экономике. Ученый обратил внимание на принципиальное значение роста производительных сил нового социалистического общества как необходимого (и по сути, единственного) условия эффективного распределения возрастающего количества материальных благ (и, как следствие, условие для исчезновения права, которое к этому времени исчерпывает значение своей формы) [8, с. 7, 9–10, 21–23, 80–82].

8. Источник права по Пашуканису, в принципе, соответствует волевой концепции правообразования и определяется им (фактически) именно как волевой источник права; при этом Пашуканис идет в своих размышлениях несколько дальше: таким источником, по его мнению, выступают взаимонаправленные воли товаровладельцев (Warenhüter) по поводу обмена своими товарами при выражении самостоятельных интересов (как материальных, так и нематериальных), а также – последовательной реализации своих прав и обязанностей, в том числе если при этой реализации возникает спор между ними [8, с. 54, с. 64–65, с. 71–74] (Пашуканис в данном случае ссылается на работы Н. М. Коркунова и современных ему германских исследователей).

Эти воли товаровладельцев выражаются свободно, имеют исключительно экономическое основание (т. е. детерминированы материальным истоком права), субъективно взаимно восприни-

маются, а также имеют отчетливое материальное внешнее выражение. Фактически Пашуканис, развивая экономический концепт К. Маркса, усложняет его формулу и делает ее социальной: «товар – стоимость – деньги – капитал – воля – право».

9. Воли товаровладельцев в установленном порядке выражаются в формах существования права (формах права): законах, договорах и судебных решениях. Особое значение в этом случае для понимания существа концепции Пашуканиса имеет сам суд, а также судебный процесс и выносимое в качестве его итога судебное решение (тем самым появляется дополнительное звено предыдущей формулы: «спор – процедура – право»). Таким образом, судебное решение является особой формой права, оформляющей итоговое состояние воли товаровладельцев в изначально спорном правоотношении между ними [8, с. 37–38, 111].

При этом формы права выступают в качестве необходимых элементов реального существования правовой формы в целом, ее непосредственного выражения вовне через воздействие на лиц норм законов, договоров и судебных решений, т. е. отдельных (сингулярных) форм права.

Внешняя единая по своей природе правовая форма экономических взаимодействий выражается объективным образом в оболочке различных документальных форм права, нормы которых имеют разное регулятивное значение в зависимости от типа правовой традиции общества.

10. Правовая форма в целом может быть определена с позиции материалистической юридической теории как существующее общественное отношение, которое не зависит от какой-то предустановленной формы, но постепенно, под влиянием постоянной эффективной повторяемости определенного набора социальных действий, обретает ее примерные внешние очертания (оформляется).

Норма права также не предшествует правоотношению как предустановленное каким-либо политическим авторитетом (сувереном) правило, но следует за социальным отношением как естественное, но в то же время нормативное накопление устойчиво и долговременно совершаемых актов социального поведения. В этом можно увидеть принципиальный социологизм концепции Пашуканиса.

Субъект права, являясь атомом правовой материи, вступает в социальное отношение с другим уполномоченным субъектом

(товаровладельцем), одновременно проявляя свою волю, и тем самым создает качество нормативности права. На базе экономической логической связи появляется связь юридическая: «субъект – отношение – норма – форма права».

Следовательно, любая форма права по Пашуканису есть именно формализованный результат накопленных массовых социально-экономических взаимодействий (товарно-меновых актов поведения) самостоятельных волевых субъектов, а не нечто предустановленное, формально-юридическое, под влиянием которого в будущем должны возникнуть какие-то новые правоотношения. В этом смысле Пашуканис приводит удачный пример соотношения плана проектируемого здания и действительного здания, построенного на основании этого плана [8, с. 43–44]. Очевидно, что план (проект) здания и действительное (построенное) здание не будут совпадать по своим конструктивным особенностям на 100%, а форма построенного здания будет известна только после того, как само здание в своих основных элементах будет возведено.

Таким образом, Пашуканис использует категорию «источник права», связывая ее с выражением воли товаровладельцев, определяет правовую форму в целом, которая выражена посредством действующих сингулярных форм права, и, по сути, указывает на исток права в виде действующих в обществе отношений товарно-стоимостного обмена.

11. При анализе основных положений материалистической теории права В. М. Сырых необходимо обратить внимание на особое значение двух используемых категорий: 1) индивидуального права как обозначения необходимой стадии реализации («перехода в действительность») единого объективного права общества, объединяющего эти индивидуальные права [9, с. 48–133, с. 245–268], и 2) фактического правоотношения как конкретной формы воплощения этого объективного права в действительности [9, с. 362–406].

Индивидуальное право выступает в качестве срединного звена логической цепочки «развертывания» объективного права с целью понимания его сущности и порядка реализации для удовлетворения субъективных интересов: «позитивное право – индивидуальное право – конкретное право» [10].

Индивидуальное право рассматривается как естественный результат работы индивидуального правосознания, в рамках которой происходит постепенное опредмечивание в первую очередь материальных потребностей человека, при этом важное значение имеет индивидуальная личностная мотивация.

Проблематика фактического правоотношения рассматривается в продолжение рассуждений Е. Б. Пашуканиса о первичном характере самого правового отношения в сопоставлении с появляющейся на его основании действующей юридической нормой. На основании этого сложившееся, фактическое правоотношение выступает критерием эффективности действующей нормы права.

12. Соглашаясь с К. Марксом, в качестве источников права В. М. Сырых определяет общество и присущие ему производственные отношения. Тем самым фактически определяется путь выражения воле самого общества для регулирования социальных взаимодействий с помощью права через призму материальных правообразующих факторов (истоков права). Иначе говоря, с точки зрения материалистической теории права, волевой источник права подтверждается именно воздействием на его образование и проявление воле системой производственных и иных материальных отношений в любом типе общества.

Сформированное конкретно-историческое объективное право является юридической формой экономических отношений, которая возникает независимо от воли государства (законодателя, судей, etc.), а следовательно, по объективной воле общества (эти мысли Сырых аналогичны размышлениям Пашуканиса о правовой форме). Более того, такая воля носит по преимуществу экономический характер, т. е. определяется материальными истоками последующего правового регулирования.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Волевая концепция правообразования, рассматривающая проявление воли субъекта правотворчества в качестве источника права, в рамках анализа материалистической юридической теории конкретизируется, уточняется, переходит на новый уровень; при подобной характеристике субъекта правотворчества акцент смещается с фигур законодателя и судьи на уровень товарладельцев как носителей индивидуального экономического права и на пространство выражения ими своих материальных по своему содержанию воле (волевых источников права), которые затем

постепенно, естественным образом выражаются в содержании конкретных законов, договоров и (особенно) судебных решений как сингулярных форм права.

2. В этом случае совершенно очевидно устойчиво высокое значение как римского частного права классического периода, так и основанного на его идеях и нормах буржуазного права как наиболее развитых правовых форм выражения эквивалентного обмена товарами и (затем и на основе этого) правовыми статусами, исходя из наличия принципиальной возможности распоряжаться тем или иным товаром (приобретать его, отчуждать, определять конкретные формы и способы его использования). В соответствии с этой идеей В. М. Сырых подчеркивает особое значение частного права как важнейшей формальной (регулятивной) оболочки материальных по своей природе отношений, особой формы реализации единого объективного права.

3. Таким образом, основной итог соотношения материально-источника права и волевого источника права с позиции материалистической (марксистской) юридической теории состоит в определении зависимости индивидуальных волеизъявлений владельцев как непосредственных субъектов правотворчества (создателей «индивидуального права» по Сырых) от тех типов товарно-стоимостных отношений, в спектр которых они непосредственно и в массовом порядке включены самой жизнью, самим фактом своего естественного существования.

Следовательно, сами товарно-стоимостные отношения, являясь отражением проявляющихся объективных правообразующих факторов экономического характера (материальных истоков права), определяют качество источников создаваемого действительного права в виде согласующихся между собой волеизъявлений участников гражданского оборота, которые, в свою очередь, подтверждают действенность (реальность действия) юридических норм, содержащихся в специальных нормативных оболочках (формах права).

Литература

1. Иеринг Р. Фон. Цель в праве. Первый том / пер. с нем. СПб. : Изд-во Н. В. Муравьева, 1881. 425 с.
2. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 430 с.
3. Спирин М. Ю. Соотношение источника, истока и первоисточка (первопричины) права // Правовые проблемы укрепления российской государственности

сти : сб. ст. / под ред.: М. М. Журавлева, А. М. Барнашова, С. С. Кузнецова. Томск : Издат. дом Томского гос. ун-та, 2018. Ч. 77. С. 22–24.

4. Придворов Н. А., Трофимов В. В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. М. : Норма, 2012. 400 с.

5. Кашанина Т. В. Структура права. М. : Проспект, 2013. 584 с.

6. Водленко Н. Н. Источники и формы права. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. 102 с.

7. Рудковский В. А. Источники права: проблемы теории // Вектор науки ТольГУ. Сер. Юрид. науки. 2016. № 4 (27). С. 73 – 75.

8. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. 3-е изд. М. : Изд-во Коммунист. акад., 1927. 128 с.

9. Сырых В. М. Материалистическая теория права. Избранное. М. : РАП, 2014. 420 с.

10. Сырых В. М. Материалистическая теория права. Т. 1–3. М. : РАП, 2011.

Relation between material origin and willed source of law according the Marxist (materialistic) legal theory

© Spirin M. Yu., 2019

Abstract. The problems of relation between material origin and willed source of law are considered using the key points of the Marxist (materialistic) legal theory on example of the most important works of E. B. Pashukanis and V. M. Syrykh. Conclusions on the importance of the materialistic theory of law's key points for the development of the willed concept of law-making, on the fundamental dependence of the wills of commodity owners (participants in civil turnover) on the nature of commodity-value relations are drawn.

Keywords: material origin of law, willed source of law, primary origin of law, materialistic legal theory, wills of commodity owners, legal forms, legal form of economic interactions, individual law, real relationship.

Спирин Михаил Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева; г. Самара, Россия, e-mail: smy@samaradom.ru

Spirin Mikhail Yuryevich – Candidate of Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University S.P. Korolev; Samara, Russian Federation, e-mail: smy@samaradom.ru

Правила и исключения как компонент правового регулирования

© Суменков С. Ю., 2019

Аннотация. Рассмотрены правила и исключения из них как парные категории, каждая из которых играет важную роль в процессе регулирования сложных общественных отношений.

Ключевые слова: правило, исключение, регулирование, норма, интересы.

Организация людей в единую общность возможна лишь на основе унификации их поведения. «Люди являются общественными существами, и поэтому их действия (поведение) превращаются в социальный акт тогда, когда оно стимулируется некими общепринятыми образцами (стандартами)» [1, с. 183].

Тем самым сложившиеся под влиянием реальных жизненных обстоятельств представления людей по поводу того, как можно или нельзя вести себя в социуме, находят свое отражение в правилах поведения. Подобные правила надо воспринимать как образцы, установления, модели, эталоны, шаблоны поведения людей в коллективе, обеспечивающие наличие и функционирование последнего. «Основными целями, которые преследует общество, принимая правила, являются: стремление подчинить общественные отношения определенному «жизненному ритму», обеспечить стабильность и защищенность социальной системы, определить порядок разрешения спорных ситуаций, установить механизмы реализации ответственности за возможные нарушения общественного порядка» [2, с. 14].

Появление правил должного общественного поведения как одного из исходных элементов механизма социального регулирования определялось объективной необходимостью организационного единства общества, его существования и сохранения как целостного социального образования. «Правила, – считает Р. А. Ромашов, – играют роль инструментов, используемых людьми в процессе социального регулирования для придания статуса “общезначимых” социальным отношениям, в той или иной степени затрагивающим интересы большинства членов сообщества; закрепления унифицированных стандартов поведения в рамках

этих отношений, контроля за соответствием фактического поведения субъектов установленным стандартам допустимого (правильного) и недопустимого (неправильного) поведения» [2, с. 14].

Общество, развиваясь как саморегулирующаяся система, включает в свою целостную организацию личность как активный и первостепенный ее элемент. Необходимость поддержания динамики процесса общения и обособления личности предопределяет появление специфических форм регуляции, выработку или спонтанное возникновение правил поведения личности в рамках общества. «Так постепенно возникали, культивировались и поддерживались обществом правила поведения, которые становились важнейшим элементом механизма социальной регуляции общественных отношений. В реальной жизни они выступали как своего рода образцы поведения, следовать и подражать которым должны все члены общности. Поскольку в них отражались интересы всех ее членов и выполнялись они, как правило, добровольно, приобретая форму привычного поведения» [3, с. 14–15].

По нашему мнению, преобладание коллективного над индивидуальным¹ в жизни родовой общины даже в ту эпоху не означало полного исчезновения последнего.

В каждой конкретной ситуации человек может проявить свою индивидуальность, обусловленную своеобразным переплетением социальных, психологических и биологических особенностей личности.

По образному выражению Ж. Делеза, онтологически человек представляет собой эгоистический поток желания [4, с. 344]. Даже признавая излишнюю категоричность данной фразы, утопичным, на наш взгляд, выглядело бы предположение о том, что интересы каждой отдельной личности всегда и во всем совпадают с потребностями коллектива.

Собственные цели, желания, установки во многом определяют поведение человека, детерминируют его мотивацию, от которой в конечном итоге зависит совершение (или напротив) тех или иных действий.

¹ Тезис о приоритете коллективизма в нормах, регулирующих поведение членов родовой общины, как думается, не может считаться абсолютной догмой.

Высокий конфликтный потенциал интересов провоцирует столкновение диалектически взаимосвязанных тенденций, имеющих место в социальной действительности.

Это, во-первых, стремление индивидов к жизни в среде себе подобных. Данное желание объясняется объективной потребностью к объединению, вызванной элементарной необходимостью выживания, а также субъективным влечением людей друг к другу.

Во-вторых, неизбежное наличие у любого человека (либо, как следствие, у обособившихся внутри социальных групп относительно автономных общностей) собственных, зачастую эгоистичных, не согласованных с иными членами коллектива интересов.

Специфика человеческого социума заключается в том, что он не может существовать и развиваться на основе установленных для всех его членов единых образцов, эталонов, моделей. Но нельзя осуществлять руководство обществом как совокупностью макро- и микрогрупп, индивидов, наделенных собственными интересами, используя только правила, направленные на ограничение этих интересов.

В связи с этим бесспорного одобрения заслуживает позиция И. С. Морозовой: «Следует обратить внимание на то, что согласование интересов различных субъектов общественной практики – сложнейшая проблема и в научном плане, и тем более в социальном управлении. Это связано с трудноразрешимым вопросом о выборе критериев согласования. Следуя логике подобного суждения, можно сделать вывод, что критерий согласования интересов одновременно может выступать и критерием установления тех или иных юридических исключений, в соответствии с основным назначением подобного правового средства» [5].

Важной характеристикой права, во многом отражающей качество и эффективность правового регулирования, является способность права воспринимать и оперативно реагировать на предельно широкое многообразие общественных отношений и разнородность их участников. В современных условиях, при значительно усилившейся роли права, реакция последнего на полиморфию социальной среды не только влечет устранение пробелов правового регулирования, но и, что самое главное, обеспечивает в рамках права возможность согласования и удовлетворения неоднородных и разноплановых интересов многочисленных субъектов общественных отношений.

Между тем эталонная природа права детерминирует преобладание в нем единых для всех, стандартизированных правил. Действительно, абсолютно любой коллектив людей может возникнуть, существовать и развиваться только на основе правил, регламентирующих поведение членов социума. Однако ни одно правило, в силу шаблонности последнего, не в состоянии охватить многообразие жизненных ситуаций и учесть всех задействованных в них субъектов. Во избежание конфликтов, угрожающих целостности общества, придания гибкости социальной регламентации нужны исключения из правил.

Правила и исключения направлены на сохранение и развитие общества, только правила выполняют роль основы, а благодаря исключениям достигается гибкость его конструкции. Исключения являются материальным отражением разнообразия, что особенно актуально для социальной сферы: ведь в рамках одного общества, класса, группы, коллектива, семьи люди могут вести неодинаковый образ жизни и иметь разные интересы.

Исключение – важнейшее и объективно необходимое условие полноценного правового регулирования. Исключение из правила не служит самоцелью, не существует только для того, чтобы быть. Исключение не отделяется от правила, и наоборот.

Феномен исключения состоит в том, что, не нарушая правила, оно предлагает иной вариант регуляции. Поэтому исключения, равно как и правила, находят свое внешнее выражение в социальных нормах.

Для права как особой совокупности социальных норм, выполняющего роль государственного регулятора, исключения из правил необходимы так же как и сами правила. Игнорирование разнообразного характера общественных отношений, фактических обстоятельств, личности людей в конечном итоге приведет к несправедливости.

Острота проблем, связанных с исключениями, детерминирована как качественными, так и количественными факторами. В частности, в современном российском законодательстве не существует нормативного правового акта, который не содержал бы прямо или завуалированно исключения из единого для всех правила.

Злободневность и важность обсуждения наличия исключений в праве более чем очевидны.

Иной, альтернативный правилу, вариант регуляции, который подразумевает исключение, с одной стороны, и поразительное, без преувеличения, множество исключений, с другой, неизбежно вызывает размышления о нивелировании стандартизирующего эффекта права и возможности правовых норм быть эталонами, образцами, моделями поведения.

Подобные вопросы обуславливают сомнения в способности права выступать в качестве общеобязательного нормативного регулятора, направленного на упорядочивание общественных отношений. Более того, это порождает справедливые опасения торпедирования исключениями общих правил и, как следствие, вероятность злоупотребления исключениями в процессе их реализации. В таком контексте исключения зачастую оцениваются в качестве негативного явления, подрывающего функциональные возможности права.

Традиционным стало восприятие права в качестве общего, единого для всех регулятора, направленного на унификацию и стандартизацию соответствующих общественных отношений. Соглашаясь с данной точкой зрения, стоит тем не менее реально понимать то, за счет чего достигается универсальность права, чем можно объяснить всеобщность права, способность адекватно реагировать на неоднозначные и динамичные жизненные казусы.

Уникальность права состоит в том, что оно, объективно предполагая типизацию регламентируемой социальной среды, имеет возможность учитывать неоднородность, многогранность и разносторонность подпадающих под его упорядочивающее воздействие тех или иных ситуаций, процессов, а также субъектов, в них участвующих.

На наш взгляд, среди ресурсов права, позволяющих адекватно отвечать многообразию окружающей действительности, магистральной является допустимость присутствия в праве такого феномена, как исключение. Это обладающая сложной природой и неоднозначным характером категория, которая создает множество вариантов поведения.

Суть исключения в том, что оно санкционирует в некоторых ситуациях или (и) для отдельных лиц отличающиеся от правила вариации поведения. Исключение детерминирует дополнение в правило либо изъятие из него и появление легальной альтернативы последнему. Посредством исключений обеспечиваются требу-

емая гибкость и дифференцированность правового регулирования. В совокупности правило и исключение представляют собой нормативный комплекс, позволяющий достигать максимальной полноты и эффективности выполнения правом своих функций.

Однако исключение никогда не должно подменять собой правило, ибо доминирование исключений неизбежно приведет к разрушению правовой конструкции общества и деградации правовой системы.

Дилемма исключений заключается в том, что они, не нарушая правило, все же предлагают иной, во многом не схожий с общим, вариант развития ситуации.

Вместе с тем, игнорируя потребность в исключениях из правил, право утратит свое качество всеобщего нормативного регулятора.

Квинтэссенция существования исключений в праве заключается в том, что они, при всей своей внешней противоречивости по отношению к правилам, не противостоят последним, не подрывают их положения, а, напротив, вместе с правилами направлены на полноценное урегулирование социальных связей.

Парность правил и исключений объясняется: а) самим свойством парности как одной из главных характеристик объективного мира; б) соотношением правила и исключения как общего и единичного, целого и части; в) наличием в сфере права таких свойств, как единство правил и исключений в качестве противоположностей, взаимоотрицание правил и исключений, взаимопроникновение правил и исключений, неравноценность правил и исключений, включение их в связи более высокого порядка [6].

Особенность парности правил и исключений заключается в том, что они выступают в качестве нормативного предписания, благодаря которому появляется возможность наиболее полно регламентировать общественные отношения.

Правило и исключение, безусловно, представляют собой парные правовые категории наряду с такими «классическими» парными феноменами, как «норма права – правоотношение», «материальное и процессуальное право», а также с относительно недавно устоявшимися парными понятиями «стимулы и ограничения», «цели и средства», «публичное и частное право».

В контексте доказательства необходимости и возможности признания правила и исключения в качестве парных категорий можно привести мнение А. М. Васильева, отмечавшего, что

«возможны, видимо, и иные сочетания парных юридических понятий, и не только в ряду основных правовых категорий, но и в понятийных рядах, подытоживающих существенное второго, третьего и т. д. порядка в праве» [7, с. 258].

Парность правил и исключений как правовых категорий достаточно отчетлива, равно как и ее влияние на развитие и регламентацию общественных отношений.

Правила и исключения взаимно дополняют друг друга, вместе охватывают всю сферу, в которой они задействованы как парные категории.

Правила и исключения представляют собой определенную систему, их соотношение в ней, как уже было сказано, стоит рассматривать как со-отношение целого (правило) и части (исключение).

Сказанное позволяет сделать вывод о нахождении данных категорий в единой структурной организации, где правило порождает исключение, исключение наличествует благодаря правилу.

Тем самым всякое правило автоматически вызывает возможность, по крайней мере потенциальную, наличия исключений из него. А. Ф. Черданцев верно писал: «Любое же правило всегда имеет исключения, т. е. положения иного, чаще всего противоположного характера» [8, с. 15].

Существование исключений объективно обусловлено наличием правил. Соответственно, прослеживается диалектическая взаимосвязь правил и исключений: если есть правило, значит, есть и исключение из него.

Исключение из правила нельзя ассоциировать с нарушением правила. По нашему мнению, это совершенно разные явления. Исключения (при всей своей внешней противоречивости по отношению к правилам) не направлены против правил, не «торпедируют» какие-либо абсолютные ценности, а, напротив, подпадают под них, соотносятся с ними как часть и целое. Тем самым противоположности, находящиеся в паре, составляют единое целое.

В. И. Ленин, обосновывая тезис о единстве и борьбе противоположностей, писал: «Наличие в каждом явлении, процессе внутренних противоречий, взаимоисключающих и в то же время взаимоопределяющих сторон, моментов, борьба которых служит источником движения, в диалектической логике обуславливает требование необходимости раздвоения единого и познания противоречивых частей его» [9, с. 316].

Противоречивость исключения, не нарушающего при этом правило, понимание правила и исключения как противоположностей, находящихся в единстве, во многом обусловили выбор материалистической диалектики, ее законов в качестве основного метода научного познания исключений из правил.

Надо отметить, что нормы права не являются однозначным синонимом правил; нормы выступают внешним выражением как правил, так и исключений. Корреляция здесь такова: с одной стороны, форма – норма, с другой, содержание – правило либо исключение [10, с. 84–90].

По данному вопросу заслуживает внимания позиция Н. И. Матузова. «Понятия “норма” и “правило”, – пишет ученый, – употребляются и воспринимаются в обиходе как равнозначные, взаимозаменяемые. В литературе, справочных изданиях они обычно определяются друг через друга: норма – это правило, а правило – это норма. Между тем при более внимательном рассмотрении, выясняется, что “правило” – все же более узкий термин, чем “норма” и, следовательно, они не всегда и не полностью совпадают. ...Нормы богаче, содержательнее. Во всяком случае, многие из них. Однако в широком социальном плане с учетом большого разнообразия действующих норм и правил (не только юридических) этими нюансами можно пренебречь, что фактически и происходит и в теории, и на практике» [11, с. 210].

Таким образом, можно с уверенностью констатировать отсутствие тождества между нормой и правилом. Что же касается возможности «пренебречь некоторыми нюансами», то подобное недопустимо при рассмотрении юридических норм как государственно-властных велений вообще и при сопоставлении правовых норм, правил и исключений в частности. Ведь если не учитывать, такой нюанс, что исключение, устанавливая альтернативный правилу вариант регуляции, также облекается в нормативную форму, можно предположить, что исключение – не особый и весьма сложный правовой феномен, а противоправное нарушение правила¹.

Таким образом, парность правил и исключений объясняется следующими факторами: а) исключение не может существовать

¹ Выше уже приводилось обоснование тому, что исключение не есть нарушение правила. Если бы это было так, то ни теоретических, ни практических вопросов, связанных с наличием в праве многочисленных исключений, просто не возникло бы.

вне правила; б) правило не может быть без исключений, ибо, как предписание общего характера, оно не в состоянии охватить все разнообразие мира; в) правила и исключения при всей противоречивости отражают друг друга, подтверждают истинность и необходимость данной связки.

Весьма оригинальную точку зрения на соотношение исключений и правил высказывал Р. Иеринг, по мнению которого иногда именно исключение может превалировать над правилом, выступая основной формой реализации последнего. Так, он отмечал: «Исключения часто являются лишь формой, в которой правило расширяется, совершенствуется, изменяется с виду» [12, с. 62].

Высказанное утверждение, при всей его оригинальности, находит свое подтверждение в российском законодательстве.

Например, ч. 1 Правил добычи (вылова) редких и находящихся под угрозой исчезновения видов водных биологических ресурсов (утв. Постановлением Правительства РФ от 24 декабря 2008 г. № 1017) гласит: «Настоящие Правила предусматривают порядок добычи (вылова) редких и находящихся под угрозой исчезновения видов водных биологических ресурсов, в том числе занесенных в Красную книгу Российской Федерации (далее – водные биоресурсы)» [13].

В свою очередь весьма интересное положение содержит ч. 2 анализируемого документа. Согласно названной норме «добыча (вылов) водных биоресурсов допускается в исключительных случаях в целях сохранения водных биоресурсов, осуществления мониторинга состояния их популяций, осуществления их искусственного воспроизводства или акклиматизации, обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (курсив наш. – С. С.).

Тем самым получается, что добыча указанных водных биоресурсов возможна только как исключение из правила.

Добыча (вылов) редких и находящихся под угрозой исчезновения видов водных биоресурсов априори признается исключительным случаем – лишь на основе такой констатации она потенциально допустима, следствием чего является создание правил, регламентирующих порядок этой добычи.

Конечно, приведенный нормативный правовой акт достаточно своеобразен и, бесспорно, выступает в качестве яркого примера исключения в праве. Но его наличие, равно как и рассмотренная выше позиция Р. Иеринга, позволяет сделать вывод о том, что определенное (в большинстве случаев) доминирование правила над исключением ни в коем случае не свидетельствует об утрате исключением своей уникальности и самостоятельности.

Напротив, необходимо заметить, что исключение обладает весьма интересной сущностью, позволяющей ему, будучи категорией парной с правилом, неотделимой от него, подразумевать иные, непохожие и даже противоречащие правилу установки, не нарушающие, однако, истинного содержания правила.

По нашему мнению, состояние внутренней гармонии, согласованности находящихся в паре противоположностей должно характеризовать не только дихотомию «правило – исключение», но и каждую парную категорию.

Литература

1. Трофимов В. В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2009. 308 с.
2. Ромашов Р. А. Закон, правило, норма, долженствование // Правоведение. 2001. № 6. С. 13–19.
3. Пеньков Е. М. Социальные нормы: управление, воспитание, поведение личности. М. : Высш. шк., 1990. 175 с.
4. Грицианов А. А. Желание // Всемирная энциклопедия: философия. Минск : Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.
5. Морозова И. С. Институционализация и реализация юридических исключений // «Черные дыры» в рос. законодательстве. 2007. № 4. С. 339–343.
6. Суменков С. Ю. Правила и исключения: философско-правовые основания парности // Философия права. 2010. № 6. С. 60–64.
7. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М. : Юрид. лит., 1976. 264 с.
8. Черданцев А. Ф. Логическая характеристика права как системы // Правоведение. 1983. № 3.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29.
10. Суменков С. Ю. Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ. Саратов, 2012.
11. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. : 3-е изд. М. : Юрист, 2009. 628 с.
12. Иеринг Р. Юридическая техника /пер. съ нѣм. Ф.С. Шендорфа. СПб., 1906. 106 с.
13. Собр. законодательства РФ. 2009. № 2. Ст. 223.

Rules and Exclusions as a Component of Legal Regulation

© Sumenkov S. Yu., 2019

Abstract: The article is devoted to the rules and exceptions to them as paired categories, each of which plays an important role in the regulation of complex social relations.

Keywords: rule, exclusion, regulation, norm, interests

Суменков Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия.

Sumenkov Sergey Yuryevich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State Law Disciplines, Penza State University, Penza, Russian Federation.

УДК 342.81

К вопросу о правовых основах ограничения избирательных прав граждан в контексте изменений гражданского законодательства

© Терещенко Е. А., Иванченко Е. А., 2019

Аннотация. Затрагиваются теоретические основы права граждан участвовать в делах государства, управлять и тем самым влиять на политическую конъюнктуру своей страны как интегрирующая категория, объединяющая остальные политические права.

Ключевые слова: политические права, защита и охрана избирательных прав, правозащитная и правоохранная деятельность по обеспечению избирательных прав, ограничение избирательных прав.

Основы государственного устройства придают все большую значимость обеспечению прав человека, в том числе и политических. «Стержнем гуманитарной мысли» называет С. С. Алексеев категорию прав человека [1, с. 11], данное мнение полностью разделяет Н. И. Матузов, отведя правам человека центральное место в «шкале гуманитарных ценностей» [2, с. 254], Л. М. Большаков [3], А. М. Динаршоев и Н. Р. Сафарзода [4] и многие другие ученые признают права человека юридическим институтом, содержащим наибольший социально-философский смысл.

Общемировая юридическая традиция, оказав влияние на содержание Конституции РФ, определяет основой конституционно-

го правопорядка неукоснительное соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Соответственно, соблюдение прав граждан выступает неким объективным мерилom политико-юридической состоятельности любого государства. Политическая связь гражданина со своим государством реализуется через политические права, являющиеся подтверждением активной роли его как субъекта правоотношений гражданин – государство.

Особенностью современного социума является то, что подрастающее поколение начинает все раньше и раньше проявлять интерес к общественным процессам, идентифицируя себя их активным участником. Основные демократические ценности на рубеже XX и XXI вв. стали восприниматься неотъемлемым элементом обеспечения правового статуса личности. Гражданское участие в политической жизни общества и управлении делами государства обеспечивается посредством реализации политических прав граждан.

Право участвовать в делах государства, управлять и тем самым влиять на политическую конъюнктуру своей страны выступает интегрирующей категорией, объединяющей остальные политические права. Данное право закреплено в ч. 1 ст. 32 Конституции РФ и, по сути, представляет собой «родовое» право. По мнению большинства исследователей, его реализация возможна только посредством реализации иных политических прав [5–8], Р. В. Енгибарян, в частности, называет право участвовать в делах государства общим политическим правом [9, с. 212], В. В. Комарова, в свою очередь, присвоила ему статус основного политического права [10, с. 57]. Мы полностью разделяем указанное мнение и также считаем, что право участвовать в делах государства состоит из составляющих элементов – отдельных прав, в том числе избирательных прав, права на участие в референдуме и т. д. Отсюда можно сделать однозначный вывод о том, что объем правового регулирования правовой нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 32 Конституции РФ, выходит далеко за рамки субъективного права, распространяясь на область реализации иных политических прав граждан.

Как справедливо утверждает Р. В. Енгибарян, непосредственно и рельефно истинный демократизм власти проявляется в праве участвовать в управлении делами государства [9, с. 212]. Тем не менее, на страницах специальной литературы мы сталки-

вались с излишне узким пониманием права участвовать в управлении делами государства.

Базовой нормой, регулирующей избирательные права, является ст. 32 Конституции РФ, Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ № 67) [11], подробно регламентирует их, градируя следующим образом:

- активное избирательное право;
- пассивное избирательное право;
- иные избирательные права.

Рассматривая названные группы избирательных прав, необходимо помнить конституционное положение, закрепленное в ч. 1 ст. 55 Основного Закона, согласно которому никакие права граждан не должны умаляться или толковаться как отрицательные только потому, что прямо не названы в Конституции РФ.

Избирательные права принадлежат к группе гражданских прав, так как, в отличие от прав человека, принадлежат не каждому индивидууму, а только лицу, имеющему гражданство или подданство государства. Конституция РФ закрепляет право избирать и быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления только для граждан Российской Федерации, достигнувших 18-летнего возраста.

В группе данных прав существуют свои законодательные исключения, например ФЗ № 67-ФЗ устанавливает возможность участия в выборах в органы местного самоуправления иностранных граждан, проживающих постоянно на территории муниципального образования, если об этом есть соответствующий международный договор.

К законодательному исключению также относится ограничение в избирательных правах, установленное для недееспособных граждан РФ Российской Федерации и граждан Российской Федерации, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы.

Следовательно, всеобщность избирательного права не является абсолютной категорией, государства по своему усмотрению могут устанавливать законодательные ограничения для определенных категорий граждан. В Российской Федерации поражены в избирательных правах осужденные к лишению свободы граждане и граждане, признанные недееспособными по решению суда.

Необходимость ограничения в избирательных правах недееспособных лиц не вызывает дискуссии в научной литературе, тогда как необходимость ограничения прав осужденных подвергается сомнению рядом исследователей.

Необходимо отметить, что Россия не является единственной страной, отказавшей в праве голоса осужденным к лишению свободы лицам, аналогичный запрет содержится и в законодательстве ряда других стран. Изучив распространение подобной практики на международном уровне, можно условно классифицировать государства на три группы:

– государства, запретившие, как и Российской Федерации, даже минимальное влияние на политическую систему страны гражданам, совершившим преступления и принудительно изолированным от общества в местах лишения свободы (например, Великобритания);

– государства, не установившие никакого запрета на реализацию избирательных прав всеми осужденными гражданами, независимо от того, какой вид уголовного наказания им назначен (например, Хорватия, Швеция, Канада);

– государства, чей подход к решению данного вопроса является дифференцированным, и влияет на его разрешение прежде всего тяжесть совершенного уголовного деяния, срок назначенного лишения свободы и вид совершенного преступления (например, Франция).

На последней категории мы бы хотели остановиться подробнее, так как она интересна своей оригинальной практикой. Например, Мальта ограничивает своих граждан во всех избирательных правах, если срок назначенного лишения свободы превышает один год; Франция установила категорический десятилетний запрет на участие в избирательном процессе лицам, совершившим должностные преступления; избирательная практика США поражает своей неоднородностью и варьируется в зависимости от штата, в котором осужден преступник, самый радикальный подход установлен в четырех – Айове, Кентукки, Виргинии и во Флориде, в них осужденный лишается избирательных прав пожизненно независимо от назначенного срока лишения свободы.

Следует отметить, что Российской Федерации установила запрет только на лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Такая практика встречается очень редко, в законода-

тельстве зарубежных стран чаще всего ограничены в избирательных правах граждане, отбывающие любой вид назначенного уголовного наказания. По нашему мнению, такое нормативное предписание является справедливым, гражданин, умышленно нарушивший категорические запреты государства, не должен участвовать в избирательных процессах и влиять на формирование политической системы общества.

Некоторые страны пошли по пути расширения ореола запрета на реализацию гражданами своих избирательных прав, в частности присоединив к периоду исполнения наказания еще и период нахождения под следствием (например, Франция). Данный подход мы категорически не разделяем, так как считаем, что он противоречит базовым принципам права – гражданин может быть признан виновным и начать нести бремя негативных последствий за совершенное деяние только после вступившего в законную силу обвинительного приговора суда.

Еще одну практику ограничения избирательных прав мы также не поддерживаем: в ряде стран гражданин не может участвовать в избирательном процессе еще какое-то время после отбытия уголовного наказания (например, США). По нашему мнению, сама правовая сущность уголовного наказания состоит в том, чтобы осужденный претерпевал неблагоприятные для себя последствия определенный срок, если суд считает, что его ресоциализация невозможна, тогда ему изначально назначают бессрочное наказание в виде пожизненного лишения свободы. Если правовых оснований для назначения пожизненного лишения свободы нет и определяется срочное наказание, то и все ограничения на права граждан должны заканчиваться в момент его полного отбытия.

С точки зрения исследования нам интересен дифференцированный подход, существующий в государствах, к порядку ограничения судом избирательных прав осужденного, сложившийся в мировой практике:

- страны, в которых для лишения избирательных прав осужденного необходим наряду с приговором дополнительный и специально вынесенный запрет (Румыния);
- страны, где лишение или ограничение избирательного права выступает самостоятельным видом наказания (Нидерланды);
- страны, где судья по своему усмотрению может установить дополнительный запрет, если срок наказания превышает установленных предел (например, 10 лет, как в Болгарии).

Мы находим, что все три рассмотренных подхода к порядку лишения или ограничения избирательных прав граждан являются слишком «громоздкими» и негативно влияют на процесс отправления правосудия. Российский опыт в данном вопросе мы признаем наиболее прогрессивным, когда суд не выносит отдельного решения о лишении избирательных прав наряду с приговором суда, оно применяется автоматически в местах отбывания наказания в виде лишения свободы, согласно действующему конституционному положению.

Отдельному вниманию должен быть подвергнут вопрос о лишении избирательных прав лиц, признанных на основании и по правилам, предусмотренным нормами гражданского права, недееспособными. Признание недееспособными в данном случае подразумевает и автоматическое лишение указанных граждан избирательных прав. Исследователи данного вопроса настоятельно требуют реформирования института недееспособности, однако некоторые, например М. Э. Шодонова и С. В. Лозовская, акцентируют внимание на том, что изменения института одной отрасли права могут повлечь существенные изменения в регуляции отношений, находящихся далеко за пределами измененной отрасли, что может вызвать негативные последствия в правоприменении [12]. Это объясняется таким свойством права, как системность – объективная способность норм одной отрасли права оказывать влияние на правовые нормы смежных отраслей, и игнорировать данный факт – значит сознательно допускать возможность образования правовых коллизий.

Особую сложность в контексте гарантий реализации избирательных прав вызывает институт ограниченной дееспособности. Предусмотренное ст. 32 Конституции РФ активное и пассивное избирательное право относится к группе основных конституционных прав, поэтому, обращаясь к буквальному толкованию нормативных положений п. 4 ст. 3 Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации» [13], п. 6 ст. 4 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [14] и ч. 3 ст. 3 ФЗ № 67, лишить активного избирательного права можно только на основании:

– вступившего в силу судебного решения о лишении гражданина дееспособности;

– пребывания гражданина в местах лишения свободы в связи с отбыванием назначенного наказания.

Следовательно, ограничение дееспособности не лишает и не ограничивает активного избирательного права гражданина, он может без каких-либо изъятий в полном объеме участвовать в управлении делами государства.

Изменения гражданского законодательства, вступившие в силу 2 марта 2015 г. [15], изменили редакцию ст. 30 Гражданского кодекса РФ [16] (далее – ГК РФ) и позволили признавать гражданина ограниченно дееспособным, если он может понимать характер своих действий и руководить ими, несмотря на наличие психического расстройства. Статья 29 ГК РФ, начиная с 2015 г., закрепляет возможность признать гражданина, признанного ранее судом недееспособным, ограниченно дееспособным, а, следовательно, тем самым вернуть его в сферу избирательных правоотношений. Но данное утверждение преждевременно! Проблема заключается в том, что статус ограниченно дееспособного по своему правовому содержанию приравнивается к статусу несовершеннолетнего, достигшего 14 лет, но не достигшего 18-летнего возраста, для гражданско-правовых отношений это вполне допустимо, гражданин может совершать мелко-бытовые сделки, распоряжаться своими доходами и т. п., но стать полноценным участником выборных отношений ему не позволяет правовое содержание его статуса.

Данное положение необходимо подвергнуть детальному правовому анализу. Итак, активное избирательное право неразрывно связано с фактом достижения лицом именно календарного восемнадцатилетнего возраста, тогда как гражданско-правовая дееспособность может возникнуть и раньше в случаях:

- вступления в брак;
- эмансипации.

Однако, достигнув ранее 18 лет гражданско-правовой дееспособности, гражданин не станет автоматически субъектом избирательного процесса. В совместном Постановлении Пленумов двух высших судов РФ, действующем по сегодняшний день, данный вопрос урегулирован достаточно подробно [17], однако, в связи с изменениями, произошедшими в гражданском законодательстве в 2015 г., логика законодателя была нарушена. До 2015 г. институт ограничения дееспособности обеспечивал цель защиты интересов и прав третьих лиц, которые были бы наруше-

ны гражданином, не способным (чаще всего в силу алкогольной, наркотической и игровой зависимости) обеспечивать выполнение своих имущественных обязательств. Теперь к данным лицам причисляются и граждане, имеющие психическое расстройство, но способные при этом с помощью третьих лиц обеспечивать свои имущественные интересы.

Используя принцип преемственности права, можно полагать, что аналогичное положение должно распространиться на сферу избирательных правоотношений, но реализация активного избирательного права при помощи третьих лиц нам кажется весьма сомнительной в правовом смысле, не говоря уже о том, что прямо противоречит положению, закрепленному в п. 4 ст. 64 ФЗ № 67, согласно которому голосовать или участвовать в референдуме можно только лично.

Электоральное поведение таких «избирателей», по мнению некоторых авторов, противоречит самому понятию здравого смысла [18], и данное утверждение мы полностью поддерживаем.

Следовательно, нововведения гражданского законодательства сформировали много вопросов к науке избирательного права как части конституционного права. Руководствуясь буквальным толкованием закона, основания для отказа в реализации активного избирательного права ограниченно дееспособным гражданином нет, с другой стороны, если гражданину требуется помощь в понимании значения своих действий, искажается весь смысл демократических выборов, предполагающий, что каждый гражданин принимает решение самостоятельно, основываясь исключительно на личных убеждениях.

Подводя итоги рассмотрения конституционной основы избирательных прав граждан, необходимо отметить, что их, разумеется, нельзя рассматривать как права человека, принадлежащие всем без исключения людям независимо от принадлежности к правоотношениям с определенным государством. Однако, с учетом новейших тенденцией законодательства, в том числе и российского, причислять избирательные права к кругу исключительных прав, связанных с гражданством (подданством), уже нельзя. По нашему мнению, они представляют собой некую интегрированную категорию, сочетающую в себе как права человека, так и права гражданина.

Литература

1. Алексеев С. С. Теория права. М., Бек, 1994. 223 с.

2. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М. : Юристъ, 1999.
3. Большаков Л. М. Ограничение конституционной свободы слова в период предвыборной агитации // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. 2018. Т. 18, № 2. С. 65–68. (Право).
4. Диноршоев А. М., Сафарзода Н. Р. Понятие и стадии избирательного процесса // Правовая жизнь. 2018. № 1 (21). С. 59–67.
5. Джаримок Т. Р. Роль политических партий в осуществлении пассивного избирательного права // Юридический факт. 2018. № 24. С. 3–5.
6. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Правовые проблемы соблюдения международных избирательных стандартов в национальном избирательном праве // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. Т. 1, № 1. С. 36–39.
7. Золоторева Л. И. К вопросу о разработке и принятии избирательного кодекса Российской Федерации // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 9 (44). С. 292–298.
8. Саидов С. А. Конституционно-правовые особенности избирательного процесса в Республике Таджикистан // Государствоведение и права человека. 2018. № 2 (10). С. 58–61.
9. Енгибарян Р. В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. М. : Норма, 2007.
10. Комарова В. В. Конституционные основы системы народовластия в России // Современный российский конституционализм: проблемы теории и практики : сб. тр. кафедры конституц. и муницип. права России, посвящ. 15-летию Конституции Российской Федерации / отв. ред. С. В. Нарутто, Е. С. Шугрина. М., 2008.
11. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // Собр. законодательства РФ. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253.
12. Шодонова М. Э., Лозовская С. В. Реализация избирательного права гражданином, ограниченным в дееспособности // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 5. С. 37–39.
13. О выборах Президента Российской Федерации : федер. закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 11.12.2018) // Собр. законодательства РФ. 2003. № 2. ст. 171.
14. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // Собр. законодательства РФ. 24.02.2014. № 8. Ст. 740.
15. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) // Собр. законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.
16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
17. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного

Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 25.12.2018) // Бюл. Верховного Суда РФ. 1996. № 9; 1997. № 5.

18. Шемелин А. В. Избирательное право как политико-нормативная основа моделирования электорального поведения российских избирателей : автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Читин. гос. ун-т. Чита, 2011. 38 с.

To the Question of Legal Bases of Restriction of Electoral Rights of Citizens in the Context of Changes of the Civil Legislation

© Tereshchenko E. A., Ivanchenko E. A., 2019

Abstract. The article touches upon the theoretical foundations of the right of citizens to participate in the Affairs of the state, to govern and thereby influence the political situation of their country, as an integrating category that unites other political rights.

Keywords: political rights, protection and protection of electoral rights, human rights and law enforcement activities to ensure electoral rights, restriction of electoral rights.

Терещенко Елена Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая, кафедра правовой культуры и защиты прав человека, Юридический институт, Северо-Кавказский федеральный университет; г. Ставрополь, Россия, e-mail: elena-tereshhenk@yandex.ru

Иванченко Елена Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра правовой культуры и защиты прав человека, Юридический институт, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия, e-mail: kvi-elena@yandex.ru

Tereshchenko Elena Anatolievna – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Head, Department of Legal Culture and the Protection of Human Rights, Law Institute, North Caucasus Federal University; Stavropol, Russian Federation, e-mail: elena-tereshhenk@yandex.ru

Ivanchenko Elena Anatolievna – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Department of Legal Culture and the Protection of Human Rights, Law Institute, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation, e-mail: kvi-elena@yandex.ru

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ТЕОРЕТИКА ПРАВА Н. А. ПЬЯНОВА

УДК 34:378[(470)+(571)]

Теоретик государства и права Николай Андреевич Пьянов: педагог, исследователь, человек. Воспоминания о коллеге

© Казарин В. Н., 2019

Аннотация. Воспоминания посвящены профессору кафедры теории и истории государства и права Иркутского государственного университета кандидату юридических наук, доценту Н. А. Пьянову. Воспроизведены факты знакомства и продолжительной совместной работы на кафедре, отмечена огромная работоспособность, результаты учебной, учебно-методической и научной деятельности. Н. А. Пьянов показан как руководитель аспирантов, успешно защитивших кандидатские диссертации. Приведены наиболее яркие факты человеческого общения с коллегой.

Ключевые слова: Н. А. Пьянов, Иркутский государственный университет, Юридический институт, кафедра теории и истории государства и права.

Эта статья – соединение воспоминаний о безвременно ушедшем от нас коллеге, с которым меня связывали почти пятнадцать лет совместной работы на кафедре теории и истории государства и права Юридического института Иркутского государственного университета, и попытка анализа учебно-методического, научного и личностного вклада, который, на мой взгляд, внес Николай Андреевич Пьянов в развитие юридического образования и науки государства и права. Конечно же, понимаю, что задача эта непростая, поскольку необходимо писать о трудах коллеги и о человеке, с которым еще недавно общался, принимал государственные экзамены по профильной дисциплине кафедры, обменивался мнениями, бывал в различных жизненных ситуациях. Прошло более трех лет после внезапной для многих

кончины Николая Андреевича. Срок небольшой, а большое, как говорил поэт, видится на расстоянии. Многие еще подлежат осмыслению, возможно, переосмыслению.

В 2018 г. была опубликована журнальная статья учеников Н. А. Пьянова, посвященная его учебному и научному наследию [1]. Задача данной публикации – дополнить образ одного из старейших преподавателей высшей школы «личностными штрихами», обратиться к анализу его учебно-методических и научных трудов, оценивая их роль в юридическом образовании и вкладе в развитие отдельных вопросов науки государства и права.

Начну с общих сведений. Конечно же, вспоминаются рубежные факты. Это первое знакомство и известие о кончине, проводы в иное измерение. Официальное знакомство с Николаем Андреевичем произошло в апреле 1999 г. в кабинете у директора Юридического института ИГУ Олега Петровича Личичана. С сентября 1997 г. я, доцент кафедры отечественной истории и политологии ИГУ, кандидат исторических наук вел занятия по истории России на юридическом факультете университета. Много слышал отзывов о нем студентов и преподавателей о Николае Андреевиче, его лекциях. Но наши встречи были не более, чем приветствиями коллег. В 1998 г., защитив докторскую диссертацию по истории и получив диплом доктора наук, я продолжал преподавать на преобразованном из факультета Юридическом институте. Весной 1999 г. мне передали, что О. П. Личичан пригласил меня для беседы. Полагая, что речь будет идти о каких-либо учебных вопросах или о рукописи по истории факультета, над которой тогда работала группа историков, в числе которых был и автор этих строк, заранее подготовился по второй теме. Действительно, на встрече речь зашла и об этом, но затем Олег Петрович неожиданно предложил рассмотреть вопрос о моем переходе на кафедру теории и истории государства и права для чтения курса «История отечественного государства и права», сославшись на то, что, помимо статусных данных, меня знают в институте и ранее историки преподавали на этой кафедре. Олег Петрович коротко рассказал о кафедре, однако к обсуждению этой темы я оказался не готов, поэтому попросил подумать. Оговорив сроки, обдумав предложение, спустя некоторое время вновь был в кабинете директора института. Вот тогда Олег Петрович пригласил для встречи и Николая Андреевича. А затем раз-

говор был продолжен уже в кабинете заведующего кафедрой. Так состоялось наше первое обстоятельное знакомство. Николай Андреевич подробно рассказал о кафедре, учебно-методической, научно-исследовательской работе, о преподавателях. Это было очень живое, далекое от сухой официальности общение.

О кончине Николая Андреевича узнал в начале марта 2016 г. Будучи в университете, ответил на телефонный звонок доцента кафедры Игоря Александровича Кузьмина, одного из учеников Николая Андреевича, окончившего аспирантуру под его руководством. Он и сообщил мне эту печальную весть. Дело в том, что в июне 2013 г. Н. А. Пьянов перешел на работу в Иркутский филиал (институт) Правовой академии (ныне – Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) и его контакты с кафедрой стали гораздо реже. Тем более, что с сентября 2015 г. кафедра теории государства и права и кафедра конституционного права были объединены в единую кафедру конституционного права и теории права ИГУ. Я знал, что у Николая Андреевича последнее время были проблемы со здоровьем, и то, что он со второго семестра 2015/16 учебного года не работал, но никак не ожидал известия о его скоропостижной кончине за два месяца до 70-летия. На проводах в последний путь Николая Андреевича было много преподавателей Юридического института, наших коллег из других юридических учебных заведений города, выпускников. Полагаю, все осознавали, что юридическое сообщество потеряло одного из своих «коренников».

Теперь попытаюсь систематизировать воспоминания. Итак, как преподаватель Николай Андреевич выполнял огромную учебную нагрузку. Я всегда уважительно относился к его трудоспособности. Вынужден оговорить одно обстоятельство для читателя, лично не знавшего Николая Андреевича. Еще в детстве в результате несчастного случая он получил тяжелейшую травму, в результате которой пришлось ампутировать кисти обеих рук. Была повреждена также и левая нога, последствием чего явилось небольшое прихрамывание. Можно предположить, что человек, оставшийся инвалидом, в небольшом поселке на Дальнем Востоке, откуда был родом Николай Андреевич, мог не выдержать такого жестокого удара судьбы. Как рассказывал сам Николай Андреевич автору этих строк в частной беседе, «особенно сильно переживала мать». Совершенно очевидно: сын-инвалид, как сложится его дальнейшая жизнь?

Но Николай Андреевич, как сказали бы сейчас, достойно выдержал это испытание. Оно заставило мобилизовать все силы: Николай успешно окончил историко-юридический факультет Дальневосточного государственного университета, затем аспирантуру в Свердловском юридическом институте им. Р. А. Руденко (ныне – Уральский государственный юридический университет). С 1971 г. до 2013 г. работал в Иркутском университете. Кандидатскую диссертацию защитил в 1987 г. во Всесоюзном НИИ советского законодательства на тему «Объективная истина в правоприменительной деятельности». В декабре 1990 г. ему было присвоено ученое звание доцента. С июня 1988 г. по июнь 1996 г. был деканом юридического факультета ИГУ, в 1987–2000 гг. возглавлял кафедру теории и истории государства и права [2].

В период, когда я пришел на кафедру (сентябрь 1999 г.), имея за плечами 18 лет работы в университете, Николай Андреевич читал лекции по теории государства и права на одном потоке бюджетного, одном потоке коммерческого отделений и на потоке международно-правового отделения и вел семинарские занятия в нескольких группах (первый семестр, 1-й курс), а также соответственно лекции по спецкурсу «Актуальные проблемы теории государства и права» (первый семестр, 5-й курс). Во втором семестре аудиторные часы оставались только на первом курсе, но с начала марта по конец мая шли государственные экзамены по теории государства и права и защита дипломных работ. Николай Андреевич как заведующий кафедрой и ведущий теоретик неизменно участвовал в работе экзаменационной комиссии. Предельно плотная учебная нагрузка! Зная ситуацию по выполнению аудиторной нагрузки в вузах города в те годы, и тогда и сейчас поражаюсь как можно было выдерживать такой без преувеличения колоссальный объем интеллектуальной, эмоциональной и физической нагрузки. При этом Николай Андреевич оставался и заведующим кафедрой.

Николай Андреевич, чувствуя определенную усталость от продолжительной административной нагрузки, изъявил желание сосредоточиться на учебно-методической и научной работе. По рекомендации кафедры и ученого совета Юридического института в ноябре 2000 г. ученый совет ИГУ избрал меня заведующим кафедрой. К тому времени я проработал на кафедре почти три семестра, что позволило при почти каждодневном общении хо-

рошо узнать кафедру. Позднее я также получил второе высшее юридическое образование. Но перед избранием состоялся очень обстоятельный отдельный весьма содержательный разговор с Олегом Петровичем и с Николаем Андреевичем о дальнейшем развитии кафедры. Необходимо было значительно повысить остроту кафедры, которая по различным причинам заметно снизилась в те годы, а также, учитывая возможности каждого, направить их на решение конкретных задач в учебно-методической, научно-исследовательской и воспитательной работе. Николай Андреевич попросил меня при планировании нагрузки на будущий учебный год по возможности разгрузить его и дать возможность сосредоточиться на учебно-методической работе. Пожелание было исполнено, и как показало дальнейшее развитие событий, это позволило ему полнее реализовать написание цикла статей по отдельным темам учебного курса, которые в дальнейшем составили объемные тома издания под названием «Консультации по теории государства и права» и «Теория государства и права», выдержавшие несколько изданий и до настоящего времени пользующиеся признанием у преподавателей и студентов не только Юридического института ИГУ. По моим наблюдениям, он ощущал некоторую усталость от исполнения административных обязанностей по руководству кафедрой, а ранее факультетом, и был рад появившейся возможности в полную силу заняться выполнением любимого дела. А этим делом было преподавание и написание учебно-методических и учебных пособий, работа над монографией и руководство аспирантами.

В связи с переизбранием на должность доцента Николай Андреевич провел открытую лекцию, на которой присутствовали несколько преподавателей. Это было начало «нулевых» годов. Каких-либо технических средств обучения, характерных для сегодняшних лекций (определения, схемы, рисунки, фото и другая информация на слайдах), облегчающих чтение лекций для преподавателя, тогда не было, или они применялись в ограниченных количествах. Поэтому все 80 минут лекции (в настоящее время продолжительность лекции составляет 90 минут) Николай Андреевич говорил, что называется, «вживую». При этом он особенно не модулировал голос, не «ставил» его специально, как артисты в театрах или некоторые лекторы-преподаватели. Это была естественная речь, которой он говорил на кафедре в простом об-

щении. Некоторые определения, отдельные положения он повторял, ставил вопросы перед аудиторией, мог рассказать какой-нибудь поучительный анекдот. В беседе со мной он не раз говорил, что на лекциях он высказывал свое мнение, открыто не соглашался с несколькими подходами в учебниках по теории государства и права других авторов. Не имею подтверждений, но могу предположить, что при этом он не навязывал свою точку зрения аудитории. Иногда, отдыхая после лекций, немного расслабившись, он сообщал, что приводил на своих лекциях примеры из практики в адвокатуре на завершающем курсе обучения в Дальневосточном университете. Консультации он проводил также в спокойной манере, при этом приглашая студентов для отработок пропущенных занятий, а студентов-дипломников уже после прочтения их работ с отмеченными замечаниями.

Выше уже упоминалось о том, что Н. А. Пьянов постоянно участвовал в работе государственной экзаменационной комиссии (ГЭК) по теории государства и права. Экзамены принимали, как правило, двумя подгруппами. Мне часто выпадало принимать экзамен вместе с Николаем Андреевичем. Он всегда внимательно выслушивал отвечающего, очень редко перебивал, только тогда, когда ответ был явно не по существу, задавал конкретные вопросы. В оценках был, как мне представляется, не очень строг, но справедлив, никогда не ставил оценки «просто так» за любой ответ. Во всяком случае, когда иногда возникали случаи разногласий в оценках ответов студентов у членов комиссии, он стремился обосновать более высокую оценку. Не только мной было отмечено, что после издания учебных пособий Н. А. Пьянова, общая успеваемость на ГЭКе по теории государства и права заметно улучшилась. Студенты во многом ориентировались на эти пособия.

В 2000 г. Н. А. Пьянов, как ранее упоминалось, перешел на должность доцента кафедры, что позволило ему гораздо больше внимания уделять учебной и научной работе. Значительный опыт чтения лекций, обобщение литературы по теории государства и права, буквально нахлынувшей в 90-е и в начале «нулевых» годов, когда рухнула идейная монополия на социально-политические издания и можно было высказывать свои подходы, правда, основанные в основном на достижениях западной социальной парадигмы, явно преобладавшей в тот период, создавали благоприятную основу для воплощения ранее задуманного.

С 1998 г. в Юридическом институте ИГУ стал издаваться журнал «Сибирский юридический вестник», позднее вошедший в престижный список журналов ВАК. В первых номерах журнала стали появляться небольшие статьи Н. А. Пьянова под рубрикой «Консультации по теории государства и права». Позднее они стали основой для книжных изданий учебных пособий. Так, уже в 2004 г. вышло первое издание «Консультаций» [3]. А затем с периодичностью один раз в год вышли три части полноценного издания «Консультаций» [4–6]. В 2007 г. Н. А. Пьянов издал учебное пособие по спецкурсу «Актуальные проблемы теории государства и права» [7]. В 2006 г. к предстоящей аттестации и аккредитации университета Н. А. Пьянов издал в соавторстве учебно-методический комплекс по теории государства и права [8]. В 2008 г. Николай Андреевич опубликовал учебно-методический комплекс по спецкурсу [9].

Позднее, в 2010 г., все ранее изданные три тома «Консультаций» были переработаны, дополнены и изданы одним объемистым томом [10]. В конце пособия располагался словарь основных понятий по теории государства и права и значительный список основной и дополнительной литературы к каждой теме. Все изданное прошло успешную апробацию в учебном процессе при изучении курса теории государства и права не только в Юридическом институте Иркутского университета, но и в других вузах города, осуществляющих подготовку будущих юристов. Это дало основание доработать, обновить тексты «Консультаций» и издать под грифом учебно-методического объединения (УМО) по юридическому образованию вузов РФ в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки и специальности «Юриспруденция». Для этого необходимы были рецензии авторитетных ученых в области теории государства и права. Рецензентами пособия выступили известные ученые, теоретики права Н. А. Власенко (Москва) и В. Д. Перевалов (Екатеринбург). В 2011 г. были изданы уже не консультации, а учебное пособие «Теория государства и права» в двух частях под грифом УМО по юридическому образованию вузов РФ [11, 12], тиражом 1000 экземпляров каждый. А в 2011 г. вторым изданием вышло учебное пособие по актуальным проблемам государства и права [13]. Необходимо отметить, что пособия Н. А. Пьянова отличает строгая структурирован-

ность расположения материала, охват всех разделов и тем изучаемого курса, понятный доступный, но не примитивный, адаптированный под малоподготовленного студента, стиль изложения. Принято считать, что авторы учебников и учебных пособий в той или иной степени обобщают уже известный в науке материал, не приращивая новые знания, и к научным трудам учебники не относят. Однако систематизация и обобщение изданной литературы по учебной дисциплине, авторский подход, методическая проработка всех тем, доступный понятный стиль изложения поставил учебные пособия Н. А. Пьянова в число востребованных изданий не только в студенческих аудиториях, но и в профессиональном сообществе.

Учебно-методические труды Н. А. Пьянова, написанные в те годы, до настоящего времени активно используются при чтении лекций и проведении семинарских занятий по теории государства и права в региональных вузах. Выскажу мнение, что учебники некоторых авторов, во многом по причине усложненного стиля, представляют определенные трудности для нынешних выпускников средней общеобразовательной школы.

По совокупности учебных и научных изданий, получивших положительные отзывы специалистов по теории государства и права, Н. А. Пьянов был избран на должность профессора кафедры теории и истории государства и права. Имея также несколько защищенных под его руководством кандидатских диссертаций, Николай Андреевич, поддержанный Ученым советом ИГУ, отправил документы на присвоение ученого звания профессора. Однако отсутствие ученой степени доктора наук дало основание для неутверждения этого ходатайства. Николай Андреевич переживал по этому поводу, хотя никогда не подчеркивал этого факта.

В 2011 г. Юридический институт Иркутского государственного университета посетила делегация из Монголии. За заслуги в подготовке монгольских студентов, обучавшихся на юридическом факультете университета, награды Монголии получили научно-педагогические работники ЮИ ИГУ. Орденом «Полярная Звезда» был награжден Пьянов.

Но Н. А. Пьянов не ограничивался только написанием учебных и учебно-методических пособий. Именно в период «нулевых» годов он стал интенсивно работать над докторской диссертацией. Тему эту он разрабатывал весьма активно, результатом

чего явилась монография «Государственное регулирование общественных отношений: вопросы теории» [14]. Монографию, как и учебные пособия, отличает ясный понятный конкретный стиль научной работы, стройная логика изложения материала. В 2012 г. Н. А. Пьянов издал еще одну монографию, несколько расширенную по содержанию по сравнению с первой [15]. В 2010 г. Н. А. Пьянов издал учебное пособие, очень близкое по тематике с изданной годом ранее монографией [16].

Что же отличает две монографии? Первая монография включает 4 главы, вторая – на две главы больше. Параграф четвертый второй главы первой монографии («Государственное регулирование и государственное управление») значительно доработан и развернут в отдельную, третью, главу под названием «Соотношение государственного регулирования со смежными явлениями». И здесь рассмотрены соотношения уже не только с государственным управлением, но и с государственным воздействием, и с правовым регулированием. Параграф третий главы четвертой первой монографии «Методы и способы государственного регулирования» существенно дополнен представлен отдельной, пятой, главой «Методы, способы и средства государственного регулирования». Более четко и развернуто представлены выводы и обобщения в заключении второй монографии.

Именно на основе второй монографии был представлен текст докторской диссертации, которая обсуждалась на заседании кафедры теории и истории государства и права ИГУ. Работа с небольшими замечаниями была одобрена. Но Николай Андреевич сам сказал о том, что дальше отправлять диссертацию не будет, поскольку состояние здоровья, финансовое положение семьи, сложность переездов в другие города, в которых имелись диссертационные советы по специальности 12.00.01, не создают возможность для защиты докторской диссертации. Далее текст диссертации нигде официально не обсуждался.

Н. А. Пьянов умел притягивать к себе способных студентов буквально с младших курсов. Под его руководством они писали курсовые, а затем и дипломные работы. Пять человек под руководством Н. А. Пьянова успешно защитили кандидатские диссертации. С аспирантами Николай Андреевич любил работать в тишине, не во время учебных консультаций. Иногда мне доводилось наблюдать эти встречи. Обращало внимание, что Николай

Андреевич требовал от аспирантов строгого подтверждения всех положений, уделяя при этом большое внимание совершенствованию стиля работ. Каждая защищенная работа давала ему прилив новых сил, что было заметно.

С первого курса с кафедрой тесно сотрудничал Максим Тирских, выступавший на всех научно-практических конференциях по секции кафедры. Именно он стал первым, успешно окончившим аспирантуру и защитившим диссертацию под руководством Н. А. Пьянова [17]. Позднее на основании диссертации он издал монографию [18], работал на кафедре теории и истории государства и права, а с образованием новой кафедры международного права и сравнительного правоведения стал преподавать там. Активно и плодотворно занимается он научными исследованиями. Второй аспиранткой, защитившей под руководством Н. А. Пьянова кандидатскую диссертацию, была Любовь Черняк, также издавшая монографию [19]. После небольшого перерыва, в 2009 г., в Совете при Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского защитились две аспирантки Н. А. Пьянова: Е. В. Белякович и В. В. Джура [20, 21].

Елена Белякович также издала монографию по теме кандидатской диссертации [22]. Наконец, Игорь Кузьмин, неизменный участник всех конференций, работавший с Н. А. Пьяновым с первого курса, успешно защитил диссертацию в Санкт-Петербурге [23]. В настоящее время, он доцент Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, автор многих публикаций, отмеченных научным сообществом. Определенным этапом в его научной жизни явилась новейшая монография [24].

Стоит добавить некоторые воспоминания о Николае Андреевиче в общении. Он никогда пространно не говорил о своих заслугах в преподавательском труде и в научных исследованиях. Не имея в виду кого-то конкретно, замечу, что, общаясь на научных конференциях, заседаниях диссертационного совета по историческим наукам и других мероприятиях, иногда сталкивался с подчеркиванием и даже каким-то возвеличиванием некоторыми коллегами своего «вклада в развитие науки». Правда, последующее знакомство с наукометрическими показателями, отмеченными в e-library, представителей этого профессионального цеха заставляло усомниться в этих «великих достижениях». Повторяю,

при всей величайшей работоспособности, он никогда не подчеркивал достижений своих работ. А они были вполне реальны и востребованы.

Николай Андреевич общался легко и непринужденно, любил рассказывать анекдоты, которых он знал сотни и находил их по многим поводам. Правда, в последний год работы на кафедре, очевидно, испытывая уже проблемы со здоровьем, он становился немногословным, реакция на окружающих была менее эмоциональной.

Необходимо отметить, что все творческие начинания Николая Андреевича находили полное понимание на кафедре и у руководства Юридического института. Ему ни разу не было отказано в издании учебных пособий и монографий. Руководство института оказывало полную финансовую поддержку его изданиям: учебные пособия имели тиражи в 1000 экземпляров, а монографии – 300. Все, кто знаком с финансовой ситуацией в региональных вузах, знают, что даже издать книгу (пособие, монографию) тиражом 100 экземпляров является большой удачей, далеко не всегда частой. Администрация института приложила много усилий для того, чтобы кандидата наук, доцента провести через ученый совет университета на должность профессора и представить на получение ученого звания профессора.

Н. А. Пьянов по своему педагогическому опыту работы в Иркутском государственном университете, как автор учебных пособий и учебников, руководитель аспирантов, ставших успешными преподавателями, имеющими авторитет в научном сообществе наших коллег, относился к «коренным преподавателям» старейшего университета Сибири, был известен в профессиональном сообществе и среди выпускников юридического факультета и института ИГУ. Надеюсь, что эта небольшая публикация в общих чертах поможет узнать об этом человеке тем, кому не довелось учиться или общаться с Николаем Андреевичем.

Литература

1. Тирских М. Г., Кузьмин И. А. Наследие профессора Н. А. Пьянова в развитии юридической науки и высшего юридического образования в Восточной Сибири // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4. С. 44–49.
2. Казарин В. Н., Лякутина Ю. П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.) : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 483 с.

3. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. Иркутск: Иркут. ун-т, 2004. Ч. 1. 227 с.
4. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск : Иркут. ун-т, 2005. Ч. 1. 220 с.
5. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. Иркутск : Иркут. ун-т, 2006. Ч. 2. 160 с.
6. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. – Иркутск: Иркут. ун-т, 2007. Ч. 3. 240 с.
7. Пьянов Н. А. Актуальные проблемы теории государства и права : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. 253 с.
8. Теория государства и права : учеб.-метод. комплекс / сост. Н. А. Пьянов, И. В. Архипкин. Иркутск : ГОУ ВПО «ИГУ», 2006. 188 с.
9. Пьянов Н. А. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб.-метод. комплекс по спецкурсу / сост. Н. А. Пьянов. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. 54 с.
10. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. Изд. 3-е, перераб. и доп. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. 583 с.
11. Пьянов Н. А. Теория государства и права. В 2 ч. Ч. 1. Теория государства : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. 283 с.
12. Пьянов Н. А. Теория государства и права. В 2 ч. Ч. 2. Теория права : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. 391 с.
13. Пьянов Н. А. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. 255 с.
14. Пьянов Н. А. Государственное регулирование общественных отношений: вопросы теории : монография. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 221 с.
15. Пьянов Н. А. Теоретические проблемы государственного регулирования общественных отношений : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 249 с.
16. Пьянов Н. А. Государственное регулирование и его механизм : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. 151 с.
17. Тирских М. Г. Трансформация политических режимов : государственно-правовые проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Челябинск, 2005. 22 с.
18. Тирских М. Г. Трансформация политических режимов: государственно-правовое исследование : монография. Иркутск : Институт законодательства и правовой информации, 2006. 163 с.
19. Черняк Л. Ю. Общетеоретические проблемы государственного суверенитета в федеративных государствах. Иркутск : Ин-т законодательства и правовой информации им. М. М. Сперанского : Фонд «Право и демократия», 2009. 164 с.
20. Белякович Е. В. Пространственное действие правовых норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Омск, 2009. 22 с.
21. Джура В. В. Правовые акты органов судебной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Омск, 2009. 22 с.
22. Белякович Е. В. Пространственное действие правовых норм : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 141 с.

23. Кузьмин И. А. Теоретические проблемы понимания и реализации юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. СПб, 2012. 17 с.

24. Кузьмин И. А. Системная модель юридической ответственности : монография. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации ; Тип. «Иркут», 2018. 186 с.

**The theorist of the state and the law Nicolay Andreevich P'yanov:
The teacher, the researcher, the person. Memoirs on the colleague**

© Kazarin V. N., 2019

Abstract. Memoirs it is devoted to Professor Chair of the theory and a history of the state and the right, the candidate of jurisprudence, Associated Professor N. A. P'janov. The facts of acquaintance and long teamwork on faculty. Huge service-ability, results of educational, tutorial-methodical and scientific activity is marked. N. A. P'janov is shown as the head of the post-graduate students who have successfully protected master's theses. The brightest facts of human dialogue with the colleague are given.

Keywords: N. A. P'janov, Irkutsk state university, Law institute, Chair of the theory and a history of the state and the right.

Казарин Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор, кафедра конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: kazarinvik@yandex.ru.

Kazarin Victor Nicolaevich – Doctor of History, Professor, Department of Constitutional Law and the Theory of Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail : kazarinvik@yandex.ru.

УДК 016:340.12 (571.5)(092)

**Соотношение государственного и правового
регулирувания в трудах профессора Н. А. Пьянова**

© И. А. Кузьмин, М. Г. Тирских, 2019

Аннотация. Анализируются проблемы соотношения правового и государственного регулирования в научных работах выдающегося теоретика государства и права, профессора Н. А. Пьянова. Дается краткий обзор научных взглядов Н. А. Пьянова на предмет правового и государственного регулирования, их свойства и соотношение данных теоретико-правовых категорий. Рассматривается методология исследования. Прослеживается влияние работ Н. А. Пьянова на современные исследования в области теории государства и права.

Ключевые слова: Н. А. Пьянов, государственное регулирование, правовое регулирование, теория права.

Профессор Николай Андреевич Пьянов – выдающийся преподаватель и ученый Восточной Сибири, оставивший после себя правовую школу и богатое научное наследие в области общей теории государства и права [1]. В настоящей работе мы предпримем попытку оценить и обзорно охарактеризовать подход Н. А. Пьянова к раскрытию природы и содержания основного объекта его исследований в завершающий период научного творчества – вопросов правового и государственного регулирования. В качестве источниковой базы послужили следующие работы профессора:

1) учебное пособие «Государственное регулирование и его механизм» (г. Иркутск, 2010 г.) [2];

2) монография «Государственное регулирование общественных отношений: вопросы теории» (г. Иркутск, 2009 г.) [3];

3) монография «Теоретические проблемы государственного регулирования общественных отношений» (г. Иркутск, 2012 г.) [4];

4) диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук «Государственное регулирование общественных отношений (теоретическое исследование)» (г. Иркутск, 2011 г.), а также ряд публикаций в периодических научных печатных изданиях.

Ознакомление с обозначенными работами дает нам основания утверждать, что размышления Н. А. Пьянова о проблемах государственного и правового регулирования систематизированы в следующие блоки:

– возникновение и закономерности развития государственного регулирования;

– понятие, принципы и виды государственного регулирования;

– соотношение государственного регулирования с близкими явлениями;

– предмет, сфера и пределы государственного регулирования;

– методы, способы и пределы государственного регулирования;

– механизм государственного регулирования.

Соотношение государственного и правового регулирования в той или иной степени прослеживается в каждом из обозначенных тематических блоков.

Так, Н. А. Пьянов полагает, что в первобытном обществе с присваивающей системой хозяйства, где упорядочивание общественных отношений осуществлялось преимущественно на основе мифов и обычаев, никаких специализированных норм (мо-

ральных, религиозных, правовых и др.) не было, поскольку правила поведения существовали в своей синкретической форме мономорм. Между тем исследователь усматривал в структуре мономорм правовые начала в виде прообраза естественного права. После перехода человечества к производящей экономике на этапе разложения первобытного общества и складывания раннеклассового государства начинает формироваться «протоправо» (естественное право) в виде правовых обычаев [3, с. 17–22; 4, с. 19–23]. В дальнейшем процесс зарождения государственного регулирования связывается с последовательным появлением источников права, начиная с санкционированных правовых обычаев и прецедентного права [3, с. 17; 4, с. 32]. Делается вывод о том, что «закономерности исторического развития государственного регулирования обусловлены закономерностями исторического развития государства и позитивного права» [3, с. 44; 4, с. 49]. Говоря о влиянии глобализации на государственное регулирование, профессор обращает особое внимание на интернационализацию права [3, с. 56–57; 4, с. 62–63], рассматривая ее как неизбежный процесс.

В размышлениях о понятии государственного регулирования автор указывает на его ошибочное, хотя и традиционное отождествление с правовым регулированием, корни которого следует искать в советском периоде, когда прокурор СССР А. Я. Вышинский на первом Всесоюзном совещании работников науки советского права в 1938 г. высказал и на долгое время утвердил приведенную позицию. Такое восприятие правового регулирования отождествляет его с позитивно-правовым регулированием (осуществляемым государством или с его санкции иными субъектами) и приближает к государственному, игнорируя естественно-правовое (общесоциальное) наполнение права. При этом понятие государственного регулирования не совпадает с понятием позитивно-правового регулирования, так как первое дополнительно включает в свой состав правотворческую деятельность. Правотворчество и позитивно-правовое регулирование выступают, соответственно, подготовительным и основным этапами государственного регулирования [3, с. 59–62; 4, с. 64–66, 74–75], для инструментального изучения которых профессором разработан и обоснован механизм государственного нормотворчества [4, с. 197–209] и механизм позитивно-правового регулирования. Обособленный исследователем принцип правового характера

государственного регулирования требует осуществлять государственное регулирование с помощью правовых, а не псевдоправовых (суррогатных) норм [2, с. 31–32; 3, с. 87; 4, с. 86]. Предлагается следующее определение государственного регулирования – это осуществляемая государством и другими субъектами деятельность, связанная с воздействием на общественные отношения с помощью норм позитивного права и других юридических средств с целью их упорядочения [2, с. 24; 3, с. 69–70; 4, с. 77].

Обращаясь к вопросу о соотношении государственного и правового регулирования, Н. А. Пьянов приходит к выводу, что это несовпадающие явления. Для обоснования этого указывается на три базовых отличия между категориями.

Во-первых, правовое регулирование является исторически первым по отношению к государственному регулированию. Путь становления естественного (общесоциального) права от правовых предпосылок в мононормах до правовых обычаев и прецедентов предшествует позитивному (государственному) праву, охватывая даже догосударственный период развития человечества.

Во-вторых, правовое регулирование также может быть негосударственным. Регулирование может осуществляться, помимо государства, также и негосударственными объединениями (например, корпоративное право), а также обществом в целом (например, каноническое право).

В-третьих, государственное регулирование может быть как правовым, так и неправовым. Для иллюстрации приводится сопоставление явлений «право» и «закон» с указанием на то, что право – не продукт государства, а государственный закон далеко не всегда отражает право. Кроме того, при осуществлении собственных полномочий представители государства (должностные лица) могут принципиально и на системной основе отступать от идей негосударственного права.

Предмет, сфера, пределы, методы, способы и средства государственного регулирования понимаются Н. А. Пьяновым преимущественно в контексте соответствующих проблем правового регулирования, что представляется обоснованным, исходя из понимания автором государственного регулирования как такового. В частности, отмечается, что правовые средства, которые используются в правовом регулировании, играют основную роль и в процессе государственного регулирования [2, с. 105; 3, с. 163–164; 4, с. 187–188].

Следует обратить внимание на методологический подход Н. А. Пьянова, нашедший отражение в его научных работах. При первом приближении к анализу проблематики государственного и правового регулирования может показаться, что в отношении отдельных вопросов используется различная методология как правопонимания, так и теоретико-правового исследования в целом. В частности, следует отметить, что в рамках понимания правового регулирования и обоснованного предположения Н. А. Пьянова о существовании «правового» и «неправового» закона, он исходит из естественно-правовой его трактовки, хотя в контексте исследования зачастую используется формально-юридический (позитивистский) метод исследования. Его же концепция государственного регулирования во многом созвучна позиции концепции права, предложенной В. С. Нерсисянцем. Между тем отдельно следует отметить методологическую точность и последовательность работ Н. И. Пьянова, его способность придерживаться единообразия методологического аппарата на протяжении всего научного исследования.

Следует отметить, что подход Н. А. Пьянова к анализу соотношения государственного и правового регулирования в достаточной мере актуализирован в контексте современных теоретических исследований в данной сфере.

Даже беглый анализ отражения работ Н. А. Пьянова по вопросу государственного и (или) правового регулирования показывает, что востребованными научным сообществом, являются и понятийный аппарат, предложенный Н. А. Пьяновым, и его методологические подходы. В большинстве случаев упоминание научных трудов Н. А. Пьянова в работах иных авторов не приводит к научной дискуссии. Многие авторы используют позиции, выработанные Николаем Андреевичем, в качестве аксиомы для рассмотрения проблематики правового и государственного регулирования. Это можно считать высокой степенью научного признания и должным уровнем научного внимания, которое обращено к работам Н. А. Пьянова как монографического характера, так и к публикациям в научных журналах. Можно отметить что отдельные аспекты творчества Н. А. Пьянова по вопросам государственного и правового регулирования рассматривались в теоретических работах В. В. Сорокиной, О. Н. Демушиной, В. В. Ковалева, И. А. Кузьмина, М. Г. Тирских, И. В. Сехина, Е. В. Львова,

Т. В. Жуйковой, С. Б. Бирюкова, Г. М. Лановой, И. А. Минникеса, Е. К. Шевырина, М. Ю. Осипова, В. М. Паламарчука, А. Д. Желонкина, С. А. Дробышевского, В. А. Цыгановкина, Р. В. Насырова, Р. Н. Самойлюк, Р. Л. Иванова, А. В. Юрковского и др.

В историко-правовой коннотации работы Н. А. Пьянова нашли отражение в трудах И. А. Арзуманова, Н. С. Наджафовой, А. Н. Левушкина.

Нашли отражение представления Н. А. Пьянова о соотношении правового и государственного регулирования и в отраслевых юридических науках. В частности, упоминание научного наследия Николая Андреевича встречается в работах Е. Г. Шаломенцевой, А. О. Кулиша, А. С. Гребнева, С. В. Тихоновой, Р. Р. Кайгулова, И. Н. Иваненко, А. А. Пронина, А. С. Чуевой, О. Б. Сиземовой, П. Е. Морозова, У. В. Пашинцевой, Е. В. Сафроновой, Д. Х. Валеева, Е. В. Базилевских, О. Н. Шупицкой, Е. В. Гиль и других авторов.

Подводя итог данному краткому анализу работ Н. А. Пьянова отметим, что авторский подход к анализу соотношения государственного и правового регулирования, использованный Николаем Андреевичем, дал возможность широко и вместе с тем предельно точно определить функциональные структурные аспекты проявления государственного и правового регулирования в юридическом пространстве, показал их место среди правовых явлений и стал основанием для дальнейшего научного поиска в многочисленных направлениях как теории государства и права, так и иных юридических наук.

Литература

1. Тирских М. Г., Кузьмин И. А. Наследие профессора Н. А. Пьянова в развитии юридической науки и высшего юридического образования в Восточной Сибири // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4. С. 44–49.
2. Пьянов Н. А. Государственное регулирование и его механизм : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. 151 с.
3. Пьянов Н. А. Государственное регулирование общественных отношений: вопросы теории : монография. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 221 с.
4. Пьянов Н. А. Теоретические проблемы государственного регулирования общественных отношений : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 249 с.

The relationship of state and legal regulation in the writings of Professor N.A. P'yanov

© Kuzmin I. A., Tirskikh M. G., 2019

Abstract. The article analyzes the problems of correlation of legal and state regulation in the scientific works of the outstanding theoretician of state and law, Professor N. A. P'yanov. A brief review of the scientific views of N.A. P'yanov on the subject of legal and state regulation, their properties and the relationship of these theoretical and legal categories. The research methodology is considered. The influence of the works of N. A. P'yanov on modern research in the theory of state and law.

Keywords: N. A. P'yanov, state regulation, legal regulation, theory of law

Кузьмин Игорь Александрович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия, e-mail: graphic-87@mail.ru

Тирских Максим Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: tirskm@mail.ru

Kuzmin Igor Aleksandrovych – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Irkutsk Law Institute (Branch) of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: graphic-87@mail.ru

Tirskikh Maksim Gennadievich – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Professor of the Department of International Law and Comparative Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: tirskm@mail.ru

УДК 016:340.12

Методология науки теории государства и права в работах Н. А. Пьянова

© Парфенова Т. А., 2019

Аннотация. Рассматривается подход Н. А. Пьянова к изучению методологии науки теории государства и права с точки зрения выделения ее составляющих – подходов, принципов и приемов. Подчеркивается актуальность выделения принципа универсализма. Анализируется эффективность подхода и доступность его для освоения и понимания студентами первого курса юридического факультета.

Ключевые слова: теория государства и права как наука, методология, методы, принципы науки, принцип универсализма, учебная дисциплина.

Вопросы методологии в теоретико-правовой науке являются одними из самых сложных, противоречивых и неоднозначных, что находит отражение не только в научной, но даже в учебной литературе, а также создает серьезные затруднения при освоении этих вопросов студентами первого курса.

Длительный опыт преподавания теории государства и права позволяет утверждать, что доступное и структурированное начало изучения учебной дисциплины, ясность и конкретика являются залогом формирования надежного фундамента для приобретения базовых юридических знаний студентами-первокурсниками. Если с самого начала предлагать массу противоречивых теоретических установок, которые в принципе на старте изучения материала не слишком близки и понятны студенту, то рассчитывать на качественное восприятие учебного материала и интерес к учебной дисциплине в дальнейшем не стоит, тогда как значение теории государства и права в системе юридических наук, в том числе и с позиции освоения их обучающимися, переоценить трудно.

Одними из первых проблем, с которыми сталкиваются студенты, осваивающие раздел введения в теоретическую науку, являются вопросы методологии, без которой не представляется возможным всестороннее познание базовых составляющих предмета науки, а от выбора конкретного метода исследования может зависеть его конечный результат.

Несмотря на высокую значимость методологии, подходы к описанию в части понимания, структуры, классификации оставляют желать лучшего и отличаются противоречивостью, массивностью и сложностью формулировок. Эту позицию поддерживает В. В. Кожевников, указывая на важность метода в процессе познания государства и права и «разнобой мнений, который дезориентирует в первую очередь студентов, изучающих теорию государства и права на первом курсе во всех юридических вузах страны, тормозит развитие юридической науки» Он полагает, что «настала пора ведущим ученым-теоретикам провести широкую дискуссию по проблемам методологии государства и права на страницах главного юридического журнала страны “Государство и право”» [1, с. 5].

Обратимся непосредственно к учебной литературе и рассмотрим вопросы методологии с точки зрения ее понимания, структуры, а также классификацию самих методов.

Категорию методологии можно рассматривать с разных сторон. И как относительно самостоятельную сферу научной деятельности, и как учение о методах, и как совокупность теоретических понятий и категорий, гипотез, аксиом, выработанных в ходе научного осмысления, и как определенную систему методов, принципов и приемов научного познания, при помощи которых наука познает свой предмет, и как совокупность только методов или способов научного познания [2, с. 22; 3, с. 411].

Наиболее распространенное соотношение методологии и метода выглядит следующим образом: методология – учение о методах познания, метод – совокупность приемов, подходов, средств, принципов, правил, с помощью которых формируются знания о предмете. Такое определение можно встретить в учебниках А. Ф. Черданцева, Л. А. Морозовой, Н. И. Матузова и А. В. Малько, В. В. Лазарева и ряде других. К сожалению, чаще всего авторы не раскрывают, что это за приемы, подходы, средства, принципы, правила, о которых идет речь в определении, ограничиваясь либо только методами, либо методами и принципами научного познания. С этой точки зрения выгодно отличается понятие метода, предложенное Н. А. Пьяновым [4, с. 16–17]. Он также определял методологию как учение о методе, а вот метод как совокупность подходов, принципов и приемов, которые используются наукой при исследовании своего предмета. При этом все три элемента – подходы, принципы и приемы – автором рассмотрены обстоятельно и последовательно.

Думается, что для четкости восприятия студентами первого курса следует разделять понятие метода и методологии, выделять метод как структурный элемент методологии наряду с общефилософскими подходами и принципами познания. Таким образом, под методологией следует понимать совокупность подходов, принципов и методов, с помощью которых наука познает свой предмет. Каждый из трех перечисленных элементов должен быть отражен в дальнейшем изложении вопроса.

Н. А. Пьянов справедливо утверждал, что подходы (философско-мировоззренческие подходы) составляют методологическую основу науки теории государства и права и говорят о том, на каких мировоззренческих, идейных позициях базируется данная наука [4, с. 16]. К сожалению, автор не назвал сами подходы, однако указал на возможность их разнообразного использования

в противовес марксистско-ленинской идеологии. К числу этих подходов следует отнести те самые философские подходы – метафизический, диалектический, материалистический, идеалистический, включающий субъективный и объективный идеализм.

Следует заметить, что большинство авторов говорят об этих подходах, не выделяя их при этом в самостоятельную категорию в составе методологии. Так, А. Ф. Черданцев говорит о методологической основе юридической науки и указывает, что ею является материалистическая теория познания [5, с. 27]. М. И. Абдулаев в определении методологии выделяет три элемента, первый из которых философское осмысление изучаемых явлений, а позже использует термин «философский подход к познанию правовой материи» [6, с. 36]. О методологической основе подробно говорят В. В. Лазарев и С. В. Липень, указывая, что современные отечественные научные исследования базируются, как правило, на материализме и диалектике [7, с. 21]. В данном учебнике обстоятельно рассматриваются указанные направления философии, подходы, с точки зрения закономерностей возникновения, развития и функционирования государства и права. Вместе с тем серьезную путаницу вносит схема, предложенная в учебнике в заключение параграфа о методологии [7, с. 25]. Только в ней есть указание на некие основные подходы, к которым В. В. Лазарев и С. В. Липень относят, вероятнее всего, исторический, логический, вероятностный, эмпирический и рациональный подходы, однако в тексте эти термины никак не отражены.

В учебной литературе чаще всего философские подходы называют особой группой методов и именуют также разнообразно: философскими, общеправовыми, всеобщими, универсальными методами, не придерживаясь терминологического единства. Есть основания предполагать, что такое разнообразие не добавляет стройности и единства вопросу о методологии, а постановка философских подходов в один ряд с иными методами умаляет их природу, поскольку они служат тем фундаментом, на котором выстраивается и развивается наука, той основой, которая сама по себе определяет возможный для использования набор методов.

Интересно в этой связи высказывается В. М. Сырых. Он также выделяет всеобщий философский метод, всеобщность которого выражается в том, что данный метод используется во всех конкретных науках и на всех стадиях, этапах научного познания

и отводит особое место этому методу, подчеркивает его значимость, указывая, что он оставляет большую свободу для выбора и использования отдельных общих и специальных методов в соответствии со спецификой фактического материала, задачами исследования, уровнем науки и т. д. [3, с. 413, 414]. Н. И. Матузов и А. В. Малько также отнесли философские подходы к особой группе всеобщих методов, но назвали их тем не менее теми же философскими подходами [8, с. 17]. Отсюда следует вывод, что правильнее говорить не об особой разновидности методов, а об отдельной, самостоятельной категории: о подходах. Также В. М. Сырых говорит о том, что всеобщие принципы познания составляют содержание философского метода, а совокупность этих принципов зависит от того, какого философского учения придерживается исследователь [3, с. 413]. Думается, это утверждение также подчеркивает особую значимость философского метода наряду с другими и необходимость выделения его в качестве подхода в составе методологии науки.

Принципы познания, о которых говорит В. М. Сырых, также были выделены Н. А. Пьяновым в самостоятельную категорию в составе метода. Под принципами познания он понимал «те исходные, отправные начала, от которых отталкивается наука при исследовании своего предмета» [4, с. 17]. К числу принципов Н. А. Пьянов относил принципы плюрализма, объективности, всесторонности и историзма. В учебной литературе по этому вопросу единства также не наблюдается. Одни авторы вообще не выделяют принципы в составе методологии (М. И. Абдулаев, Л. А. Морозова), другие выделяют, но в самых разных вариациях.

В. М. Сырых пишет, что всеобщие принципы познания составляют содержание философского метода, и называет в их числе принципы объективности и всесторонности познания, исторический и конкретно-исторический подходы, принцип познания отдельного явления через выделение противоречивых его сторон и др. [3, с. 413- 414].

А. Ф. Черданцев к таким принципам относит принцип материалистического подхода, который заключается в рассмотрении государства и права как явлений социальных, составляющих неотъемлемый элемент общественного устройства, социальный институт, сущность и характер которых предопределены социально-экономическим строем общества [5, с. 28]; принцип диа-

лектического подхода, означающий, что процесс научного исследования государства и права должен соответствовать правилам диалектической логики. А диалектические моменты в познании проявляются, с его точки зрения, в подходах [5, с. 29], наличие которых при этом не было отражено в определении методологии или метода, предложенных автором. Подходы, перечисленные А. Ф. Черданцевым, это те самые принципы, о которых говорит большинство авторов: исторический, всесторонности, объективности научного познания, ценностный (аксиологический) подход [5, с. 29–31].

М. Н. Марченко выделяет принципы всесторонности, историзма, комплексности [9, с. 18–19]. В. В. Лазарев одним из основополагающих принципов любого научного исследования называет принцип историзма (однако позже именует его методом), далее без указания на принципы говорит, что любое научное исследование должно быть всесторонним (очевидно, указывая на принцип всесторонности), а также то, что следует изучать государственно-правовые явления, ориентируясь на юридическую практику, на государственно-правовую действительность [7, с. 21].

В. Д. Перевалов среди традиционных принципов историзма, объективности и плюрализма выделяет важнейший принцип универсализма, при помощи которого обеспечивается возможность изучения конкретных государственных и правовых систем, их семей, групп и в то же время выявления общих для всех, глобальных закономерностей развития названных явлений [2, с. 22]. Принцип универсализма указывает на то, что при определении наиболее общих закономерностей возникновения и развития права и иных правовых явлений, теоретико-правовая наука должна исходить из их универсального характера, одновременно учитывая все многообразие указанных явлений в общественной жизни. С сожалением можно констатировать, что в отечественной теоретико-правовой науке указанный принцип далеко не всегда выделяется и учитывается при изучении государственно-правовых явлений. К примеру, вопросы, связанные с источниками права, правотворчеством, исследуются преимущественно с позиции национальной правовой системы России, при этом игнорируется международный опыт, не учитывается все многообразие правовых систем современности, что значительно обедняет теоретическую науку. И это особенно остро чувствуется в эпоху развития

правовой компаративистики. Есть основание предположить, что причиной тому стало недостаточное внимание к принципу универсализма и принципам познания науки в целом.

Таким образом, целесообразно выделять принципы в качестве структурного элемента методологии, понимать их как основополагающие начала, от которых отталкивается наука при изучении предмета, а в числе обязательных выделять принципы плюрализма, объективности, историзма, всесторонности и универсализма.

Завершает вопрос методологии классификация самих методов, тех самых рабочих приемов, посредством использования которых наука познает свой предмет. И здесь наблюдается множество подходов к терминологии, разобщенность классификации и неконкретность определения групп методов. Иногда можно встретить исчерпывающее понятие метода теории государства и права, но сами методы могут быть только перечислены в общем повествовании в очень сокращенном виде без уточнения их содержания [10, с. 22].

Анализируя учебную литературу, можно выделить несколько основных позиций, которых придерживаются авторитетные авторы учебников по теории государства и права. Первая позиция сводится к разделению всех известных методов на две группы. Чаще всего это группы общих (общенаучных) методов и частных (частнонаучных). Здесь наблюдается большое разнообразие в том, какие методы авторы относят к той или иной группе, и какого-либо единства здесь не наблюдается.

Так, А. Ф. Черданцев все методы объединяет в две группы: первая группа – это общенаучные методы, применяемые большинством наук, вторая – частнонаучные, свойственные группе наук. Выделяемые им ранее всеобщие методы, к которым А. Ф. Черданцев относил метод диалектической и метод формальной логики, в единой классификации методов никак не отражены. К числу общенаучных методов автор относит опять же диалектический метод и метод формальной логики, чем противоречит своим более ранним высказываниям, а к частнонаучным, используемым юридическими науками, в том числе и теорией государства и права, автор относит системно-структурный метод, метод сравнительного правоведения, конкретно-социологический метод, метод толкования и иные. Не совсем понятна следом иду-

щая классификация методов в зависимости от широты их использования на общие, применяемые всеми или большинством наук (структурно-функциональный, системный анализ), частнонаучные (не поясненные, очевидно, речь идет о методах, описанных выше) и специальные, присущие конкретной науке [5, с. 31–36]. Классификация практически не раскрывается и не совсем понятна ее значимость.

М. И. Абдулаев также классифицирует методы на общенаучные и частнонаучные, при этом не уточняя, по какому принципу. В числе общенаучных методов автор называет метод восхождения от абстрактного к конкретному, исторический, логический, системный, сравнительный, статистический и др. К частнонаучным методам он относит формально-юридический, кибернетический, статистический (отнесенный им ранее к общенаучным) и метод социологических исследований в праве. Каких-либо пояснений для частнонаучных методов, кроме простого перечисления, в данном учебнике не предлагается [6, с. 37–40].

В. В. Лазарев и С. В. Липень также выделяют общенаучные и частнонаучные методы исследования. Общенаучные методы – это самые общие подходы к исследованию, всеобщие принципы познания, используемые всеми науками. Далее речь идет о философских подходах, направлениях, выступающих в качестве методологической основы исследования, которые, по мнению ученых, не могут дать ответов на вопросы юридических наук и указывают лишь самые общие подходы к разрешению проблем. Поэтому используются различные приемы сбора, обработки, осмысления научной информации, так называемые частнонаучные методы исследования – это правила, приемы, способы непосредственного получения конкретного знания [7, с. 21–24]. Затем следует весьма своеобразная трактовка этих методов: «Они многообразны и зависят от уровня и направленности процесса исследования. Частнонаучными рассматриваемые ниже методы называются весьма условно, поскольку они имеют применение во многих науках, причем не только в гуманитарных. Это название не столько подчеркивает вообще частный характер разнообразных способов научного освоения действительности, сколько характеризует отношение последних к методологической основе, к так называемым общенаучным методам, к диалектико-материалистическому подходу» [7, с. 22]. К частнонаучным методам, с точки зрения

авторов учебника, следует относить практически все известные методы: конкретно-социологические (наблюдение, опрос, анкетирование, интервьюирование, эксперимент), логические (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, сравнение, моделирование и др.), структурно-функциональный, системный и филологический методы. Традиционно выделяемые методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, правового моделирования, правового эксперимента) отражены в тексте весьма пространно и обозначены только в предложенной схеме [7, с. 25] под названием специальных (специфических) методов, пояснение которых выглядит таким образом: «...на основе методов вышеперечисленных каждая наука вырабатывает свою методологию... в рамках каждой науки складываются особые традиции исследования своего предмета. Есть особенности и в методологии юридических наук, поэтому принято считать, что здесь сложились особые специально-юридические методы» [7, с. 24]. И далее идет отсылка к схеме. В которой, кстати сказать, частнонаучные методы названы междисциплинарными и перечислены в составе следующих методов: системного, сравнительного, конкретно-социологического, статистического, психологического и метода эксперимента. Можно сделать вывод, что схема предельно усложняет представление о методах и относимости их к какой-то группе.

Вторая позиция в рамках классификации объединяет все методы в три большие группы: общие (общенаучные), специальные и частнонаучные. Это более распространенная и отличающаяся некоторым однообразием позиция.

Такого подхода придерживался Н. А. Пьянов. Оставаясь верным своему определению (см. выше), он называл методы приемами исследования и писал, что это те конкретные методы, которые использует наука при изучении своего предмета. Он выделял методы общие или общенаучные – методы, которые вырабатываются науками философскими и используются не только теорией государства и права, но и практически всеми другими науками, это методы анализа, синтеза, моделирования, сравнения, системный и другие. Специальные методы – те, что вырабатываются специальными науками и широко используются теорией государства и права при исследовании ее предмета. Это методы математические, кибернетические, статистические, конкретно-социологические и иные. Частные методы – это методы, кото-

рые вырабатываются самой наукой теорией государства и права, это формально-юридический метод, метод сравнительного государствоведения, сравнительного правоведения и некоторые другие методы [4, с. 17].

М. Н. Марченко также разделяет методы на три группы. Первая – это методы общие, которые используются не только в теории государства и права, но и в других науках: методы сравнения, анализа, синтеза, абстрагирования, системного и структурного подходов, подведения менее общего понятия под более общее, восхождения от абстрактного к конкретному и др. Вторая группа – методы специальные. Они разрабатываются в рамках отдельных специальных наук и широко используются для изучения государства и права. Это методы математический, статистический, кибернетический, конкретно-социологический и др. [9, с. 21–22]. Очевидно, что серьезная разница между методами первой группы и второй не определена. Специальные методы также могут использоваться и в других науках, а значит могут быть отнесены и к первой группе методов. Частные методы, по классификации автора учебника, вырабатываются теорией государства и права и другими юридическими науками и используются только в пределах этих наук. Раскрывая только один метод, сравнительно-правовой, в числе этих методов, он называет также метод выработки правовых решений и метод толкования права.

Л. А. Морозова методы также объединяет в три группы. Первая – общеправовые, или мировоззренческие методы (диалектики, материализма, идеализма, метафизики), по сути, это философские подходы, о которых мы говорили выше, в учебнике они хорошо разъясняются с точки зрения того, как они могут быть использованы теорией государства и права. Вторая группа – общенаучные (общие) методы – это те, которые используются во всех или многих областях научного знания, во всех общественных науках, среди них исторический, логический, системный и функциональный методы. Своеобразно охарактеризована третья группа – частнонаучные методы. По мнению автора, они представляют собой использование теорией государства и права научных достижений технических, естественных, смежных общественных наук. Они имеют главным образом прикладное значение. Это метод конкретно-социологический, статистический, математический, кибернетический, моделирования. И неожиданно

выделяется в составе частнонаучных методов особая подгруппа – собственно юридические или специальные методы. Эта группа в целом не характеризуется, однако те два метода, которые Л. А. Морозова относит к ним, раскрываются ниже. Это метод формально-юридический и сравнительно-правовой [11, с. 23–27].

Классификация Л. А. Морозовой скорее может быть отнесена к третьей позиции по данному вопросу. Ее характеризует выделение четырех групп методов, первая из которых называется всеобщими методами (или методом), и, по сути, характеризует философские подходы, а три последующие группы схожи с предыдущей позицией разделения методов на общенаучные, специальные и частнонаучные. Так, В. М. Сырых в рамках классификации методов выделяет всеобщий философский метод, чья всеобщность выражается в том, что он используется во всех конкретных науках и на всех стадиях, этапах научного познания; общие методы – анализ и синтез, абстрагирование, системно-структурный подход, восхождение от абстрактного к конкретному, которые также используются во всех конкретных науках, однако сфера их применения ограничивается решением определенных познавательных задач и не охватывает всех стадий научного познания; специальные методы – статистические, конкретно-социологические, психологические, математические, разработанные конкретными науками и используемые для познания политико-правовых явлений; частные методы правовой науки. К их числу он относит методы толкования права, сравнительно-правовой метод и некоторые другие [3, с. 413].

В. Д. Перевалов также выделяет четыре группы методов. Первая группа – общеправовые методы, выступающие в качестве оснований юридической методологии (диалектический, метафизический методы, метод материалистической диалектики и методы субъективного и объективного идеализма; методы восхождения от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному и др.). Вторая группа – общенаучные методы, которые используются всеми современными науками, в том числе теорией государства и права (системный, синергетический, структурно-функциональный, метод моделирования, методы синтеза, анализа, индукции, дедукции, сравнения, аналогии и др.). Третья группа – частнонаучные методы, которые разрабатываются в рамках нескольких или отдельных отраслей знания (кон-

кретно-социологический, статистический, математический, кибернетический и др.). И четвертая группа – специально-юридические методы, учитывающие специфику государственных и правовых явлений. Они вырабатываются на базе мировоззренческих, обще- и частнонаучных методов, используются как самой теорией государства и права при исследовании своего предмета, так и отраслевыми юридическими дисциплинами (метод сравнительного правоведения и государствоведения, технико-юридический метод, метод толкования правовых норм, формально-юридический метод, метод юридической аналогии) [2, с. 20–23]. Автор подробно рассматривает только специально-юридические методы.

В учебнике Н. И. Матузова и А. В. Малько методы также классифицированы на четыре группы. Первая – это всеобщие методы (философские, мировоззренческие подходы: метафизика, диалектика, подразделяющаяся также на материализм и идеализм). Вторая группа – методы общенаучные. Это приемы, которые не охватывают все научное познание, а применяются лишь на отдельных его этапах, в отличие от всеобщих методов. К числу общенаучных методов авторы относят: анализ, синтез, системный и функциональный подходы, метод социального эксперимента. Третья группа – частнонаучные методы. На взгляд авторов учебника это приемы, которые выступают следствием усвоения теорией государства и права научных достижений конкретных (частных) гуманитарных наук. К ним относят конкретно-социологический, статистический, кибернетический, математический и др. Четвертая группа – это частнопровые методы, являющиеся сугубо юридическими: формально-юридический и сравнительно-правовой, каждый метод обстоятельно разъясняется [8, с. 17–21].

Учитывая, что философские подходы определяются в данной статье как самостоятельная категория, соответственно, в составе методологии науки предпочтительнее выделять только три группы методов:

1. Общенаучные – это такие методы, которые вырабатываются наиболее общими науками для познания своего предмета (логикой, социологией), но в силу универсальности этих методов они используются практически всеми другими науками, в том числе и теорией государства и права, для познания своего предмета. К числу таких методов следует относить конкретно-

социологические (наблюдение, опрос, анкетирование, интервьюирование, эксперимент), логические (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, гипотеза, сравнение, моделирование и др.), структурно-функциональный, системный, метод формализации и др.

2. Специальные методы – это методы, вырабатываемые специальными науками (математикой, статистикой, кибернетикой и др.) для познания своего предмета, но эти методы также могут быть заимствованы и другими науками, однако не в таком объеме, как методы общенаучные. К специальным методам следует относить статистические, конкретно-социологические, психологические, математические, кибернетические.

3. Частнонаучные методы – это методы, выработанные конкретной наукой для познания своего предмета и используемые только этой наукой в силу своей специфики. Для теории государства и права это методы формально-юридический, сравнительно-правовой, правового эксперимента, правового моделирования и некоторые другие. Особенности этой группы методов для юридической науки в целом состоят в том, что выработаны они теорией государства и права, которая в свою очередь решает методологические вопросы всей юридической науки.

Заслуживает внимания еще один подход к классификации методов, предложенный в юридической науке. Это распределение методов по группам в связи со структурой научного познания. Ее можно увидеть у А. Ф. Черданцева, который с этой точки зрения выделяет эмпирический уровень познания и такие характерные для него методы, как наблюдение, эксперимент, описание, измерение, а также методы, касающиеся не только фиксации фактов, но и их обобщения, сравнения, анализа, синтеза, классификации и систематизации, и теоретический уровень, связанный с выдвижением гипотез, формулировкой законов и созданием теорий, и это методы объяснения конкретных явлений (гипотетические, структурные, функциональные), методы абстрагирования (идеализации, обобщения) и методы обоснования гипотез и построения теорий [5, с. 32–33].

Еще более детально этот подход раскрывает в своей работе В. М. Сырых, он также говорит о стадиях эмпирического и теоретического познания в теории государства и права и уделяет методам соответствующих стадий достаточно пристальное внимание, выделяя при этом три группы методов. Первая группа – это мето-

ды сбора эмпирической информации. На стадии эмпирического познания в сфере теории государства и права используются методы толкования права, с помощью которых уясняется содержание, смысл правовых норм, воля законодателя, выраженная в нормативном акте; конкретно-социологические методы: наблюдение, анализ письменных источников (документов), анкетирование и интервьюирование, социально-психологические методы (тесты, шкалы). Вторая группа – это методы обобщения. От эмпирического наблюдения научное познание поднимается на более высокий уровень сравнения и индуктивно-статистического обобщения. В теории государства и права на этой стадии познания чаще всего применяются сравнительно-правовой и статистические методы. Третья группа – это догматический метод. Он относится к методам теоретического познания государства и права и включает метод восхождения от конкретного к абстрактному, а также совокупность общих логических методов: сравнения, аналогии, анализа, синтеза, абстрагирования, системных исследований [3, с. 414–420].

Есть основание считать этот подход достаточно интересным, способным обогатить основную классификацию методов, а в связи с вопросом о структуре науки и научного познания показать взаимодействие различных теоретических категорий между собой.

Завершая исследование, можно сделать вывод об очевидной разобщенности теории методологии, представленной в основных учебниках по теории государства и права. Она противоречива и сложна для восприятия своей основной аудиторией, студентами первого курса, на которых должны быть ориентированы эти учебники. Учебный курс Н. А. Пьянова в части вопросов методологии наиболее подходит для освоения вводной части курса по теории государства и права, отличается понятностью, стройностью изложения, способствует приобретению умений и навыков для использования в практической деятельности, в аналитических и прогностических исследованиях возможностей методологии.

Литература

1. Кожевников В. В. Проблемы методологии теории государства и права в современной юридической науке: критический анализ // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2009. № 3 (20). С. 5 – 12.
2. Первалов В. Д. Теория государства и права: учебник и практикум для СПО. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2017. 341 с.

3. Сырых В. М. Теория государства и права : учеб. для вузов. М. : Юстицинформ, 2006. 429 с.
4. Пьянов Н. А. Теория государства и права. В 2 ч. Ч. 1. Теория государства: учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. 283 с.
5. Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учеб. для вузов. М. : Юрайт-М, 2002. 432 с.
6. Абдулаев М. И. Теория государства и права : учеб. для высших учебных заведений. 3-е изд., доп. и перераб. М. : Экономика, 2006. 623 с.
7. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2018. 521 с.
8. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 3-е изд. М. : Дело АНХ, 2009. 528 с.
9. Теория государства и права : курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. 2-е изд. доп. и перераб. М. : Зерцало, ТЕИС, 1996. 475 с.
10. Венгеров А. Б. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов. М. : Омега-Л, 2004. 608 с.
11. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Российское юридическое образование, 2010. 384 с.

Methodology of science theory of state and law in works of N. A. P'yanov

© Parfyonova T. A., 2019

Abstract: the article deals with N. A. P'yanov's approach to the study of the methodology of science of the theory of state and law in terms of highlighting its components – approaches, principles and techniques. The urgency of allocation of the principle of universalism is emphasized. The article analyzes the effectiveness of the approach and its accessibility for the development and understanding of first-year students of the faculty of law.

Keywords: theory of state and law as a science, methodology, methods, principles of science, principle of universalism, academic discipline.

Парфенова Татьяна Андреевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Министерства юстиции Российской Федерации), г. Иркутск, Россия, e-mail: Parfenova_ta@mail.ru

Parfyonova Tatyana Andreyevna – Candidate of Science (Law), Associate Professor of Department of Theory and History of State and Law, Irkutsk Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Parfenova_ta@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 342.7.342.5

Проблемы государственно-правового регулирования этноконфессиональных общественных отношений с участием субэтносов Байкальского региона

© Арзуманов И. А., 2019

Аннотация. Рассматриваются проблемы, связанные с этнорегиональной идентичностью как фактора методологии исследования специфики государственного регулирования этноконфессиональных общественных отношений. Проводится анализ нормативных правовых актов, закрепляющих дефиниции социокультурологического порядка. Сделан вывод о деструктивном характере процессов реализации идеологической функции государства в сфере этноконфессиональных отношений в связи с нарушением принципа светскости государства. Обосновывается, что этноидентификация, связанная с процессами реализации прав коренных малочисленных народов на традиционный образ жизни и хозяйствования, должна быть обеспечена сменой модели государственно-конфессиональных отношений. Отмечается, что этнокультурные признаки субэтносов Байкальского региона должны быть учитываемы при формировании корпуса норм, регулирующих режим землепользования в условиях Прибайкальского национального природного парка.

Ключевые слова: этноконфессиональные общественные отношения, идентичность, государственно-правовое регулирование, идеология, коренные малочисленные народы, субэтнос.

Тема, касающаяся специфики процессов формирования этнорегиональной идентичности, безусловно, относится к одним из актуальнейших направлений социально-политических, культурно-правовых и этнопсихологических исследований, имеющих

междисциплинарный характер. Данные характеристики проявляются уже при рассмотрении социокультурных детерминант и ценностей как факторов интеграционного порядка, обеспечивающих единство социума, проживающего на определенной территории, имеющего общие духовно-нравственные основы культуры, язык, этноконфессиональные институты, территорию, публичную власть и формы хозяйственной деятельности. Мы необходимо выходим на вопрос о функции государства в духовной (идеологической) сфере, непосредственно обеспечивающей единство социокультурного, политико-правового и экономического пространств.

Специфика идеологической функции государства состоит в деятельности, направленной на сохранение объективно необходимых для воспроизводства социума ценностей, прежде всего, витального, духовно-интегративного порядка. Корреляция данных дефинитивных соотношений с экономико-психологическими параметрами проявляется в практике государственного регулирования правового положения коренных малочисленных народов (КМН), чьи права гарантируются положениями ст. 69 Конституции РФ [1] и субэтнотосов, не имеющих статусно-правовых признаков. Фиксируемая дуальность отличается, с одной стороны, попыткой регламентации со стороны законодателя признаков этноидентичности у КМН, с другой – социокультурные характеристики субэтнотосов, имеющих все основания для преференций своего социально-экономического бытия, не входят в предмет правового регулирования. Этнолого-правовые параметры предмета размышлений обуславливают и методологический аппарат, связанный, прежде всего, с социокультурным подходом, принципами всесторонности, историзма и объективности, а также общенаучными (системно-структурным), специальными (статистическим) и частнонаучными (формально-догматическим) методами исследования.

Рассмотрим данные положения на примере общин КМН и такого субэтнотоса Байкальского региона, как ольхонские буряты.

По данным, приведенным на сайте Министерства экономического развития Иркутской области, на ее территории проживают более 2 тыс. представителей КМН, чьи объединения имеют различные организационно-правовые формы. Основными из них являются родовые и территориально-соседские общины, общественные организации и национально-культурные центры. Опре-

деляя кровное родство в качестве основного признака организационно-правовой формы объединений КМН в качестве хозяйствующего субъекта, законодатель, тем не менее, не раскрывает значение термина «кровное родство». Так, данный институт зафиксирован в п. 4 ст. 1 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [3] (далее ФЗ № 82-ФЗ), в ст. 1 Федерального закона 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [2] (далее ФЗ № 104-ФЗ). Основным маркером прав КМН и традиционного образа жизни, согласно ст. 2 ФЗ № 82-ФЗ, являются самобытность социальной организации проживания и культуры, обычаи и верования. В п. 3 ст. 1 этого же закона закрепляется дефиниция «исконная среда обитания малочисленных народов». Структурно-смысловой код данной дефиниции в диалектической взаимосвязи определяет пространственные характеристики среды обитания с культурной и бытовой жизнедеятельностью, влияющие на процессы самоидентификации и образа жизни. Духовно-культурный и экономико-психологический факторы жизнедеятельности человека аккумулируются понятием «традиционный образ жизни», сохранение которого гарантируется государственными мерами обеспечения. В п. 2 ст. 1 ФЗ № 82-ФЗ традиционный образ жизни малочисленных народов структурно определяется в ряде элементов, каждый из которых носит подсистемный характер: 1) исторически сложившийся способ жизнеобеспечения малочисленных народов; 2) самобытная социальная организации проживания, 3) самобытная культура; 4) обычаи и верования. Статей 5 данного закона определяются правовые формы осуществления данных гарантий. К основным из них, кроме федерального и регионального законодательства, относятся и программы социально-экономического и культурного развития КМН. В их положениях также фиксируются понятия «традиционный образ жизни» и «хозяйственная деятельность», являющиеся одними из основных социоконсолидационных компонентов [3]. По сути, вся сфера проблематики формирования интегративных идеологием непосредственно увязана с понятием социальной памяти как выражения преемственности поколений и определяющих эту преемственность единства традиционных материальных, духовно-

ценностных и связанных с ними психологических детерминант общественного бытия.

Достаточно показательными в этом отношении являются положения ст. 1 ФЗ № 104-ФЗ, закрепляющие дефиницию «малочисленные народы». Ее смысловой акцент опосредован фактом проживания данных народов на «территориях традиционного расселения своих предков» при сохранении традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов. В этой связи заключительные положения п. 2 ст. 1 ФЗ № 122-ФЗ, фиксирующие обычаи и верования в качестве функциональных подсистем традиционного образа жизни КМН, выводят размышления на уровень кодов традиционной мировоззренческой системы большинства малочисленных народов – мифорелигиозный комплекс шаманизма.

В условиях миграционного «замеса» шаманизм конфессионализируется. Данные процессы (особенно в регионах Восточной Сибири) приводят к тому, что кровнородственные принципы социальной интеграции заменяется территориальным. Тем не менее, по сути, современное российское законодательство ставит в качестве предмета своего регулирования сохранение именно традиционных форм жизни КМН, связанного с «классическими» функциями шаманизма как мировоззренческого комплекса семейно-родового, кровнородственного уклада и традиционного образа жизни. Несмотря на то что режим государственно-конфессиональных отношений носит светский характер, согласно п. 2 ст. 5 ФЗ № 82-ФЗ определяется финансовый механизм осуществления программного корпуса сохранения традиций и верований, в том числе и «за счет средств федерального бюджета».

Вопрос о последствиях оттока коренного населения микшируется положениями ФЗ № 82-ФЗ о формах самоорганизации лиц, относящихся к малочисленным народам. Их объединение рассматривается в рамках кровнородственных, семейно-родовых или территориально-соседских форм. Цель – защита «исконной среды обитания, сохранения и развитие традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности, промыслов и культуры». Согласно п. 9 ст. 8 ФЗ № 82-ФЗ в за общинами КМН закрепляется право получения государственной помощи для «реформирования всех форм воспитания и обучения подрастающего поколения малочисленных народов с учетом традиционных образа жизни и

хозяйствования малочисленных народов». Таким образом, необходимо констатировать этнокультурное своеобразие идентификационного порядка коренных малочисленных народов, организационно-правовые формы, обеспечивающие им их правовой статус, связанные с ним преференции и гарантии сохранения и приумножения самобытности, которые являются базовыми маркерами при принятии органами государственной власти и органами местного самоуправления решений организационно-правового порядка.

Но как быть в случае, если этнотерриториальная группа, обладая всеми отмечаемыми признаками этноидентификационного порядка, характерными для КМН, формально таковой все же не является?

Каков механизм обеспечения данных процессов в конкретных социокультурных и политических условиях и каков механизм обеспечения этнорегиональной идентичности как фактора государственно-правового регулирования идеологической сферы общественных отношений?

В качестве примера рассмотрим ситуацию, связанную не с общинами КМН Восточной Сибири, а с населением Ольхонского района Иркутской области, в частности, с социокультурными аспектами этнотерриториальной группы ольхонских бурят, проживающих как на о. Ольхон, так и в средней части западного побережья оз. Байкал. Ольхонские буряты по своим этническим признакам принадлежат к тому типу субэтносов, чьи признаки определяются экосистемой территории проживания. Хозяйственно-экономические параметры – сохраненный номадный способ производства (полукошечное скотоводство при ограниченных ресурсах для выпаса скота) и наличие возможности рыбных промыслов и охоты на байкальского тюленя – определили в течение длительного времени специфику хозяйственно-культурного типа ольхонских бурят. В своем единстве этно- и эколого-природная специфика хозяйственно-культурного типа ольхонских бурят образуют уникальный и этноэкологический рефугиум – территорию Прибайкалья, включающую в себя ареал проживания ольхонских бурят – западное побережье оз. Байкал (Приольхонье) и о. Ольхон (с 1996 г. участок Всемирного наследия) [4, с. 46]. Рефугиумный характер этноэкологической ниши ольхонского Прибайкалья определяется и тем, что сам о. Ольхон, историко-культурные памятники, находящиеся на его территории (связанные с традици-

онным мифорелигиозным мировоззренческим комплексом шаманизма ольхонских бурят), определяются в качестве одного из базовых оснований общей этнической идентификации бурятского народа в целом [4, с. 47]. Безусловно, сохранение и развитие присущего данному субэтносу этнокультурного потенциала, связанного с природосберегающими традициями хозяйствования, является неотъемлемым условием устойчивого социально-экономического развития данной территории. Остров Ольхон, согласно ст. 2 Федерального закона от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» [4], входит в центральную экологическую зону. К особо охраняемым природным территориям относятся и территории Прибайкальского национального парка, созданного 13 февраля 1986 г. Решение о создании парка, принятое на излете советской эпохи, установило особый организационно-правовой режим использования данной территории, внесший коренные коррективы в хозяйственно-экономическую и социокультурную жизнь местного населения. С особой остротой на современном этапе встает вопрос о согласовании политики сохранения национальной идентичности с конкретикой организационно-правового режима прибайкальской территории. В результате сформированного в период с 1986 г. корпуса нормативных правовых актов коренное население о. Ольхон оказалось в условиях императивного запрета или ограничения на целый ряд традиционных форм ведения хозяйствования и природопользования. Мониторинг нормативного массива федерального и регионального законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере землепользования в режиме Прибайкальского национального парка (без учета нормативных актов, связанных с деятельностью по охране озера Байкал и выполнения Федеральной целевой программы «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012–2020 годы»), абсолютное большинство входящих в него норм, регламентирующих данные отношения с участием местных органов самоуправления, фиксируют обязательность участия данных органов в решении вопросов охраны окружающей среды. Так, п. 4 ст. 2 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [5] дает понимание окружающей среды как основы жизнедеятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации, а в ст. 1 понятие «охрана окружаю-

щей среды» определяется как деятельность, в том числе и органов местного самоуправления, «направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий...», причем в ст. 3 такая деятельность определяется в качестве обязательной. Федеральный закон «Об охране озера Байкал» в 2014 г. закрепляет возможность выделения территорий традиционного природопользования на Байкальской природной территории (ст. 9), а также нормированный режим пользования земельными ресурсами в центральной экологической и буферной экологической зонах (ст. 10).

Сам термин «территория традиционного природопользования» относится преимущественно к особым субъектам природоохранных общественных отношений, основными из которых являются общины КМН Сибири и Дальнего Востока. Встает вопрос, насколько он применим для групп населения, не имеющих организационно-правового статуса данного вида некоммерческих организаций.

Как результат – основная масса населения о. Ольхон попадает под действие охранительных норм российского законодательства относительно территории их проживания без учета этнического своеобразия и культуры самих носителей этих признаков.

Таким образом, констатируется конфликт интересов местных жителей и органов местного самоуправления, получающих прямой и опосредованный доход от собственного местобытования, государства и представителей туристического бизнеса, расширяющих свое присутствие, в том числе и за счет китайского фактора.

Основной проблемой, вытекающей из создавшегося положения, являются противоречия, складывающиеся из условий правового регулирования режима землепользования территорий, принадлежащих национальным паркам, и передела полномочий органов местного самоуправления.

Это проблема носит общий характер и в случае с той или иной этногруппой, проживающей на данной территории, выражает диалектические противоречия между различными типами хозяйствования, а также частными и публичными интересами.

В результате создано такое положение, при котором, с одной стороны, этнокультурное наследие объективно является предме-

том позитивно-правовой охраны, а с другой – носители историко-культурных традиций – этногруппа ольхонских бурят – в условиях существующего режима землепользования национального природного парка оказываются в ситуации ограничения условий и видов традиционного хозяйствования. В создавшейся ситуации необходимо начать искать правовые способы решения проблемы с учетом интересов населения входящих в территориальные образования местных органов самоуправления и интересов мирового сообщества, чьим общим наследием является оз. Байкал. Ольхонские буряты как субэтнос не принадлежат по своим характеристикам к малочисленным народам Севера и Дальнего Востока, потому не могут претендовать на целый ряд социально-экономических преференций, гарантированных КМН международным и общероссийским законодательством.

Решать данную проблему необходимо с учетом и практической реализации положений ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды», предполагающей в этих целях «обеспечение сочетания общего и индивидуального подходов к установлению мер государственного регулирования в области охраны окружающей среды, применяемых к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим хозяйственную и (или) иную деятельность или планирующим осуществление такой деятельности».

Но в настоящий момент региональный законодатель ориентирован на переселение граждан, постоянно проживающих в поселениях, находящихся в центральной экологической зоне Байкальской природной территории. Так согласно положениям ст. 2 (п. 2–4, 5, 10), Закона Иркутской области от 28 декабря 2015 г. № 146-оз «О бесплатном предоставлении земельных участков в собственность граждан» [6] данные лица могут выбрать другое место, где им бесплатно предоставят участки для индивидуального жилищного строительства и ведения личного хозяйства.

Но в таком случае вопрос о том, как быть с возрождением этнокультурных традиций природосберегающего хозяйствования и вытекающими из них этноэкологическими принципами, остается предметом дальнейших размышлений. В этой связи возникает ряд вопросов макро-методологического порядка, требующих своего осмысления и касающихся общего режима государственно-этноконфессиональных отношений. С одной стороны, встает во-

прос о соотношении форм традиционного образа жизни и хозяйствования с позиций их этнорелигиозной детерминации, а с другой – о соответствии данного порядка вещей положениям ст. 14 Конституции РФ в п. 2, декларирующей принцип отделенности религиозных объединений от государства. Безусловно, каждый народ, проживающий на территории Российской Федерации, имеет право на реализацию своих интересов в области социально-экономической жизни и духовной культуры.

Но процессы формирования этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины должны проходить в рамках принципов правового регулирования и соответствовать конституционным положениям. Вопрос о необходимости государственной помощи в процессах реализации прав КМН должен быть решен вкупе с вопросом о смене режима светскости государственно-этноконфессиональных отношений на режим, предполагающий признание в качестве государственных ряда традиционных институциональных форм религиозной культуры. Это, несомненно, будет способствовать адекватности принимаемых правовых и управленческих решений существующему порядку общественных отношений, а также содействовать формированию позитивного образа малой родины.

Литература

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с послед. изм.). // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
2. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : федер. закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
3. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : федер. закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
4. Об охране озера Байкал : федер. закон от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
5. Об охране окружающей среды : федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
6. О бесплатном предоставлении земельных участков в собственность граждан : закон Иркутской области от 28 дек. 2015 г. № 146-оз
7. Жамбалова С. Г. Профанный и сакральные миры ольхонских бурят XIX–XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2002. 516 с.

Problems of state and legal regulation of ethno-confessional public relations with the participation of sub-ethnic groups of the Baikal region

© Arzumanov I. A. 2019

Abstract. The problems associated with ethno-regional identity as a factor in the methodology of studying the specifics of state regulation of ethno-confessional social relations are considered. The analysis of normative legal acts fixing the definitions of the socio-cultural order is made. The conclusion is made about the destructive nature of the processes of realization of the ideological function of the state in the field of ethno-confessional relations in connection with the violation of the principle of secularity of the state. First, ethno-identification associated with the processes of ensuring the rights of indigenous peoples to the traditional way of life and management should be provided by changing the model of state-confessional relations, and secondly, the ethnocultural characteristics of the sub-ethnic groups of the Baikal region should be taken into account when forming the body of norms governing the land use regime under Baikal National Natural Park.

Keywords: ethno-confessional social relations, identity, state and legal regulation, ideology, indigenous peoples, subethnos.

Арзуманов Игорь Ашотович – кандидат философских наук, доцент, доктор культурологии, профессор кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: arzumanov@mail.ru

Arzumanov Igor Ashotovich – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Doctor of Culturology; Professor of Department of Constitutional Law and Theory of Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: arzumanov@mail.ru

УДК 343.301

Актуальные вопросы противодействия экстремизму в России

© Базардашиева Е. П., 2019

Аннотация. Рассматриваются вопросы противодействия экстремистской деятельности. Анализируется судебная практика рассмотрения уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности и вносятся предложения по предупреждению экстремизма в России.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, противодействие экстремизму.

Противодействие экстремизму – одна из важнейших задач в сфере обеспечения национальной безопасности. Экстремизм в соответствии со Стратегией противодействия экстремизму в Рос-

сийской Федерации до 2025 года, является источником угрозы национальной безопасности Российской Федерации. Стратегия национальной безопасности также содержит оценку состояния и тенденций развития экстремизма, исходя из которой можно заключить, что главной опасностью для современной России становятся национализм, ксенофобия, сепаратизм и религиозный радикализм, на базе которого возрастают политический экстремизм и терроризм [1].

В отечественном законодательстве понятие экстремистской деятельности закреплено в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» [2]. Данное понятие весьма широкое. В усеченном виде его можно сформулировать следующим образом: экстремизм – это насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность, а также возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни. В этом же Федеральном законе законодатель определил, что основными направлениями противодействия экстремистской деятельности являются: профилактика; выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности.

Деятельность, направленная на борьбу с экстремизмом, регулируется также нормами международного права. В частности, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001 г. предусматривает меры по борьбе с экстремистской деятельностью и терроризмом [3].

Анализируя статистику числа преступлений экстремистской направленности в Российской Федерации за последние годы, можно сделать следующие выводы: с 2011 по 2017 г. отмечается их резкий рост, с 622 до 1521 преступления в год соответственно. Однако за 2018 г. число зарегистрированных преступлений экстремистской направленности по сравнению с 2017 г. было уменьшено на 17 % (256 преступлений) [4].

В УК РФ в ч. 2 примечания к ст. 282¹ сформулировано понятие преступлений экстремистской направленности [5]. Это преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти/вражды либо по мотивам ненависти/вражды в отношении какой-либо социальной группы.

20 сентября 2018 г. было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности”» [6]. В нем Верховный Суд призывает судей более внимательно изучать вопросы виновности, направленности умысла, цели обвиняемого. Следует отметить, что Постановление оказалось своевременным и возымело позитивные последствия – приговоры по многим делам по ч. 1 ст. 282 УК были отменены. Как пример, можно привести дело 2016 г., когда лицо приговором суда было осуждено за размещение публикации в интернете, изображение и текст которой направлены на формирование враждебно-презрительного отношения к представителям этнической группы, так называемый экстремистский репост. Очевидно, что общественная опасность деяния минимальна, и тем не менее особых дискуссий касательно аспектов виновности лица, наличия в его действиях прямого умысла не велось. В конечном счете приговор по делу был отменен.

Частичная декриминализация ст. 282 УК РФ – одно из самых резонансных изменений уголовного законодательства. Сейчас за возбуждение ненависти либо вражды (без квалифицирующих признаков) согласно Федеральному от 27 декабря 2018 г. «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» установлена уголовная ответственность с административной преюдицией [7]. В пояснительной записке указывается, что единичные случаи размещения соответствующих материалов не обладают признаком общественной опасности и не посягают на основы конституционного строя.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что за последний год произошла некоторая гуманизация в сфере уголовной ответственности по делам экстремистской направленности.

На основе анализа научных работ [8–11] считаем, что наиболее эффективным в данном случае будет уделить особое внимание профилактике экстремистской деятельности, причем, опираясь на материалы судебной практики, считаем, что проводить ее следует не только в среде молодежи, но и среди взрослого населения. Предупреждая всю опасность такого негативного явления, как экстремизм, а также указывая на его юридические последствия через информационное просвещение, органы государ-

ственной власти и местного самоуправления будут способствовать уменьшению числа преступлений экстремистской направленности на основе повышения уровня правосознание и роста юридической грамотности населения России.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собр. законодательства РФ. 2016. №1 (ч. II).

8. О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ : в ред. от 28 ноября 2018 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом : заключена в г. Шанхае 15 июня 2001 г. // Собр. законодательства РФ. 2003. № 41 (13 октября).

3. Портал правовой статистики : офиц. сайт. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 12.11.2019).

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 16.10.2019) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

4. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 сент. 2018 г. № 32 // Российская газета. 2018. 27 сент.

5. О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 27 дек. 2018 г. № 519-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8445.

6. Криминология. Особенная часть. В 2 т. Т 2 : учебник / П. В. Агапов [др.]. М., 2018. 311 с. (Сер. 58, Бакалавр. Академический курс)

7. Евдокимов К. Н. Особенности субъективной стороны состава преступления при нарушении правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ) // Мировой судья. 2019. № 6. С. 28–32.

8. Меркурьев В. В., Агапов П. В. Конституционные основания противодействия экстремистской деятельности // Законность. 2019. № 4 (1014). С. 8–13.

9. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму : учеб. пособие / А. В. Юрковский, К. Н. Евдокимов, В. М. Деревскова, И. А. Кузьмин / под ред. А. В. Юрковского. Иркутск, 2018. 183 с.

Topical issues of countering extremism in Russia

© Bazardashieva E. P., 2019

Abstract: The scientific article is devoted to countering extremist activities. The author analyzes the judicial practice of consideration of criminal cases on crimes of extremist orientation and makes proposals for the prevention of extremism in Russia.

Keywords: extremism, extremist activity, counteraction to extremism

Базардашиева Елена Пурбуевна – студент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия, e-mail: bazardashievale@mail.ru

Bazardashieva Elena Purbuevna – Student, Irkutsk Law Institute (branch) of University of Prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: bazardashievale@mail.ru

УДК 241+316.74:2

Проблема религиозности и социальная стабильность

© Бирюлина Т. В., 2019

Аннотация. Рассмотрены результаты социологических опросов, касающихся соотношения религиозности и социальной стабильности (социального благополучия, нравственного поведения, толерантности). Полученная отрицательная корреляция между религиозностью и социальной стабильностью указывает на кризис религиозности в современном обществе.

Ключевые слова: духовность, религиозность, социальная стабильность, современное общество

В современном обществе религия является одним из факторов, влияющих на социальную стабильность. Результат этого влияния оценивается неоднозначно.

Так, в ряде работ признается положительное влияние религии на культуру и общество. Например, религия рассматривается как первооснова культуры и социальной стабильности [1, с. 246–254], подчеркивается, что религия выполняет функцию стабилизатора социально-экономической системы, развивает социокультурную сферу [2].

С другой стороны, существуют исследования, которые выявили расхождение с распространенным представлением о том, что уровню религиозности общества прямо пропорционально его социальное благополучие. Так, в работе [3] приведены результаты комплексного кросс-национального анализа связи религиозности населения и 25 социально-экономических показателей благополучия общества (число убийств и самоубийств (в том числе среди молодежи), число абортотв и число родов среди несовершеннолетних, частота заболеваний венерическими заболеваниями (в том числе среди подростков), потребление алкоголя, число бракосочетаний и разводов, детская смертность, продолжитель-

ность жизни, уровень удовлетворенности жизнью, уровень коррупции, безработицы, бедности и др.) Исследования проводились в 17 процветающих странах «первого мира» с населением около 4 млн человек и более. При оценке уровня религиозности рассматривалось традиционное религиозное мировоззрение (в частности, вера в Бога-творца, регулярное посещение коллективных богослужений, регулярные молитвы, вера в загробную жизнь, рай и ад и т. п.) и не учитывались суеверия и паранаучные представления. Эти исследования показали, что по совокупности показателей в целом наиболее религиозные общества являются наименее благополучными и наоборот.

В массовом сознании современного общества также прослеживается возрастающая тенденция не связывать религиозность (веру в Бога) и личную нравственность. Так, в исследовании социологов Pew Research Center [4] респондентам был задан вопрос: «Необходима ли вера в Бога для того, чтобы быть нравственным человеком?». В опросе приняли участие более 40 000 человек из 40 стран мира. В странах Африки, Латинской Америки, Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем Востоке (в 23 странах из 28 рассмотренных) у более чем 50 % респондентов ответ был положителен. В странах Европы и Северной Америки (во всех принявших участие в опросе 11 странах, за исключением США), ответ был у большинства отрицательный (в среднем у 68 % опрошенных). В России 55 % респондентов ответили, что нет необходимости верить в Бога, чтобы быть нравственным и было только 38 % тех, кто такую связь признает. При сравнении полученных результатов опроса с экономическим уровнем развития каждой из стран видна зависимость: связь веры и нравственности характерна для более бедных стран, в то время как в более богатых прослеживается обратная зависимость. Также в некоторых странах, особенно в Европе и Северной Америке, результаты достаточно заметно отличаются в зависимости от возраста и уровня образования опрошенных. Так, в целом люди в возрасте старше 50 лет и те, кто не имеет высшего образования, более склонны связывать мораль с религией. Более молодое поколение по большей части уже имеет иное мировоззрение.

На независимость нравственности от религии в современном обществе указывают и другие работы, исследующие связь нравственного поведения и религиозности человека. Так, в ряде ис-

следований [5] было выявлено, что более религиозные люди выказывают меньшую способность к состраданию и сопереживанию, толерантности, проявлениям альтруизма, чем менее религиозные люди, агностики и атеисты. В трех разных по условиям экспериментах (в которых приняли участие 1300, 100 и 200 человек соответственно) предлагалось поделиться деньгами с незнакомым человеком (бездомными, страдающими от нищеты детьми и спонсором проводимого эксперимента). Причем в последних двух случаях – деньгами, полученными в ходе эксперимента, а в первом – ответить на соответствующие вопросы. Результаты этих экспериментов оказались одинаковыми: наиболее религиозные участники были менее склонны к тому, чтобы делиться деньгами, а нерелигиозные – более склонны к состраданию и помощи другим. Исследователи также делают вывод, что нерелигиозные люди при принятии решений о помощи нуждающимся больше руководствуются эмоциональным восприятием, а для религиозных больше оказывается важна репутация и принадлежность к своей группе.

Также представления о том, что религиозность не зависит от нравственности, коррелирует с исследованиями связи альтруизма и религиозности [6], проведенными в шести странах (Канада, Китай, Иордания, Турция, США, Южная Африка) среди 1170 детей в возрасте 5–12 лет. В окончательную выборку попали дети образованных верующих родителей из христианских и мусульманских семей, а также дети атеистов. Во всех странах родители в религиозных семьях сообщали, что их дети проявляют больше сочувствия и чуткости к справедливости в повседневной жизни, чем нерелигиозные родители. Однако оказалось, что дети верующих родителей являлись более жадными, чем дети атеистов. Наименее отзывчивыми оказались дети мусульман. Результаты исследования также показали, что с возрастом дети, независимо от религиозного воспитания, становятся более щедрыми. Также в результате исследования оказалось, что религиозность (независимо от страны, в которой проводилось исследование) не только была обратно пропорциональна альтруизму детей, но положительно коррелировала с нетерпимым отношением к другим, с большей склонностью осуждать чужие проступки. Авторы делают вывод, что религия отрицательно влияет на альтруизм детей, а религиозность не способствует просоциальному поведению, т.е. поведению, которое приносит пользу другим людям или обще-

ству в целом и не имеет очевидной пользы для людей, такие поступки совершающих.

Уровень толерантности, неагрессивности является еще одним аспектом социальной стабильности. В связи с этим можно привести результаты исследования, в котором анализировалась зависимость религиозности и отношения к другим социальным группам и меньшинствам, т. е. исполнение одной из важнейших библейских заповедей «Возлюби ближнего твоего» [7]. В данном онлайн исследовании приняло участие 249 американцев, исповедующих различные религии, и анализировалась связь между религиозностью и любовью к членам группы, которые являются «иными», «другими» по отношению к нашим понятиям о норме [8], или согласно библейскому выражению «любовью к ближнему» (Лк. 10:25–37). Была выявлена положительная корреляция между религиозностью и толерантностью по отношению к другим этническим/расовым группам (арабы, афроамериканцы и латиноамериканцы). К группам же, нарушающим моральные и традиционные ценности (лесбиянкам, геям и атеистам), религиозные люди относились менее терпимо.

Таким образом, мы можем видеть, что религиозность современного человека имеет плохую или даже отрицательную корреляцию с нравственностью, альтруизмом, неагрессивностью. Но если взять, например, библейское понимание религии и религиозности, то можно увидеть однозначную прямую корреляцию между верой в Бога и нравственностью. Также исторически именно в религиозной среде были сформулированы первые нравственные нормы и исполнение их было маркером религиозности. В современном же мире получается, что приобщение к религии не только не дает интенсивного личностного роста, но и оказывает отрицательное на него влияние.

Более того, некоторые исследователи [3] полагают, что между высоким уровнем социальной стабильности (как отражением нравственности общества) и религиозностью существует обратная связь: чем стабильнее социальная и экономическая ситуация в обществе, тем менее люди склонны обращаться к религии, в которой они ищут, прежде всего, возможность освободиться от тревожности и стресса, защиту и утешение. Поэтому массовый отход от веры в Бога в современном обществе является естественной реакцией людей на улучшение условий их жизни. Или

даже более кардинальный вывод: религиозность общества может негативно влиять на общественное благополучие, тормозить его рост. Таким образом, религия рассматривается, прежде всего, как выполняющая компенсаторную функцию в обществе.

В [9, с. 208–210] приведены следующие функции религии: мировоззренческая, компенсаторная, коммуникативная, регулятивная, интегрирующе-деинтегрирующая, культуротранслирующая, легитимирующе-разлегитимирующая. Компенсаторная функция восполняет ограниченность, бессилие, зависимость людей, переориентируя человека с непосредственных проблем на то или иное их разрешение в духовной сфере. А также дает психологическую компенсацию в качестве снятия стресса, утешения, катарсиса, духовного наслаждения. Регулятивная функция состоит в управлении деятельностью и отношениями, сознанием и поведением людей и групп, большое значение для которых имеет система моральных норм, контроля, поощрения и наказания. Легитимирующе-разлегитимирующая функция узаконивает непреложное высшее требование, устанавливая должность или неправомочность каких-либо явлений.

Выделение таких функций религии следует анализу кризисного состояния религии, описанному еще в XIX в. Л. Фейербахом [10]. Он переосмысляет традиционно религиозное представление о сути религии и отношении человека к Богу, но сводит их не к невежеству и необразованности верующих, а подчеркивает психологический аспект веры как иллюзорное решение задач осуществления естественных желаний человека сверхъестественным путем. Фейербах рассматривает религию как форму отчуждения: человек ощущает собственное бессилие перед силами природы и общества, осознает собственную конечность и проецирует свои лучшие качества на трансцендентного Бога. Отчуждение человека от самого себя искажает бытие человека, проблематизирует самого человека. Чтобы преодолеть это отчуждение, человек должен возвратиться к самому себе: божественные предикаты, являющиеся отчужденной человеческой сущностью, должны быть возвращены с небес на землю, откуда они были украдены и спроецированы на некое совершенное Существо, на воображаемый Субъект, перед которым падает ниц в поклонах обворованный человек. Вера обуславливает и закрепляет это чувство зависимости, несвободы. Согласно Фейербаху, христианство должно быть

отвергнуто и заменено философией и политикой. Такие политические функции религии в современном обществе описаны выше [9].

Так, Фейербах еще в свое время, описывая современную ему религию, обратил внимание на эту проблему – отчуждение человека от самого себя и своего внутреннего мира и, соответственно, нездоровое явление религиозности. Мы не будем вдаваться в анализ причин такого кризисного состояния религиозности (поскольку это далеко выходит за рамки данной работы). Следует лишь отметить, что начавшаяся с эпохи Просвещения ориентация на материальный мир и деятельность в нем и, соответственно, утрата внутреннего религиозного (духовного) делания и даже самого представления о нем привела к неумению верить и кризису религиозности [11].

Выделенные в [9] регулятивная и легитимирующе-разлегитимирующая функции религии отражают взгляд на нравственный аспект в религии как систему тотальных абсолютных норм и запретов, регулирующих поведение человека. В состоянии мировоззренческого хаоса современного постмодернистского общества и непроработанности духовной сферы личности это дает некоторое пристанище человеку и душевную стабильность, но не отражает основную функцию религии – помощь в духовном самостроительстве, созидании внутреннего, духовного пространства человека. Эта духовная сфера вообще оказывается очень слабо развита у современного человека.

В частности, некоммерческая социологическая служба «Среда» проводила в 2013 г. всероссийский репрезентативный опрос 1500 человек, выясняя причину, побуждающую их к посещению богослужений [12]. Среди наиболее распространенных причин обращения к церкви были, с одной стороны, трагические события, болезни, смерть близких (около 25 %), с другой – воспитание, влияние семьи, близких и друзей (около 30 %). Размышления о смысле жизни и духовный поиск назвали лишь 5 % респондентов. Но большая часть опрошенных (68 %) вообще не смогла назвать причину своего обращения к вере и религии.

Основная же функция религии – помогать человеку в его духовном самостроительстве, давать не столько готовые нормы и правила жизни, сколько указывать ориентиры бытия человека, раскрывать его духовную сферу. Так, например, Э. Фромм [13] относит, в частности, христианство к гуманистическим религиям,

способствующим личностному росту, самореализации, саморазвитию человека. В христианстве используется аристотелевская концепция о том, что человек в своем природном состоянии еще не соответствует тому, чем он должен быть. Для преодоления этого должна быть работа человека над самим собой, чтобы достичь цели своего существования – блага. Достичь этой цели человек может, развивая в себе добродетели, «силы и качества ума и сердца, которыми должны обладать люди, чтобы воистину стать образом и подобием Божиим» [14, с. 237]. Первоначальным и самым важным является духовный опыт [15] и усилия человека, прежде всего, должны быть направлены вовнутрь, чтобы жить в соответствии со своей духовной сущностью. Также внутренняя укорененность дает уверенность и спокойствие относительно своего положения и, соответственно, ровное отношение к «другому», что выражается в толерантном отношении [16].

Кризис духовности современного общества – является одной, если не основной, из глобальных проблем нашего мира. Это ярко выражается в философии постмодернизма, подчеркивающей онтологическую бездомность человека, растворение его в витальных, технических, семантических и других процессах, сведение истины и моральных норм к субъективному предпочтению и т. п. Поэтому для современного общества характерна в целом поверхностная религиозность, лишенная глубокого духовного содержания.

Литература

1. Культурология : учебник для академического бакалавриата / под ред. А. С. Мамонтова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во Юрайт, 2019. 307 с.
2. Бондаренко Г. И. Межконфессиональный диалог: религия как фактор социальной стабильности [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 4. С. 34–38. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Bondarenko.pdf (дата обращения 01.09.2019)
3. Gregory Paul. The Chronic Dependence of Popular Religiosity upon Dysfunctional Psychosociological Conditions // Evolutionary Psychology. 2009. V. 7(3). P. 398–441
4. Worldwide, many see belief in God as essential to morality. Richer nations are exception. Syrvy report, Updated 27.05.2014. [Электронный ресурс] URL: <https://www.pewresearch.org/global/2014/03/13/worldwide-many-see-belief-in-god-as-essential-to-morality/> (режим доступа 01.09.2019)
5. Highly religious people are less motivated by compassion than are non-believers. [Электронный ресурс] URL: <http://news.berkeley.edu/2012/04/30/reli-gionandgenerosity>, (дата обращения: 01.09.2019)

6. Decety J., Cowell J.M., Mahasneh R., Malcolm-Smith S., Selcuk B., Zhou X. The Negative Association between Religiousness and Children's Altruism across the World. // *Curr.Biol.* 2015 Nov. 16;25(22), 2951–2955
7. Megan Johnson Shen, Megan C. Haggard, Daniel C. Strassburger, Wade C. Rowatt Testing the love thy neighbor hypothesis: Religiosity's association with positive attitudes toward ethnic/racial and value-violating out-groups // *Psychology of Religion and Spirituality*, 2013, Vol. 5, pp. 294–303. [Электронный ресурс] URL: <http://www.baylorisr.org/wp-content/uploads/Shen-et-al-2013-allophilia-PRS.pdf> (режим доступа: 01.09.2019)
8. Pittinski, T. L. *Crossing the divide: Intergroup leadership in a world of difference*. Boston: Harvard Business School Press, 2009. 320 p.
9. *Религиоведение : учеб. для бакалавров / под ред. И. Н. Яблокова. М. : Издательство Юрайт, 2014. 479 с.*
10. Фейербах Л. *Сущность христианства*. М., Мысль, 1965. 414 с.
11. Ильин И. А. *Аксиомы религиозного опыта* : в 2 т. М.: Парогъ, 1993. 448 с.
12. *Дорога к храму*. [Электронный ресурс] URL: <http://sreda.org/opros/51-kakaya-doroga-vedet-k-hramu> (дата обращения: 01.09.2019)
13. Фромм Э. *Догмат о Христе*. М. : Олимп, АСТ-ЛТД, 1998. 416 с.
14. Хопко Ф. *Основы православия*, репр. изд. Минск: Полифакт, 1991. 344 с.
15. *Фельми К. Х. Введение в современное православное богословие*. М. : Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, 1999. 290 с.
16. Аверинцев С. *Когда рука не сожмется в кулак* [Электронный ресурс] // *Век XX и мир*. 1990 № 7. URL: <http://www.berkovich-zametki.com/November26/Averincev1.htm> (дата обращения: 01.09.2019)

Problem of religiosity and social stability

© Biryulina T. V., 2019

Abstract. The results of several sociological surveys concerning the dependence of religiosity and social stability (social wellbeing, moral behavior, tolerance) are considered. The negative correlation between religiosity and social stability indicates a crisis of religiosity in contemporary society.

Keywords: spirituality, religiosity, social stability, contemporary society.

Бирюлина Татьяна Владимировна – кандидат физико-математических наук, доцент, кафедра религиоведения и теологии, исторический факультет; Иркутский государственный университет; г. Иркутск, e-mail: tatb1@yandex.ru

Biryulina Tatiana Vladimirovna – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Department of Religious Studies and Theology, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: tatb1@yandex.ru

Религиозный опыт и репродуктивное поведение человека

© Бобков А. А., 2019

Аннотация. Обозначается отрицание духовной составляющей репродуктивного поведения в условиях современного демографического кризиса все отчетливой. Описывается, что биологизация бытия человека соседствует с его технизацией, влекущими дегуманизацию и дегуманитаризацию репродуктивной составляющей его существования. Религиозный опыт в данном контексте рассматривается как мировоззренческая альтернатива утрате смысла бытия человека через отрицание духовного репродуктивного поведения.

Ключевые слова: демографический кризис, религиозный опыт, репродуктивное поведение, инфантилизация, дегуманизация.

Обозначив объектом своего исследования связь религиозного опыта и репродуктивного поведения человека, мы тем самым вызовем скептическое отношение тех исследователей, которые строят свои теоретические или эмпирические модели поведения на атеистическом или антиклерикальном мировоззрении, а то и на неолиберальной идеологии (феминизм). Как выразилась одна из студенток: «Развели тут чадородие и чадолюбие». А ведь если вдуматься в происхождение этих слов, то глагол «чати» перешел в глагол «зачать» или «начать». Отсюда чадородие – это рождение начала, а чадолюбие – любовь к началу, а любовь к началу – это философия. Конечно, можно искать более глубоко и проводить этимологический анализ более скрупулезно, но не в данном случае. Нас волнует то, что вызывает столь злую иронию со стороны многих молодых людей.

Ее причина кроется в трех явлениях социального характера – религиозофобии, инфантилизме и этнофобии. А если воспользоваться концепцией И. Канта, то это одномерное «пользование собственным умом» без самотрансценденции.

Отрицание коллективных представлений, порождающее манипуляции сознанием молодых людей со стороны моделирующих общество сверхпотребления, не может быть основанием творческого инакомыслия, но легитимирует дезертирство от отцовства, материнства. Эта легитимация ведет к тому, что инфантильное «детство» растягивается во времени и социальном про-

странстве, изымая из социальной реальности подлинный мир детства. Не происходит взросления через ответственность за свое чадо и понимание любви как вечной жертвы, ведущей к наличию вечности.

Проживание «в парадигме отрезков» (А. Г. Дугин), когда одно коллективное состояние кажется пережитым, навсегда отрезанным, выгодно капитализации бытия, его технизации, но не гуманизации и гуманитаризации. В данном случае гуманизация может быть определена как многодетность, а гуманитаризация как воспитание в условиях господства коллективных представлений. Осознаем, что такие трактовки понятия не бесспорны, но они указывают на основу декапитализации поведения личности, которая в первую очередь указывает на религиозный опыт. В данном случае религиозный опыт выступает как практики жертвы тем, что общество сверх потребления считает неприкосновенным и стремление к сакрализации того, что им было принесено в жертву. Говоря словами И. А. Ильина, религиозный опыт есть уход от состояния пошлости как состояния истощения духовной энергии. В этом контексте можно говорить об уходе от состояния квазирелигиозного желания быть собой без желания быть частью к религиозной полноте бытия, где мужество быть собой приходит через мужество быть частью (П. Тиллих). Желание быть только собой есть стремление к социальной мобильности без репродуктивных остановок и изменений мира. Это сотворение человека из себя, а не сотворение другого человека через репродукцию. Соотнесение тотальной экономизации жизни с продолжением рода и последующий за ним табуирующий императив, «что плодить нищету» есть стереотипы расколдованного мира, якобы приближающего человека к его сути. Строить жизнь более удобно, чем воспроизводить и растить. Но построенный человек и не человек вовсе. Он часть социальной машины, механизм потребления удовольствий. Он последний человек Ф. Ницше с его вечными вопросами: «Кто я? Зачем я?».

Следует признать, что репродуктивное поведение – это уход от двух ценностей современности: карьеры и экономического успеха. Это добровольное предпочтение неизвестности известности. Предпочтение ответственности за будущее тотальной инфантилизации в настоящем, метафизического круга диалектической спирали. Репродукция человека (деторождение, воспитание) бо-

лее предпочитают традицию, чем новацию, а значит, в обществе индивидуализации, покоящемся на иллюзии постоянного обновления, деторождение должно быть существенно сокращено. Путем навязывания бесправного положения тем, кто предпочел репродукцию человека пошлomu удовольствию, неизвестность содомскому греху.

В современных условиях все больше и больше моментов говорит о том, что на смену сексуальной революции должна прийти сексуальная реакция и контрреволюция. Бесполой религии не существует, ибо весь круг сакрального времени актуализирует социализм необходимый для взращивания и воспитания человека, социализм, носящий религиозный характер. Если идти вслед за С. Н. Булгаковым, то можно его назвать христианским социализмом. Такое сочетание важно, ибо указывает на религиозно-идеологическое основание активизации репродуктивного поведения человека. Данное основание также вполне четко отделяет подвижничество в хозяйстве и подвиг в экономике. Подвиг в экономике – это менеджерский риск, не несущий ответственности за жертву, принесенную в результате этого подвига. А ведь жертвой выступает хозяйство как фундаментальное условие активной репродукции человека. Носитель религиозного опыта раскрывает вечность не в упреке за грех деторождения, а в сознании того, что за деторождением следует подвижничество.

Уверенность тем, кто отважился на деторождение в современных условиях, дают коллективные представления, отрицаемые в современную эпоху всеобщей индивидуализации и виртуализации. Если следовать высказыванию И. А. Ильина, то коллективные представления есть вторая стадия духовного катарсиса, которая состоит «...в обращении души к божественным, духовным, священным содержаниям жизни и в выработке соответственных этому актов» [1, с. 238]. Отрицающее деторождение христианство подлинным христианством не является в силу того, что не имеющий детей священник есть духовный скопец, не понимающий того образа мира, который открыт перед отцом и матерью, пекущимися о чадах своих не разумных. Непонимание мира сакральной семьи, ее духовного начала ведет к тому императиву, который и порождает современный светский целибат западного общества «зачем плодить нищету».

Данная формула важна тем, что полагает не только связь экономического положения общества и репродукции человека вполне очевидной, но и утверждает, что религиозный опыт доступен и значим только для тех, кто отказывается от репродукции человека, направляя свою энергию только на познание самого себя как единственной возможности самотрансценденции. Совмещать религиозный опыт и репродукцию человека нельзя. Миф целибатного религиозного опыта в данном случае делает это понятным. Не понятно только одно, как этот миф овладел обычными людьми вполне далекими от иерархической католической общины? Вполне очевидно, что боязнь нищеты католического клира происходила от утраты влияния на общество через утрату власти. Какой утраты боится наш современник?

Подойдем к этому вопросу с другой точки зрения. Наш современник усложняет там, где все просто, и упрощает там, где все сложно. Религиозный опыт есть сознательный уход от власти, таящей социальное самоубийство. Он обнаруживает его там, где многие полагают, что никакого самоубийства нет, но ведь социальное самоубийство, согласно концепции учреждающего насилия Р. Жирара, происходит в результате убийства члена одного клана членом другого клана, когда заместительная жертва пострадавшим не принесена. Вот именно эта жертва и есть результат подлинного религиозного опыта. В связи с этим уклонение от репродуктивной функции есть нанесение вреда собственному народу через символическое убийство его будущего. Но заместительной жертвы в виде помощи тем, кто это убийство и ограбление будущего не осуществил, а пошел на жертву своим нынешним благополучием через деторождение, не наблюдается. Государство, конечно, пытается возместить, но весьма своеобразно, все той же экономизацией, а не актуализацией коллективных представлений о метафизике пола. Многодетности страшится, и оно в силу того, что агиократия сменит плутократию, а меритократия сменит нетократию. Живая жизнь с ее ответственностью за будущее сменит виртуальное безумие с его утверждением, что будущее в руках тех, кто ушел от репродуктивного абсурда и выстроил карьеру. Беспольные субъекты у власти есть бесполое общество как общество, мыслящее индивидуально. Только суть религиозного опыта в том и состоит, что осмысленное бытие в одино-

честве не создается. Оно коллективно, и первым коллективом, позволяющим обрести разум, выступает семья.

Сакральное значение семьи – это неприкосновенность репродукции. Возросшее число разрушения семей связано с тем, что репродуктивное поведение предполагается необязательным атрибутом данного института. Борьба с такой установкой со стороны науки неэффективна, ибо последняя не так укоренена в репродуктивной повседневности, как религиозный опыт. Наука допускает толерантность к сознательной бездетности. В религиозном опыте такого не допускается, ведь если он не нацелен на активную репродукцию человека, то он религиозным опытом не является, поскольку не одухотворяет повседневность. Полагая рациональность основой репродуктивного поведения, современный человек все чаще устраняет иррациональное начало синергии семьи и брака. А это и есть религиозный опыт.

Отсюда вывод о том, что игнорирование связи религиозного опыта и репродукции человека является заблуждением эпохи. Заблуждением, не предполагающим возвращения из симулятивного инокультурного пребывания к собственной культуре как способу одухотворения мира.

Литература

1. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. 448 с.

Religious experience and human reproductive behavior

© Bobkov A. A., 2019

Abstract. Today, in the context of the demographic crisis, the denial of the spiritual component of reproductive behavior is increasingly marked. The bipolarization of human existence is adjacent to its technicalization, leading to dehumanization and dehumanization of the reproductive component of its existence. Religious experience in this context is seen as a worldview alternative to the loss of meaning of human existence through the denial of spiritual reproductive behavior.

Keywords: demographic crisis, religious experience, reproductive behavior, infantilization, dehumanization.

Бобков Алексей Александрович – студент, Институт социальных наук Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: alesha.bobkov@inbox.ru

Bobkov Alexey Alexandrovitch – Student, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: alesha.bobkov@inbox.ru

Религиозный опыт и этнокультурная идентичность в контексте становления правосознания

© Бобков А. И., 2019

Аннотация. Правосознание в современных условиях предполагает решение проблемы человеческой идентичности с одной стороны и социальной с другой. Описывается этнокультурная идентичность как первоначало, объединяющее процессы личного правосознания и коллективного правотворчества. Рассматривается концептуализация понимания объективной необходимости данного объединения религиозного опыта как первоначала творческого правосознания. Отмечается, что именно религиозный опыт репрезентирует творческий потенциал личности, решившей проблему этнокультурной идентичности через осуществление религиозного акта выбора ее духовной сущности.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, религиозный опыт, пранкер, ксенократия, правосознание, правотворчество, этническая субъектность.

В названии данной работы содержится несколько настораживающих моментов, предполагающих спекулятивное рассуждение, с одной стороны, и гипостазирование мышления – с другой. Конечно, если брать по отдельности концепты, приведенные в названии, то никакой связи и тем более влияния одного из феноменов на все остальные быть не может. Религиозный опыт настолько индивидуален, что определять его как влияющий на правосознание человека и на его этнокультурную идентичность не следует. Уж что наиболее анархично в духовной жизни, так это он самый. Если понимать религиозный опыт как максимальную власть человека над самим собой, когда другие виды власти уже на него не действуют в силу обретения иного понимания сущности человека. «Отмирание государства» в случае актуализации самости субъекта в религиозном опыте наиполнейшее, а значит, ни о каком правосознании в общепринятом понимании речи быть не может.

Если же этот анархизм усугубить противостоящей нации этнокультурной идентичностью, то вообще наблюдается отход от творческого позитивного правосознания. Ведь этнокультурная идентичность предполагает в первую очередь опору на обычай, а не на закон. Она этноцентрична до такой степени, что никакого влияния на свою культуру не допускает и тем более на понимание прав человека.

В общем, здесь возникает какая-то вульгарная религиозная антропология, ни к чему хорошему не ведущая. Юридический позитивизм и биологизация сути человеческого бытия (К. А. Свасьян) в данном контексте торжествуют в силу того, что размышление о праве предполагает рациональность и только ее. Правовые формулы, составляющие суть правосознания, имеют экспериментальную, теоретическую, рационально-логическую основу, и искать его истоки в ином месте абсурдно.

Ничего не скажешь, убедительно, если у власти в качестве законодателя «одномерный человек» (Г. Маркузе), низведенный в определении своей политико-правовой сущности до состояния политического животного (Аристотель) и игнорирующий необходимость сакрализации закона и признания в качестве основного субъекта правотворчества народ. Это игнорирование есть необходимость поддержания жизнеспособности индивидуализированного общества.

В условиях индивидуализированного общества диагноз среды, формирующей правосознание субъекта, в интерпретации социальной философии постмодернизма Ульрихом Беком определяется как итог столетней тенденции к индивидуализации, которая «привела к ослаблению социальных связей, к утрате обществом коллективного самосознания и, следовательно, способности к политическому действию» [1, с. 21].

Такой диагноз убеждает, что наконец-то правотворчество встало на научные рельсы, более того, субъектом правотворчества стала «свободная» личность, освободившаяся от заблуждений, связанных с этнокультурной идентичностью. Правосознание стало индивидуальным, а это значит, что права и свободы человека приобрели реальное воплощение. Право освободилось от политики и религии, что наконец-то привело к концу юридической антропологии и унификации правовой культуры. Правосознание не связано с идентичностью в силу того, что проблема человеческой идентичности решена раз и навсегда. Гуманистический смысл права в том и состоит, что наделение человека правами, вырванными из этнокультурного, религиозного и политического контекстов может произойти только тогда, когда будет утверждена глобальная бессубъектная идентичность. Попытка правотворчества, связанная с какой-либо социокультурной иден-

тичностью, выступает как заблуждение недоразвитого самосознания декапитализирующего социальное бытие субъектов.

Иное дело, если посмотреть на данный диагноз со стороны демонтажа социальных систем и ввести концепт «конец социального» (Ж. Бодрийар) с целью актуализации творческого правосознания. Индивидуализация или социальное одиночество есть торжество неупорядоченной массы деидентифицированного характера, увлеченной пранкерами. Пранкер в культурологическом смысле – это субъект, демонстрирующий возможность сочетания взаимоисключающих идентичностей в одном лице через известность. Его идентичность правотворца направлена на то, чтобы отказать коллективному субъекту (этносу) в возможности правосознания и правотворчества. Пранкер у власти есть обладающий отсутствием навыков политического мышления субъект, узурпировавший исключительное право на учреждающее насилие путем симуляции наличия этнокультурной идентичности. Он утверждает, что связь этнического мышления и творческого правосознания не допустима. Однако связь религиозного опыта и этнокультурной идентичности утверждает как раз именно это допущение. Их противоположное понимание связано с тем, что в основании права у деидентифицированного пранкера лежит индивидуализация, а не коллективные представления. Пранкер, по сути, субпассионарный ксенократ, отрицающий свое ксенократическое начало в правотворчестве.

Интенция правосознания, основанного на связи этнокультурной идентичности и религиозного опыта, направлена на идеал агиократии. Утверждение данного идеала в реальности невозможно, но ее необходимость в качестве идеальной основы правосознания очевидна. Суть применения концепта «агиократия» в данном случае следует усматривать в том, что И. А. Ильин понимал как основу для развития творческого правосознания. Первым шагом творческого правосознания наш мыслитель полагает представление себя самым бесправным существом. Вот как выглядит первоначальное состояние сознания, пробуждающее творческое правосознание: «...надо только представить себе однажды со всею силою и наглядностью, что вот я (именно я, а не кто-нибудь другой) *лишен всех прав и отдан в жертву полному бесправию*: отныне у меня нет *никаких* огражденных полномочий; я *нигде* не могу найти *никакой* правовой защиты; другие люди не имеют ни-

каких обязанностей по отношению ко мне, мало того, они могут делать со мной все, что угодно; им все позволено, а я – вне права и закона; я подобен как бы беспризорному ребенку, отданному в жертву чужой жадности, злобе и властолюбию...» [2, с. 256].

Описанное состояние указывает на два момента: состояние лишенного этнокультурной идентичности субъекта и потребность этого субъекта в преодолении данного состояния путем изменения собственного мировоззрения. В первую очередь направление его в сторону того, почему вдруг была утрачена идентичность и как возвратиться из человеческого ничто к людям. Люди, имеющие право так называться, есть в первоначальном варианте этническое сообщество, обеспечивающее человека его правами. Утрата этнокультурной идентичности происходит в силу того, что на место агиократической утопии приходит плутократическая этноархаика, лишаящая в первую очередь народ «силы мнения» (К. С. Аксаков) через деактуализацию связи его самосознания с религиозным опытом. Утверждается эгалитарное наделение правами человека, любого человека без поправки на культурную специфику осмысления его сущности. Побеждает типичный американский правовой дискурс, в основе имеющий и животное стремление человека к удобству одинокого протестанта. «Неудобство с идентичностью» (В. С. Малахов) есть осознание того, что в данном понимании прав человека у него отнято религиозное понимание своей сущности и наличие коллективного субъекта, своей волей воплощающего понимание сакральной сущности человека как основы справедливого социального устройства.

Наряду с этим представляется необходимым отметить и тот факт, что описанное состояние правосознания субъекта – это состояние пророка, сознательно воображающего победу биологизации человеческой сущности над ее сакрализацией. Религиозный опыт пророческого характера есть преодоление доведенного до предела объективированного состояния социального бытия бессубъектного характера, когда поверившее в отсутствующее наличие этноса- субъекта государство утверждает его биологическую обреченность, а религию как экзотику. Этнос лишается права на отражение в законе собственного понимания сути человека и его прав. Универсализм социального бытия, провозглашенный в качестве очевидности, утверждает, что связь с религиозным опытом этнокультурной идентичности не свидетельствует о возможности

иногое позитивистского понимания правотворчества. Он убеждает, что основанное на признании связи религиозного опыта и этнокультурной идентичности мировоззрение сосредоточено на том, чтобы не допустить индивида, личность, неколлективного субъекта к правотворчеству вообще.

Деполитизация правотворчества означает лишь то, что правотворцем может быть лишь глубоко вникнувший в различие социальной истины и власти субъект. Данное различие в нашем контексте утверждает, что утрата субъектного характера этнической общностью означает этническое самоубийство, допущенное, с одной стороны, разрывом своих идентификационных процессов с религиозным опытом, и отход государства от своей основной цели, обозначенной как недопущение этого самоубийства – с другой. Абсурдные правовые формулы, например «оскорбление чувств верующих», возможны лишь тогда, когда понимание религиозного опыта как основы этнотворения сменяется элементарной обрядностью, не воспроизводящей социальной истины. Сознательная демонстрация отсутствия народа, отраженная в приведенных строчках И. А. Ильина, обозначенная им как пробуждение творческого правосознания, ведет, так или иначе, к пониманию связи религиозного опыта и этнокультурной идентичности как основе правового мышления самобытного характера. Мышления, заимствующего правовые формулы и концепты у других народов, но не с целью простого подражания, а с целью сравнения и творческой переработки на основе уникальности собственного правопорядка.

Без народа-субъекта данная переработка невозможна, более того, она есть прямой путь к правовому нигилизму. Правовой нигилизм, как и всякий другой нигилизм, начинается с констатации неспособности народа к сотворению сакрального порядка, в признании тупикового характера осознания «своего бога», предостерегающего от лишения народа субъектности, наличие коей и есть первооснова зрелого правотворчества. Как отмечал И. А. Ильин: «Народ, крепкий в своем религиозном акте, не утратит Бога даже и тогда, если растеряет свою религиозную доктрину. И обратно – народ с богатейшим богословием утратит свою веру и уйдет от своей церкви, если утратит свой акт. Поэтому величайшая опасность для всякой религии и для всякой церкви состоит в вырождении или «высыхании» религиозного акта» [3, с.126].

Всякий религиозный опыт, отрицая власть телесную, четко демонстрирует ее границы в правотворчестве. Власть для него эффективна до тех пор, пока она стремится к торжеству социальных закономерностей интегративного порядка и предотвращению социальных закономерностей, дезинтегрирующих общество. Дезинтеграция в данном случае есть полная десубъективация этноса и его волевого начала. Предельным актом волевого начала этноса выступает процедура отказа власти в исключительном обладании социальной истиной в силу неполноты ее бытия. Полнота бытия возможна лишь тогда, когда осознано самобытие коллективного субъекта этноса. Отсюда и столь мощное стремление к этнокультурной идентичности в то время, когда суверенитет власти подвергнут сомнению со стороны не желающих одной только основанной на религиозном опыте этнокультурной идентичности пранкеров.

Литература

1. Бек У. Что такое глобализация? / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. М., 2001. 304 с.
2. Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. 430 с.
3. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. 448 с.

Religious experience and ethnocultural identity in the context of legal awareness

© Bobkov A. I., 2019

Abstract. Legal awareness in modern conditions involves solving the problem of human identity on the one hand and social on the other. Ethnocultural identity plays a key role here as the original unifying processes of personal legal awareness and collective rule-making. Conceptualization of the understanding of the objective necessity of this association can come only when considering religious experience as the original of creative legal consciousness. It is the religious experience that presents the creative potential of the individual who solved the problem of ethnocultural identity through the implementation of the religious act of choosing its spiritual essence.

Keywords: ethnocultural identity, religious experience, pranker, xenocracy, legal awareness, law-making, ethnic subjectivity.

Бобков Александр Иванович – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия, e-mail: iab71@inbox.ru

Bobkov Alexandr Ivanovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of Department of Philosophy, Psychology and Social and Humanitarian Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: iab71@inbox.ru

Проблема государственного контроля за организацией исламских праздников

© Девятириков Ю. В., 2019

Аннотация. Поднимается проблема государственного контроля за организацией исламских праздников. Рассматривается такой аспект темы, как перекрытие улиц на время проведения праздников, и вследствие этого возникающая в социуме отрицательная реакция на данное решение. Предложены различные варианты решения этой проблемы. Выявлена и обоснована необходимость государственного вмешательства для решения данной проблемы, так как появляется риск нарушения социально-религиозной безопасности общества.

Ключевые слова: исламский праздник, перекрытие улиц, общество, социальное раздражение, поиск решения, роль государства.

Речь пойдет о проблеме празднования исламских праздников, а также о том, какова роль государства в данной теме. Но в чем же конкретно выражается проблема? В том что во время проведения различных религиозных праздников, особенно во время Курбан-байрама, происходит перекрытие улиц во многих городах Российской Федерации. Почему рассматривается именно мусульманская религия, я объясню позже. А что касается перекрытия улиц, то это значительная социальная проблема.

Действительно, во время празднования Курбан-байрама и еще некоторых исламских праздников перекрываются дороги, ограничивается движение автотранспорта, создаются помехи для доступа жильцов к своим домам, более того, все это происходит в утреннее время, вследствие чего создается огромная нагрузка на транспортную инфраструктуру, образуются пробки, даже из-за перекрытия нескольких дорог, что тут говорить о перекрытии важнейших магистралей? [1–3]

Как общество воспринимает данное явление? Общество воспринимает его достаточно негативно, людям не нравится, что происходит нарушение их прав, людей волнует, почему они из-за религиозных праздников испытывают разного рода дискомфорт? То человек опаздывает на работу, то не может подъехать к своему дому, а порой он вынужден часами ждать общественный транспорт и т. д. Все это и является следствием перекрытия улиц.

Почему у людей такая реакция? Да потому, что один из важнейших принципов функционирования современного общества выражается в том, что личное пространство человека не должно подвергаться какому-либо вмешательству, неважно, прямому или косвенному, любой внешний фактор, нарушающий внутренний распорядок жизни человека, вызывает агрессию и раздражение. А если перенести это в контекст нашей ситуации? В интернете множество возмущений людей по поводу перекрытия улиц, и действительно, есть чем возмущаться, ведь как раз и затрагивается личная жизнь человека. Более того, здесь важен еще один фактор – в настоящее время межэтническая ситуация не только в нашей стране, но и в мире весьма нестабильна, и в частности, существует определенное напряжение в социуме касательно ислама. А здесь мы наблюдаем рост общественного раздражения в связи с перекрытием дорог во время исламских праздников. Разве это не повод для того, чтобы задуматься над данной проблемой? Сейчас эта тема может казаться незначительной, но это не так, более того, последователей ислама становится все больше, и хочется задать правомерный вопрос: «Что дальше? Будем перекрывать еще больше улиц?»

Все это неправильно и крайне опасно, так как может произойти так называемый накопительный эффект, и тогда будет социальный взрыв, дойти может до чего угодно, люди не будут вечно терпеть вмешательства в свой образ жизни, ожидать можно чего угодно, от локальных стычек до массовых столкновений. Можно задаться вопросом, а почему тогда православные тоже перекрывают улицы? Им разве можно? Почему рассматривается только ислам? Вопрос небезосновательный, но дело в том, что значительная часть населения Российской Федерации позиционирует себя как православные, в настоящее время цифры колеблются от 65 до 74 % [4–5], в связи с этим перекрытие дорог из-за православных праздников обществом воспринимается гораздо легче. Но, безусловно, есть люди, выражающие недовольство и из-за православных праздников.

Но возвращаясь к главному, надо добавить, что все это один взгляд на проблему. А если посмотреть с другой точки зрения? Как себя ощущают сами мусульмане? Разве им приятно находиться на улице во время одного из своих важнейших религиозных праздников? Почему они в свой праздничный день должны

сидеть на дороге? Вместо того чтобы в комфортном месте, рядом со своими близкими встречать свой традиционный и важнейший праздник. Почему они должны читать в интернете негативные отзывы людей о том, что из-за них перекрыли улицы, и они все такие плохие и неправильные, и вообще, ощущать себя какими-то чужими? Разве мы не позиционируем себя как многоконфессиональная страна, где все между собой равны, где все уважают друг друга? Разве это социально справедливо, что одним можно перекрывать дороги и все нормально, а другим нет? Почему вообще в нашем обществе возникают такие проблемы? Это первостепенные вопросы, во всем этом необходимо разобраться, и важнейшая роль здесь уделена государству.

Необходимо продумать решение проблемы проведения религиозных праздников в общественных местах. Перекрытие улиц как метод урегулирования данной проблемы является непродуманным и социально опасным выходом из ситуации. Надо найти более взвешенное решение, которое устроит все общество и не будет вызывать такого социального напряжения. Должны быть определены территории, где представители религиозных течений смогут спокойно проводить свои праздники и не мешать другим. Кстати говоря, в Москве были предприняты данные попытки, выделили площадку для проведения Ураза-Байрама [6]. Пусть правительство регионов соберет совещание, определится с местами проведения религиозных праздников, безусловно, с участием представителей религиозных конфессий. Но это один из вариантов. Также резонно построить больше исламских мечетей, что, конечно, позволит распределить большие группы людей и тем самым избежать проблемы ограниченности пространства.

Есть и другие варианты. К примеру, власти Крыма сделали праздничным выходным день празднования Курбан-Байрама [7]. То же самое сделали и некоторые другие российские регионы. В праздничные дни, как правило, транспортная активность держится на низком уровне, и потому не возникает проблем с перекрытием дорог, дискомфорт это не вызывает, а во-вторых, здесь есть и моральный аспект: раз в обществе постулируется взаимоуважение во всех религиозных течениях, то и праздники, причисляемые к другой культуре, представляются как социально значимые для всех. Тем самым уже на подсознательном уровне формируется более уважительное отношение к другой религиозной тради-

ции. А в США, в штате Нью-Джерси, позволили мусульманам собраться на стадионе Metlife, тем самым обеспечив и место для молитвы, и общее социальное спокойствие. [8].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что, во-первых, проблема организации проведения религиозных исламских праздников, в настоящее время особенно актуальна и непосредственно связана с социально-религиозной безопасностью общества, потому и необходимо обеспечить поиск и выполнение продуманного решения по всем аспектам данной проблемы. А во-вторых, это решение должно выработать государство на основании как общественного мнения, так и с учетом мнения представителей религиозных организаций и различного рода специалистов в области религии. И тем самым все должны прийти к консенсусу во избежание будущих социальных конфликтов, сформировавшихся на религиозной почве.

Литература

1. Мусульмане отмечают Курбан-байрам: в Иркутске утром перекрыли улицы // Новости города БезФормата URL: <http://irkutsk.bezformata.com/listnews/otmechayut-kurban-bajram-v-irkutsk/50349165/> (дата обращения: 09.10.2019).
2. Пирогова перекрыли частично: мусульман попросили не занимать проезжую часть // Якутия.инфо. URL: <http://yakutia.info/article/188667> (дата обращения: 09.10.2019).
3. В столице перекрыли несколько улиц из-за празднования Ураза-байрам // Москва24 URL: <https://www.m24.ru/news/gorod/04062019/78511> (дата обращения: 10.10.2019).
4. Религия в России // Википедия URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 10.10.2019).
5. Верующими себя называют 73% граждан РФ, православными – 63% // Regnum информационное агентство URL: <https://regnum.ru/news/society/2520454.html> (дата обращения: 10.10.2019).
6. Скопление празднующих Ураза-байрам понравилось не всем // ВестиFM URL: <https://radiovesti.ru/brand/60958/episode/1408278/> (дата обращения: 10.10.2019).
7. Ближайший понедельник объявлен в Крыму выходным в связи с Курбан-байрамом // News.mail.ru URL: <https://news.mail.ru/society/38262017/> (дата обращения: 10.10.2019).
8. Мусульмане США впервые отпраздновали Курбан-байрам на стадионе (ФОТО) // Islamtoday URL: <https://islam-today.ru/novosti/2019/08/12/musulmanssa-vpervye-otprazdnovali-kurban-bajram-na-stadione-foto/> (дата обращения: 26.09.2019).

The problem of state control over the organization of Islamic holidays

© Devyatirikov Y. V., 2019

Abstract. This article raises the problem of state control over the organization of Islamic holidays. This aspect of the topic is considered, such as blocking the streets during the holidays, and as a result, the negative reaction to this decision that arises in society. Based on this, the author proposed various solutions to this problem. In conclusion, the need for government intervention to solve this problem has been identified and justified, since there is a risk of violating the socio-religious security of society.

Keywords: islamic holiday, blocking the street, society, social irritation, search for a solution, the role of the state.

Девятириков Юрий Витальевич – студент, кафедра теологии, исторический факультет; Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: yuradevyatirikov1999@mail.ru.

Devyatirikov Yuri Vitalievich – Student, Department of Theology, Faculty of History; Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: yuradevyatirikov1999@mail.ru

УДК 7:2

Искусство и его религиозная составляющая К постановке вопроса в правовом контексте

© Коноплев Н. С., Кузнецова В. С., 2019

Аннотация. Рассмотрено бытийное содержание искусства в связи с присущими дистантным ощущениям компонентам иллюзорности. Последние выступают в качестве субъектно-деятельностного основания рассматриваемого творчества. Показано, что религиозная составляющая искусства оперирует возможностями, в целом присущими искусству как способу эстетического освоения реальной действительности в правовом поле гражданских ценностей.

Ключевые слова: искусство, религиозное искусство, иллюзии, дистантные ощущения, художественный факт, бытообустройство, реализм в искусстве, эстетизация жизни в художественном творчестве, общество, право.

Искусство при опоре на дистантные ощущения воссоздаст предметный мир в его перспективе. Назначение искусства – различными творческими приемами воспроизводить живую жизнь на материальном и духовном уровнях. Эта простая истина ставит, однако, подспудный вопрос: зачем вообще нужно искусство, если оно, многократно излагая то, что всем известно, как бы завораживает «потребителя» художественного совершенства

«повторяющимся беспределом»? Но – следует возражение – искусство, не копируя, воссоздает среду обитания: придает ей настрой на будущее. И с этим впору согласиться. Здесь-то и оказывается востребованной необходимая уподобленность искусства изображаемому предмету, так как без обрисовки художественного «факта» – инварианта всех связанных с ним изменений – говорить об искусстве преждевременно. Это понимали наши далекие предки, когда «монотонными» (и тем самым, с их точки зрения, воспроизводящими перспективу) сериями наскальных рисунков стремились уподобить изображения оригиналу. Вскрывая динамику жизни, раннее искусство утверждалось преодолением «сиюминуты» отчетливо, благодаря редупликации изображаемых им ситуаций, вспыхивающим будущим. Конечно, первобытный человек, владеющий преддуховностью (ею характеризуется миф; вербальность же ее еще далека от семантической завершенности), не осознавал времени, которое представлялось ему монотонной сменой событий. Наблюдая за ней, постепенно выводившей вид Homo Sapiens на цивилизационный уровень, далекий предок стал осваивать временной ряд в его «ракурсном предпочтении». Со временем, когда вербализация сполна дает о себе знать, орган слуха становится полноценно-дистантным ощущением. Одновременно с этим ухо как выразитель дистантного ощущения слуха служит органом равновесия. Сочетание двух отмеченных состояний, заданных ухом – органом слуха и равновесия, – вело к тому, что зрение как тоже дистантное ощущение, определяющее пространственно зачищенное местоположение индивида, внутренне соотносилось с близким ему по содержанию ощущением равновесия, и это служило предпосылкой для вовлечения устойчивого пространства в сферу изменчивости. В таком случае благодаря «равновесию» происходит диалектический перевод устойчивости в изменчивость, и наоборот: изменчивость уподобляется устойчивости. Внешнеощуцаемый дистантный цикл завершен «ничейным равновесием». ...И начинается самое главное.

Место иллюзорности в художественной практике.

...Дистантные ощущения, преисполненные иллюзорности, т. е. неадекватным отражением среды, тормозят ее раскрытие. И если наука элиминирует этот чувственный компонент, то искусство, наоборот, тяготеет к тому, чтобы использовать его в более широких как чувственно, так и рационально воспроизводимых мас-

штабах. Искусство наших далеких предков представляется внеиллюзорным и, следовательно, аналогичным фотографии, хотя выше мы отметили, что сопутствующая ему динамика как упреждение будущего сама по себе вбирает иллюзии (попутно отметим, что фотография, являясь зависимой от субъекта деятельности, соприкасается с иллюзиями). Ведь будущее здесь еще не наступило, но искусство явно его предвосхищает своим динамическим реноме. Это угадывание непережитого будущего говорит о том, что всему живому присуще быть зависимым от изменчивости (как одной из двух сторон движения), непременно таящей перспективу. Ее следует именовать свернутым будущим, которым, как идеалом ожидаемого человеческого совершенства, изначально обогащено искусство. Выше мы сказали, что противоречиво сосуществующие в индивидуе устойчивость и изменчивость находят совместную точку опоры в равновесии. В следующее мгновение оно утрачивается и вслед затем снова восстанавливается. И так – «до упора». Выходит, дистантные ощущения (т. е. зрение и слух) настроены на воспроизведение предмета, согласно которому их полнота (или синтез) осуществима благодаря тому *месту*, которое по сложившемуся к тому времени *праву* занимает субъект деятельности в превалированном равновесии. Сами по себе дистантные ощущения фиксируют меняющееся (т. е. находящееся в стадии изменения) пространство с повышенной степенью иллюзорности. И лишь благодаря динаморавновесу, которым на мгновение овладевает индивид, можно выразить меру иллюзорно «освещаемой окружи». Внутреннее ощущение равновесия, «утихомиривающее» противоречивое взаимодействие зрения и слуха, способно, при опоре на аналитическую силу рассудка, находящего «рабочую обстановку» в условиях «замирающей» устойчивости, отделить иллюзорное в дистантных ощущениях от того, что в рациональном раскладе выглядит вполне соответствующим явному положению дел. Будучи внутренним ощущением, равновесие, свободное от внешнеощущаемо заданных иллюзий, оказывает помощь рассудку, преодолевающему помехи при отражении предметного мира. Это вовсе не значит, что человеку чужды иллюзии. Вовсе нет! И они «узакониваются» складывающимся правом первобытно-общинного бытообустройства социума.

Практически-жизненная ценность иллюзий. Бытообустройство, как было сказано выше, постоянно опирается на иллюзорное восприятие мира. Иллюзии приобщают нас к «интиму» уюта, и в своей «фантазийности» индивид непременно оперирует ими. (Не являясь иллюзией, фантазия прорастает ею.) Фантазия – душа иллюзии и средство ее преодоления. ...За пределами же «зачищенных свободой иллюзий» – господство суровой необходимости, сосредоточившей разнородные вызовы. ...Возникает стремление человека, преодолев их, практикой адаптироваться к среде. Так мы обыкновенно и поступаем, откладывая иллюзии до лучших времен. И пока практико-рационализованное «действие» длится, иллюзии, не теряя времени, выстраивают заслон против него. Опираясь на присущую им способность, пусть и «вхолостую», отражать предметный мир, иллюзии «сколачивают» свою, теперь уже иллюзорную, реальность с «фантастическими оттенками». Последняя произвольно выступает в качестве такой, которая надстраивается над адекватно, т. е. с позиций разума, отлаженной данности. Эта вторая, иллюзорная, реальность отгораживается от своей «рациональной соседки». И, задействованная бытообустройством, она занимает «теплое местечко» в сердце человека. С этих позиций выстраивается «небесный град», которым можно как угодно оперировать, вплоть до утверждения, что разумное начало здесь вполне очевидно. Оно где-то так и есть, поскольку чувственно промеренное отражение обусловлено рассудком. Но применительно ко второй реальности рации играет подчиненную роль. Ведь, как известно, разум сам по себе «объективен и внесердечен» (точнее сказать – бессердечен и жесток, пример тому – две мировые войны). Сложившимися условиями иллюзии используют рассудок с целью поддерживать их деяния. Сами они стремятся к чувственному выявлению перспектив, отвечающему тем иллюзорным прорывам, которыми чаще всего «оповещено» наше жизнеустройство. Выйдя из-под контроля сущностного самовыражения субъекта деятельности, «иллюзорная фантазия» плывет к «новым берегам» неизведанного мира, и перед нею открывается множество путей. Один из них – служение искусству с его «эстетическим амплуа» в складывающемся гражданском обществе.

Реалистическое искусство корректирует иллюзии. Как мы помним, первобытное искусство запечатлелось, пусть и с

элементами фотографизма, динамично насыщенным реализмом. Это течение связано с такими способами, организуемыми иллюзиями, которые нашим разумом приурочены к раскрытию живой жизни – изображению дольного мира с его печалью и заботами. Наполняясь, пусть и иллюзорно выполненной (а иначе искусство существовать не в силах), жизненной конкретикой, реалистическое искусство выверяет иллюзию ее подключением к иллюзорно насыщенному быту, и происходит его (этноконфессиональная) институционализация. Отмечаемое положение позволяет человеку сорганизоваться им (т. е. бытом) в поисках рационально-практического разыскания своего места. Место – проверенный участок бытообустройства, благодаря которому, сосуществуя, оба ряда иллюзий не противоречат занимаемой индивидом жизненной позиции. Они выдерживают требование ощущения равновесия, благодаря которому происходит «иллюзорное замирание», и индивид ощущает себя твердо защищенным указанным местом. Последнее становится выразителем объектно сорганизованной связи индивида с устойчивостью в его завершенном самоутверждении. Реализм в искусстве держит иллюзию под «жизненным прицелом», подключая к человеческим радостям, насыщенным «правовыми ограждениями». И этим закрепляется эстетическое совершенство художественной деятельности. Эстетика *освящает* ее, если эта последняя (т. е. художественная деятельность) направляет иллюзию на овладение желаемым будущим. Воспроизводя жизнь в ее целеположенности, художественная деятельность эстетизирует синтез искусства с *законосообразной* практикой повседневно. Растворяясь в ней, художественная иллюзия эстетизирует живую жизнь как высшее совершенство. Этим подтверждается положение, согласно которому иллюзия и жизнь образуют тесно спаянное социогармоническое единство. В нем жизнь и смерть, постоянно соотносясь, формулируют смысло-означенные задачи, где этноконфессиональный аспект играет особую роль. Он наполняет реалистическое искусство тесной связью с реальной действительностью.

Религиозное искусство: видимая его неотмирность. Другие, помимо реализма, виды художественной деятельности играют вспомогательную роль. Касается это и религиозного творчества, которое направляет иллюзорное видение мира на раскрытие тайны или засекреченности человеческой сущности, правда, под

прикрытием правозащищенной «религиозной тени». Становящееся условиями научно-технической революции (НТР) клиповое, т. е. фрагментарное, алогичное, мышление тому «порука». Мы оказываемся в заколдованном кругу, который усиливается беспредельно возрастающим информассивом. И нужно согласиться с тем, что предметная основа нашего бытия последовательно заменяется набором иллюзий, которыми мы себя обложили. Прежде всего, надлежит отказаться от клипового мышления, которое разрушает традиционно-вербальное сознание – основу исторически сложившейся духовности с ее мощным, тысячелетиями складывающимся интеллектуальным зарядом. Само же клиповое мышление, базируясь на зрении, не способно совершенствовать человеческую духовность. Конечно, «клиповость» вполне может сказаться одной из функций собственно мыслительной деятельности. Но сегодня СМИ предоставляют «клиповости» занимать ведущие позиции «на широком экране бытообустроенности», сводя к тупику способность мыслить. Выход видится в том, чтобы духовным возвращением к прошлому остановить «иллюзорно-клиповый беспредел». Важную роль в этом возвращении нынешнего человека к самому себе призвано сыграть *правовое* преодоление душящего нас информассива. Сегодня, в условиях подготовленной достижениями НТР массовой индивидуализации социума, – это нетрудно произвести. Раздвоение НТР на негативное и позитивное в ней должно сыграть очищающую роль в пробуждении многих из нас от «цивилизационного сна». Оставшись наедине (точнее – спрятавшись за достижениями НТР), человек непременно разберется в себе, не нарушая ритмов повседневно. ...Индивидуально подобранные достижения прогресса вполне содействуют становлению личностно затаенного творчества. Конечно, раньше индивид опирался на коллектив, ныне эта опора под негативным воздействием НТР уплывает из-под ног, и нужно надеяться на самого себя. Но это как раз и организует нашего современника, не дает ему расслабиться в новом формирующемся правовом поле. В этом перспективы человечества. ...Религиозное искусство пронизано возвышенной неотмирностью. Оно уводит человека в поднебесье вслед за изображаемыми персонажами (или религиозными ценностями, такими как храмы или священные ситуации). Главное, на что направлено религиозное творчество, это воспроизведение

совершенств мира не от мира сего. Что бы это значило? А то, что отмечаемая «неотмирность» всегда находит отзвук в тайниках человеческого «Я». Именно они концентрируют наше внимание на их отголосках в таинствах изображения. Человек в тайне искусства находит отзвуки собственных тайн, прикрытых общественным укладом с его правами и обязанностями.

Возвышенная земнозапечатленность «Троицы» А. Рублева и «Явления Христа народу» А. А. Иванова. «Троица» А. Рублева (1360–1430) несет неслыханную тайну совершенного человеческого общения. Три беседующих ангела – пример для подражания. Глядя на картину, охватывает радость близости к подлинной святой человечности. Сразу же отметим отличие религиозного творчества от светского. В религиозном искусстве, как было сказано выше, персонаж живет сопричастностью к миру не от мира сего. Это видно по тому, как изображаемый святой (например, в картине **А. А. Иванова** (1806–1858) «Явление Христа народу») отражается в сердцах присутствующих их неповторимыми взглядами. ...Взгляды, усваивающие святость, покрывают неотмирностью всех, созерцающих художественное совершенство. Религиозное искусство воистину завораживает святостью. При этом, к примеру, святость искусства иконописца А. Рублева приобщает его это искусство к лучшему, что есть на свете, – к земной жизни. Изображая ангелов, спустившихся на землю, «Троица» гениального выразителя отечественного Предвозрождения свидетельствует, что лучшего, кроме Земли, места им нигде не сыскать. При таком понимании святость – это выявление божественного в земной жизни. С этой задачей неповторимый А. Рублев весьма успешно справился. И нам нет необходимости видеть в подлинно религиозном искусстве нечто исключительно трансцендентное. Само оно, будучи по замыслу художника «запредельным», перекрывает его фактом земного *обожения*. Действительно, последнее связывает художника с запределом. Сам же этот сотворяемый художником горний мир пленяет нас здесь, на земле, становясь приуроченным к *государству* «посюсторонним пристанищем». При взгляде на совершенную красоту, воплощением которой служит «Троица» А. Рублева, предполагаем, что вне земного притяжения она, красота, не может более нигде себя обрести. Выходит, религиозное искусство одаряет нас жизненным совершенством, преодолевающим небесные преграды.

Божественное небо здесь предстает солнечной лазурью над земными весями. И мы приходим к осознанию религиозного искусства как занавешенного чувственно воспроизводимой иллюзией. Поразмыслив над сложившейся зрительной практикой, мы осторожно снимаем с этого искусства иллюзорность, и оно оборачивается жизненно приподнятым. Значит, искусство не становится простым удвоением сущего, но выступает как мощная преобразующая сила. Она своей легкостью увлекает вас в мир иной, и вы с радостью туда поспешаете. В этом нет никакого принуждения. Однако в рассматриваемом действе представлена жизнь в ее занебесной открытости. Это говорит о том, что вся Вселенная прислушивается к вам и ждет вашей поддержки в ее приобщенности к вашим интересам. В этом совершенство феномена неотмирности в мире сем с его трудными временами, связанными с преодолением тяжелых ударов судьбы в складывающемся *гражданском обществе*.

Поговорим о предназначении святости. Религиозное искусство вовсе не выделяет из человека раба божия, но помогает ему осознать божественное веление как твой собственный поход против серого и невзрачного в тебе. Ведь не зря же святость стремится прорваться в онтологию бытия и заместить его (т.е. бытие) сущностью. Последняя ведет к преодолению метафизики и прикрывает ее конкретным обеспечением сущего, закрепляемого деятельностью гражданского общества. А это, в свою очередь, означает, что религиозный взгляд медленно смещается в сторону живой жизни. Так продолжается до тех пор, пока связь зрителя с изображаемой святостью не пресекается неотвязной дурнобесконечностью (которая всегда тут как тут). Это важно подчеркнуть, чтобы уравновесить святость реалиями живой жизни, не переставая верить в реальность святости (при этом святость, как было сказано выше, может быть религиозной и внерелигиозной, в зависимости от духовной направленности индивида; кроме того, вера, повторимся, в настоящем тексте внерелигиозна). Сама по себе святость значима в связи с занимаемым человеком местом и характером его личностного прозрения, оперируя которыми он со своей «точки опоры» ориентируется в избранном, общечеловеческом или религиозном, направлении. Только в этом случае религиозное творчество, приобщаясь к сердцу своего избранника, приобретает жизненную силу.

Святость есть выражение высшего смысла подлинного искусства в границах государственно организованного общества. Рассматриваемая святость не есть нечто потустороннее. Нет. Она принадлежность самого что ни на есть истинного в человеке. Искусство как вид художественной деятельности – это, прежде всего, навеянное иллюзиями человеческое самовыражение. Иллюзии связывают человека с миром, земным и горним, с включением разнообразных уровней «запредела». Человеческие, чувственно настроенные иллюзии играют неоспоримую роль в делении мира на «посюсторонний» и «трансцендентный». Без всякого ущерба воспринимая иллюзии, знаем, как с ними поступать. Сие позволяет нам жизненно оперировать религиозным искусством и приобщать его к сердечно-человеческим влечениям – небесным и земным. А это в свою очередь укрепляет граждански насыщенную *государственность*.

Art and its religion component

© Konoplev N. S., Kuznetsova V. S., 2019

Abstract. The existential content of art is considered in connection with the components of illusion inherent in distant sensations. The latter act as the subject-activity basis of the considered creativity. It is shown that the religious component of art operates with the possibilities that are generally inherent in art as a way of aesthetic development of reality.

Keywords: Art, religious art, illusions, distant sensations, artistic fact, home improvement, realism in art, aestheticization of life in artistic creation.

Коноплев Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, кафедры философии и методологии науки, отделение философии и теологии, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: philosophychair_isu@mail.ru

Кузнецова Виктория Сергеевна – кандидат философских наук, доцент, кафедры философии и методологии науки, отделение философии и теологии, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: philosophychair_isu@mail.ru

Konoplev Nikolay Sergeevich – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Department of Philosophy and Theology, Faculty of History Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: philosophychair_isu@mail.ru

Kuznetsova Victoria Sergeevna – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Department of Philosophy and Theology, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: philosophychair_isu@mail.ru

Политика обновленческого Синода в сфере отношений с другими конфессиями и религиями

© Кульпинов С. С., 2019

Аннотация. Рассматривается политика обновленческого Священного Синода в отношениях с иными христианскими конфессиями и нехристианскими религиями в 1920–30-х гг. Анализируются как общая линия Синода, так и региональные, в первую очередь восточносибирские особенности епархиальной политики. Делается вывод о том, что в целом Синод осуществлял неоконсервативную политику в данном вопросе, придерживаясь нейтралитета в отношении с нехристианскими религиями, но избрав объектом для прозелитизма сектантство и традиционные языческие верования.

Ключевые слова: межконфессиональный диалог, обновленческий раскол, обновленческий Священный Синод, прозелитизм.

Проблема политики обновленческого Священного Синода в отношении иных христианских конфессий и иных религий фактически ранее не поднималась в современной исторической науке. Исследования, касающиеся внешних церковных сношений обновленческого Синода, существующие на сегодняшний день, фокусировались исключительно на взаимоотношениях обновленческого раскола с другими поместными православными церквями, в первую очередь с Константинопольским патриархатом [1; 2].

Фактическая неисследованность данной проблематики делает настоящую работу актуальной в свете возрастания интереса к обновленческому расколу и жизни религиозных структур в СССР в 1920–30-х гг. в целом.

Объектом настоящего исследования является политика Священного Синода обновленческого раскола в отношениях с иными конфессиями и религиями. Предметом исследования следует считать динамику отношений Священного Синода с иными христианскими конфессиями и нехристианскими религиями в 1920–30-х гг.

В рамках настоящего исследования автор ставит цель рассмотреть политику обновленческого Синода в отношениях с иными христианскими конфессиями и нехристианскими религиями в 1920–30-х гг. Для достижения данной цели выдвигаются следующие задачи: исследовать конфессиональную политику обновленческого Синода в 1920-х гг., рассмотреть конфессиональную политику Синода в 1930-х гг.

В силу того, что материалы центральных органов управления обновленческого раскола были целенаправленно уничтожены представителями Советской власти в начале 1950-х гг. [3, с. 200], сведения о политике обновленческого Синода возможно почерпнуть только из региональных архивов, где отложились документы провинциальных обновленческих епархий. В частности, при подборе источников для настоящего исследования автор опирался на материалы Восточно-Сибирских архивов, относящихся к деятельности Иркутской обновленческой епархии и Восточно-Сибирской обновленческой митрополии.

«Церковная революция» весны 1922 г. затронула практически все стороны жизни Православной церкви в Советской России. Фактически обновленческое движение с первых месяцев своего существования призывало к коренному изменению всех сторон церковной жизни, о чем прямо говорилось в программе церковной группы «Живая Церковь» [4, л. 1]. Однако вопрос отношений с другими христианскими конфессиями и нехристианскими религиями находился на периферии реформаторских стремлений обновленческого духовенства. По этой причине, в период институционализации обновленческого раскола и в ходе II Поместного (I Обновленческого) собора, проводившегося в Москве с 29 апреля по 9 мая 1923 г., данный вопрос самими обновленцами практически не поднимался. Исключением можно считать идеи таких маргинальных обновленческих группировок, как «Свободная трудовая церковь», которая зимой 1922–1923 гг. прямо призывала к панхристианскому единству в рамках антикапиталистического интернационала [5, с. 91]. Однако большой популярностью подобные революционные идеи не пользовались.

С отменой церковных группировок и консолидацией власти в обновленческом движении в руках Священного Синода в августе 1923 г. политика в отношении иных христианских конфессий и нехристианских религий в обновленческом расколе становится централизованной. Следует отметить, что Синод в этом вопросе придерживался, скорее, неконсервативной, нежели либеральной политической линии. Вопрос миссии в среде нехристианских религий в документах центральных органов раскола фактически не поднимался, однако отношение к иным христианским конфессиям было явно негативным. В частности, в ряде документов Синод эксплуатировал антилатинские настроения в среде рядового ду-

ховенств и верующих. В частности, для дискредитации митрополита Петра (Полянского), ставшего местоблюстителем Патриаршей церкви 12 апреля 1925 г., использовалось обвинение его в тайной приверженности католицизму [6, л. 27]. В то же время в официальных документах отмечалось, что отношения с Ватиканом окончательно должны быть прояснены на грядущем Вселенском соборе, который выразит «стремление всеми мерами к общению и соединению в Христовой любви со всеми Христианскими церквями» [7, л. 9]. Созыв собора планировалось осуществить в Иерусалиме летом 1926 г. [7, л. 130] (Впоследствии созыв собора был отложен на неопределенный срок [7, л. 135]).

Политика в отношениях обновленческого Синода с различными протестантскими деноминациями была двоякой. С одной стороны, зарубежный либеральный протестантизм, в первую очередь американский, рассматривался как идеологический союзник обновленческого движения в деле религиозной реформации. В частности, уже к весне 1923 г. были установлены дружественные отношения между советскими обновленцами и Методистской церковью США. Епископ последней Э. Блейк присутствовал на II Поместном соборе, где высказался о желательности панхристианского единства и обещал всяческую помощь обновленчеству за пределами СССР [8]. Собранные американскими методистами пожертвования называются А. Э. Красновым-Левитиным основным источником финансирования открытой 6 декабря 1923 г. Московской богословской академии [8].

С другой стороны, внутри Советского Союза Синод не развивал каких-либо отношений с основными протестантскими конфессиями. Неопротестантские конфессии, в первую очередь Евангельские христиане – баптисты, Евангелисты и Церковь адвентистов седьмого дня, именовались, не иначе как сектами и воспринимались как объекты для обновленческого прозелитизма [9]. Особенно отчетливо такая политика проявлялась на региональном уровне. В частности, в Иркутской обновленческой епархии составлялись отчеты о положении в регионе протестантских сект, вырабатывалась теоретическая база для борьбы с ними [10]. Управлявший епархией с ноября 1926 г. по ноябрь 1928 г. «архиепископ» Илья Иванович Фокин неоднократно лично присутствовал на собраниях неопротестантов в Иркутске, вступал с ними в полемику [11, л. 7, 23 об., 46]. В епархиальных отчетах с

гордостью заявлялось о случаях перехода неопротестантов в обновленческий раскол [11, л. 100].

В целом как неопротестантские, так и постстарообрядческие секты воспринимались обновленческим Синодом, как враждебное явление. Во второй половине 1920-х гг. активно создавались комиссии по борьбе с сектантством, велась антисектантская пропаганда [12, л. 9, 24].

Отношения обновленческого Синода с нехристианскими религиями в 1920-х гг. можно назвать нейтральными. Несмотря на активное развитие просоветского обновленческого движения в Буддизме в СССР, какого-либо сближения между обновленцами-буддистами и православными обновленцами не наблюдалось.

В качестве объекта для прозелитизма со стороны обновленческих миссионеров в 1920-х гг. воспринимались представители традиционных языческих верований. Особенно ярко это можно проследить в епархиях Северо-Востока РСФСР. В частности, миссией среди язычников в 1927–1928 гг. активно занимался «епископ» Средне-Колымский Николай Иовлевич Винокуров [13, л. 15 об.]. Теоретическую базу для прозелитизма в языческой среде разрабатывал известный иркутский миссионер протоиерей Н. С. Попов-Кокоулин [14].

К началу 1930-х гг. ситуация несколько меняется. Официальная политика Синода практически не отличалась в этот период от политики 1920-х гг. (в частности, крайне негативную оценку на апрельском заседании Синода в 1932 г. получил факт сближения Константинопольской и Александрийской православных церквей с Англиканской церковью [15, л. 2], что вполне вписывалось в неоконсервативную политику), однако на региональном уровне наметилось некоторое сближение представителей обновленческого раскола с другими христианскими конфессиями. В частности, в отчетах Бурят-Монгольской епархии отмечалось, что дружественные отношения установились между местным обновленческим епархиальным церковным управлением и проживавшим в Тарбагатае старообрядческим епископом Амвросием (Федоровым). Последний при посещении Верхнеудинска всегда заходил в обновленческое епархиальное управление, интересовался течением жизни в обновленчестве [16, л. 1 об.]. Еще более примечателен факт того, что после закрытия римско-католического костела в Верхнеудинске, его община почти в полном составе

перешла в обновленчество, куда по личному решению «архиепископа» Василия Федоровича Макушева была принята без совершения какого-либо чинопоследования. Иными словами, было продемонстрировано полное и безоговорочное признание всех таинств римо-католиков [17, л. 5].

В Иркутской епархии в первой половине 1930-х гг. подобных случаев не наблюдалось. Следует отметить только, что в связи с резким сокращением числа обновленческих общин и духовенства в Иркутске прозелитизм в среде неопротестантов фактически сошел на нет [18].

Взаимоотношения обновленцев с другими религиями на региональном уровне в первой половине 1930-х гг. также оставались нейтральными. Подробные описания положения буддистских общин в Бурят-Монгольской АССР и даже некоторая симпатия к буддизму, отраженные в отчетах Бурят-Монгольской епархии начала 1930-х [16, л. 2; 17, л. 5], обосновывались определенно не попытками диалога, а исключительно личным, «религиоведческим», интересом «архиепископа» Василия Федоровича Макушева.

Вторая половина 1930-х гг. стала периодом заката обновленческого раскола и физического уничтожения значительного числа его представителей [8]. По этой причине вопросы взаимоотношений с другими христианскими конфессиями и нехристианскими религиями фактически сошли на нет к этому времени.

Таким образом, в отношениях с иными христианскими конфессиями обновленческий Священный Синод в целом придерживался неоконсервативной политики. Определенное сближение имело место только с представителями либерального протестантизма за пределами СССР. Вопросы сближения с другими христианскими конфессиями также должны были обсуждаться на запланированном на 1926 г. Вселенском соборе. С нехристианскими религиями были выстроены нейтральные отношения. Каких-либо попыток сближения на почве лояльности к Советской власти с представителями других религий не наблюдалось. В качестве объекта для прозелитизма и полемики как на центральном, так и на региональном уровне рассматривались представители сектанства. Аналогично в некоторых регионах велся прозелитизм в среде представителей традиционных языческих верований. В первой половине 1930-х гг. в среде обновленцев намети-

лось некоторое сближение с другими христианскими конфессиями на региональном уровне на фоне общего тяжелого положения религии в СССР. В частности, об этом свидетельствуют отчеты Бурят-Монгольской обновленческой епархии. Однако официально Синод подобную линию не декларировал и не поощрял. Ко второй половине 1930-х гг., в связи с угасанием обновленческого раскола, вопросы отношений с другими христианскими конфессиями и нехристианскими религиями фактически уже не поднимались в обновленческой среде.

Литература

1. Соловьев И., свящ. Раскольническая деятельность «обновленцев» в русском зарубежье // Вестник ПСТГУ. Сер. История РПЦ. 2008. № 2 (27). С. 273–282.
2. Мазырин А., свящ. Константинопольская патриархия и обновленческий раскол [Электронный ресурс] // Православие.ru : сайт. URL: <https://pravoslavie.ru/37764.html> (дата обращения: 12.10.2019).
3. Сафонов Д., свящ. Материалы по истории обновленческого раскола в российских архивах // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. XVI ежегодная богословская конференция ПСТГУ [26–28 января 2006 г.]. Т. 2. М., 2006. С. 198–205.
4. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 485. Оп. 2. Д. 26.
5. Крапивин М. Ю. Свободная Трудовая церковь (1922 – 1925 гг.): из истории обновленческого движения в русском православии первой половины XX в. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 90–107.
6. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 33.
7. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 27.
8. Краснов-Левитин А. Э., Шавров В. М. Очерки по истории русской церковной смуты [Электронный ресурс] // Азбука веры: сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriija_Tserkvi/ocherki-po-istorii-russkoj-tserkovnoj-smuty/ (дата обращения: 12.10.2019).
9. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 119.
10. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 274.
11. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 121.
12. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 131.
13. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 144.
14. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 59.
15. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 275.
16. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 209.
17. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 229.
18. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 232.

The policy of the renewal Synod in the sphere of relations with other faiths and religions

© Kulpinov S. S., 2019

Abstract. The article deals with the policy of the Renovationist Holy Synod in relations with other Christian denominations and non-Christian religions in the 1920s – 1930s. The article analyzes both the General line of the Synod and the regional, first of all, East Siberian features of the diocesan policy. It is concluded that, in General, the Synod carried out a neoconservative policy in this matter, adhering to neutrality in relations with non-Christian religions, but choosing sectarianism and traditional pagan beliefs as the object of proselytism.

Keywords: interfaith dialogue, the Renovationist schism, the Holy Synod of the renovation, proselytism.

Кульпинов Сергей Сергеевич – диакон, соискатель, кафедра церковной истории, Санкт-Петербургская духовная академия, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: agnus.dei@rambler.ru

Kulpinov Sergey Sergeevich – Deacon, Applicant, Department of Church History, Saint Petersburg Theological academy, Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: agnus.dei

УДК 165.242.2

Языковая модель толерантного научно-культурного и теологического диалога

© Мальчуков В. А., Мальчукова Н. В., 2019

Аннотация. Обосновывается синтетическая языковая модель толерантного взаимоотношения теологии с наукой и культурой в рамках творческого процесса.

Ключевые слова: язык, метаязык, теология, модель, толерантность, наука, искусство, творчество.

Язык теологии является, как известно, универсальным, независимо от того, в каком конфессиональном представительстве выступает. Это универсальность обеспечивается наличием общего генерализующего начала, выражающего символ веры и его атрибуты. Теологический язык демонстрирует абсолютную устойчивость и связанную с этим исключенность метаязыкового построения. Однако это обстоятельство не отгораживает полностью теологию от языков философии, естествознания, различных проявлений культуры. Именно благодаря этим контактам и воз-

возможности их синтеза возникает метаотношение, и этот синтетический комплекс ведет к становлению новых культурных и научных результатов. Возникают чрезвычайно широкие научно-культурные концепции, очерчивающие новые перспективы развития цивилизации. Как это происходит с языковой точки зрения? Попытаемся ответить на этот вопрос, опираясь на историко-научный процесс и привлекая пока материал формирования новой научной концепции без участия языка теологии, но зато включающий вместо него философские представления.

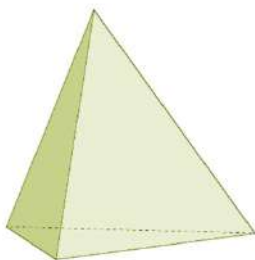
В этом плане удобным для реконструкции случаем является творческая деятельность русского математика Н. И. Лобачевского в ходе создания им неевклидовой (гиперболической) геометрии. К краткому обзору структуры этого открытия под семиотическим углом зрения мы и перейдем. Начнем с того, что справедливы замечания о том, что неоправданно выводить успех Н. И. Лобачевского в открытии новой геометрии из его материалистических философских взглядов, соответствовавших началу творческой работы [1]. Такое соображение тем более правомерно, что к началу переосмысления евклидовой геометрии материализм исследователя был сенсуалистическим. Сенсуалистические ориентации в области теоретических воззрений на пространство делали бы невозможным формулирование даже «простых» евклидовских постулатов (например, понятия о прямой). А дело в том, что проблема для Н. И. Лобачевского и других математиков состояла в ясности осознания того, что пятый постулат (о параллельных) справедливо воспринимался как слишком сложное положение для того, чтобы быть аксиомой евклидовой геометрии. Вот эта-то сложность и достопримечательна, в том числе и с семиотической точки зрения.

В чем она состояла? Во-первых, в том, что с логической точки зрения параллельность определялась отрицательно (прямые, непересекающиеся, сколько бы их ни продолжали); во-вторых, аксиома не имела прямого доказательства (ее невозможно было доказать с помощью других аксиом, принятых в евклидовой геометрии), а известные косвенные доказательства не могли быть приняты как основательные; в-третьих, в аксиоме фигурировала идея бесконечного пространства. Во всем этом явно сказывалась семиотическая неоднородность оценивающих пятый постулат положений. Первые два положения смешивают объектно-

языковые представления с метаязыковыми, а последнее относится уже к метаязыку (философско-методологическому уровню языка). Отсюда вытекает интеллектуальная неудовлетворенность постулатом о параллельных, с одной стороны, как содержательно-предметно не совсем уместным в системе Евклида, с другой, как неудовлетворенность новатора-математика собственной сенсуально-мировоззренческой позицией, долгое время оппортунистически мирившейся с однозначностью теоретико-математических представлений о пространстве.

На этом фоне Н. И. Лобачевский с живостью воспринял ряд работ таких исследователей естественно-математического направления, как Пуассон и Фурье, и сделал важную для себя оценку их деятельности: они «сделали более и даже все необходимое: они рассмотрели все случаи, какие действительно могут встретиться в природе» [2, с. 154, 225, 226]. Французские исследователи, разработавшие аппарат вариативного математического анализа, ориентировали интеллектуальный запрос Н. И. Лобачевского, критически воспринявшего аксиому о параллельности, в необычном для него, но многообещающем направлении. Они по сути дела выполнили метаязыковую функцию. Квантифицирование возможностей природы с помощью слова «все» (все возможности) скорее всего является излишне сильным, но оно весьма примечательно: оно показывает, что основа метаязыка Н. И. Лобачевского сохраняется как материалистическая. Однако метафизика истолкования природы математических концептов и осознание долженствования для собственных мыслительных действий (семантико-прагматическое измерение) приобретают совсем другой вектор. Говоря иными словами, согласно обновленным соображениям, математическое моделирование обязано воспроизводить «случаи, которые могут встретиться в природе», но богатство и разнообразие моделей имеют мыслительное происхождение. Эти богатство и разнообразие говорят в пользу творческой свободы мыслителя, оправдывая парадоксальность и противоречивость мышления, и в то же время требуют логико-конструктивной оправданности и корректности выражения противоречий и их математических разрешений. Эта внутренняя организация и взаимосогласованность задают гарантии пока неизвестных, но в будущем осуществимых подтверждений.

Приведенный материал позволяет предложить графическую модель, поясняющую сущность языкового процесса упомянутого взаимодействия языка теологии с языком естественных наук и культурой. Модель основывается на известной схеме семантического треугольника Г. Фреге, который преобразовывается (до-страивается) в четырехгранную пирамиду (рис.). Место философской ориентации в этой пирамиде будет занимать теологический язык (грань 2). Итак, первые две грани треугольника (по фронту) будут представлять соответственно: первая – конкретную область (области) естественно-научной деятельности (к примеру, геологическую, геохимическую, химическую, биологическую и т. п.); вторая – теологическую ориентацию. А третья (задняя) грань – языки привходящих научных исследований. Представление о том, что это такое, как раз и дает наша ссылка на геометрическое открытие Н. И. Лобачевского, в котором роль необходимых привходящих материалов сыграли результаты математических исследований Пуассона и Ферми. Четвертая грань (грань основания пирамиды) – выступает результатом творческого синтеза работы всех трех языков.

Рисунок

Ярким результатом такого синтеза и вместе с тем функционирования предложенной нами модели выступает направление русского космизма (П. Флоренский, К. Д. Циолковский, В. И. Вернадский). Здесь широкая естественно-научная база, соседствуя с теологическими воззрениями при решающей роли привходящих идей – идей универсального эволюционизма, в синтезе дала оригинальную новую философскую концепцию – концепцию ноосферы. Сходным путем складывалась уже вслед россиянам ноосферная теория П. Тейяра де Шардена. Для В. Соловьева «работа» этой

модели оборачивается взаимодействием теологии, антропософии и философии и построением философии всеединства.

Как известно, Л. Н. Толстой в целом резко негативно относился к официальной теологии. Зато он стремился обосновать так называемую практическую теологию, началами которой выступают равенство между людьми, справедливость и братство [3, т. 24, с. 843–844; т. 28, с. 91]. На этих началах, по его твердому убеждению, должна строиться реальная жизнь, и именно эти начала образуют основания его веры. Именно здесь видится ему гуманистический выход из несовершенств наличного общественного бытия. При этом теоретическая и художественная антропософия великого русского мыслителя в качестве привходящего и в то же время определяющего момента опять же реализует важную философему – эволюционность. Ведь основополагающие выводы совокупного творчества Л. Н. Толстого – это самосовершенствующийся человек и утверждение своеобразной «толстовской» формы кооперативного труда, где основой выступает простой крестьянский труд. В последнем случае мы, конечно, имеем дело с утопически-социалистической ретроспективной идеей. Но в целом это не исключает своеобразия и положительности действия некоторой общей языковой модели в том смысле, как об этом было сказано раньше.

Небезынтересно обратить внимание на характер поисков новой формы для поэтического творчества русскими символистами (личностями, безусловно, верующими) 1920-х гг. Речь идет о таких замечательных деятелях культуры, как А. Белый, А. Блок, Н. Гумилев. Они, как и многие другие, ощущали неадекватность языка поэзии XIX в. для поэтического воспроизведения текущей российской действительности. Иначе говоря, обозначается проблема: как найти устойчивый космический смысл в революционно подвижной текучей действительности и каковы те языково-формальные средства, которые соответствуют воплощению этого смысла, поднимающегося над подвижной действительностью и канцелярской кафкианской суетностью. В целом же это вопрос о том, как превратить деятеля художественной культуры в человека-творца. Вот как очерчивает ответ на этот вопрос А. Белый: «Раз в истории “Я” поднимало свой подлинный голос; и это было “Я” Христа, христианство – религия самосознающего “Я” – противопоставлено как всем культам, так и всей “некультурице” со-

временного буржуазно-атеистического строя... Таков взгляд на культуру Антропософии: культура есть Антроподицея, сочетающая Космодицею с Теодицеей. В уразумении этого – пути культуры» [4, с. 94]. Таким образом, и здесь мы сталкиваемся с той же содержательной перспективной мыслью о движении художественной культуры, которую ранее охарактеризовали как эволюционную. Что же касается языково-образного представления результата, то здесь А. Белый остается верен традиции Н. В. Гоголя, исследованием творчества которого он занимался специально. В этом представлении должны принципиально присутствовать условность, иносказание, таинственность, волшебство. Этой же позиции придерживается А. Блок (иначе как же можно характеризовать его поэму «Двенадцать» и всю программную лирику?).

В некоторой аналогии с поисками символистами истинных начал искусства в истории христианства известно возникшее в Англии в середине XIX в. (также с возвращением в прошлое) движение «праерафаэлитов», художников, мечтавших вернуться во времена, предшествовавшие Рафаэлю. Они считали, что прогресс и рынок, салоны и академизм иссушили душу искусства. «Художники “праерафаэлиты” мечтали вернуть салонной цивилизации пафос служения ремеслу и простым истинам, тайну мистерии – в их представлении, в те времена, когда мастера трудились в гильдиях, искусство было честнее... И все они мечтали о братстве» [5, с. 78]. Заметим, как это ясно из предыдущего изложения, такая ориентация в сочетании с религиозностью несет в себе должное воспитательное и общественно-логическое значение, несмотря на то что она воспроизводит время Средневековья – время ремесел и натурального обмена.

Завершая наше изложение, перейдем к краткой характеристике того, как возможно аттестовать качественные проявления теологической «составляющей» предложенной нами языковой модели, а также методологическое значение самой этой модели. С самого начала следует подчеркнуть, что в синтезе с профессиональной ориентацией и привходящими материалами теология приобретает достаточно выраженную предметность (это уже комплекс утверждений о сущностях профессиональной сферы: науки, искусства, антропософии и т. п.). Далее, утверждения здесь как-то подчеркивают связь конечного и бесконечного в отличие от «линейной бесконечности» в утверждениях стандартной

официальной теологии, и также сочетание устойчивого и подвижного. И наконец, благодаря этому в теологии возникают элементы метаотношения, когда к той или иной синтетической концепции можно подходить с критическими мерками. Надо отметить и такие функции, важные с точки зрения металогической и прагматической (что выявлено в ходе нашего анализа), как организующая и стимулирующая познавательно-исследовательский интерес.

В то же время модель делает равнозначными как веровательные, так и любые другие мировоззренческие ориентации творческих личностей и групп, а также различных национальных и этнических общностей, что способно содействовать толерантности взаимоотношений между ними. Здесь благодаря этому можно поставить вопрос о нормативности соотношения веровательных и рационалистических компонентов духовности как в мононациональной среде, так и в полиэтническом коллективе. То есть становится понятной неоправданность акцентуаций одной веры перед другой, так же как и веровательности перед безрелигиозностью. На первый план выступают мотивы гражданственности в поступках и поведении лиц. При этом требования гражданской этики выступают в гармоническом единстве с конфессиональной моралью или являются доминантными.

Наука и эстетическая теория особенно показательны в плане теологической контактности. Именно в этой сфере со всей полнотой и непринужденностью проявляется тот факт, что в веровательности, теологических установках нет ничего навязываемого, принудительного, нет отчужденности, а есть свободное самовыражение духа. Творчество – научное, эстетическое – согласно нашей модели, представляет как раз ту область, в которой формируются и задаются нормативы гармонического взаимодействия конфессий, а также между конфессиональностью и безрелигиозностью. Ясно, что методологически важной в этом свете становится ориентация на способы универсализации такой гармоничности. Первостепенную важность в этом плане приобретает сфера образования и просвещения, а в целом – более широко – ориентация на такую подготовку личности, в которой первостепенное внимание уделяется развитию творческой деятельности. Творчество, а также сосредоточенное искусное ремесло снимают моменты возможной религиозной «зацикленности» и конкурентности. Мораль принципа «купи-продай» в этом отношении не

только бесплодна, но может приводить к недоверию и даже враждебности между людьми и группами.

В качестве итога можно утверждать, что во всех случаях и духовных проявлениях, где имеется контакт теологической составляющей с другими культурно-духовными формами, эта составляющая обретает положительную реализацию, утверждение о чем для официальной теологии выглядит по меньшей мере проблематичным.

Литература

1. Молодший В. Н. О философско-методологических предпосылках открытия и разработки Н. И. Лобачевским неевклидовой геометрии // Философские науки. 1980. № 4. С. 75–84.
2. Лобачевский Н. И. Научно-педагогическое наследие. М. : Наука, 1976. 663 с.
3. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Юбилейное издание. М. : Гослитиздат, 1928–1958.
4. Белый А. Пути культуры // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 91–94.
5. Кантор М. Утопия зачарованного леса // STORY. 2019. № 1–2 (120). С. 72–80.

Language model of tolerant scientific, cultural and theological dialogue

© Malchukov V. A., Malchukova N. V., 2019

Abstract. The synthetic language model of justification of tolerant relationship of theology with science and culture in the framework of the creative process is substantiated.

Keywords: language, metalanguage, theology, model, tolerance, science, art, creativity.

Мальчуков Валерий Алексеевич – доктор философских наук, кафедра философии и методологии науки отделения философии и теологии, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: malchukov.v@mail.ru

Мальчукова Нина Валерьевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и методологии науки отделения философии и теологии, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: ninamalchukova@mail.ru

Malchukov Valeriy Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Department of Philosophy and Theology, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: malchukov.v@mail.ru

Malchukova Nina Valerievna – Doctor of Philosophy, Associate Professor Professor of Department of Philosophy and Methodology of Science, Department of Philosophy and Theology, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: ninamalchukova@mail.ru.

Этноконфессиональная обстановка в Иркутской области в свете проблем государственно-правового регулирования

© Мишин А. В., 2019

Аннотация. Предметом рассмотрения является определение базовых характеристик вероисповедной политики регионального уровня в свете проблем государственно-правового регулирования на примере Иркутской области в условиях перехода от «советской модели» к демократическим формам взаимодействия органов власти с религиозными объединениями.

Ключевые слова: свобода совести и вероисповедания, государственно-конфессиональные отношения, межконфессиональные отношения.

За прошедшие десятилетия Иркутская область, как и другие субъекты Российской Федерации, испытала значительные социально-политические перемены, которые затронули и религиозную сферу, оказали существенное влияние на систему взаимоотношений «личность – общество – государство» в ходе реализации принципов свободы совести и свободы вероисповедания.

Новая религиозная ситуация, сложившаяся в регионе к настоящему времени, обусловлена ростом религиозности населения, демократизацией курса вероисповедной политики России и общим ходом российских реформ. За период с 1990 г. по настоящее время в Иркутской области количество зарегистрированных в органах юстиции религиозных объединений возросло в 10 раз, что в целом способствовало укреплению религиозной инфраструктуры [1, с. 197]. Одновременно происходило появление в исторически сформировавшемся религиозном пространстве новых субъектов, не укорененных в регионе, но претендующих на лидерство в духовной сфере. Активизируя свою деятельность, религиозные объединения стремятся распространить влияние на различные сферы общественной жизни, что вызывает неоднозначную реакцию общества и государства. Таким образом, сегодня религия и религиозные структуры действительно превратились в существенный фактор общественно-политической жизни в Иркутской области.

Еще одним явлением новой вероисповедной политики на региональном уровне стало и то, что управленческие структуры

утратили свои некогда обширные полномочия в данной сфере. Идеология перестройки направляла усилия государственных институтов на разрушение ранее сложившихся взаимоотношений с религиозными объединениями. Особенностью Иркутской области в отличие от других регионов является то, что из наследия прошлого были исключены явно негативные моменты, но сохранилась рациональная основа дальнейшей работы – положительный опыт государственного регулирования вопросов религиозной жизни общества. В связи с принятием 1 октября 1990 г. Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и 25 октября 1990 г. Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» был упразднен институт уполномоченных по делам религии при Совете Министров СССР. В большинстве регионов России вследствие этого были утрачены механизмы взаимодействия с религиозными объединениями. В Иркутской области такие механизмы были сохранены и взаимодействие с религиозными институтами не прекращалось [2, с. 56].

Изменения принципов взаимоотношения государства и церкви, начиная с 1990-х гг., были вызваны объективными причинами. Распад СССР положил конец прежней религиозной политике. Всеобщая трансформация жизни общества, появление новых тенденций сказались как на религиозной сфере в целом, так и на отношениях государства и церкви. Если раньше государственная политика в отношении религиозных организаций, в сущности, сводилась к контролю, то постсоветский период характеризуется смещением акцентов. Теперь государство стремится поощрять социальную активность религиозных организаций, а также предпринимает попытки упорядочивания религиозной сферы. Формальные правила задают общие параметры, однако существуют также и неформальные нормы, которые ранжируют религиозные организации по степени включенности в институты религиозной политики. Религиозная политика в Иркутской области имеет свои особенности, позволяющие поддерживать социальную стабильность в регионе.

Рассматриваемый период в Иркутской области можно разделить на три этапа.

1990–1997 гг. Временные рамки рассматриваемого этапа обусловлены двумя важными событиями в сфере государственно-религиозных отношений в России: принятием в 1990 г. Закона

СССР «О свободе совести и о религиозных организациях» и Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» и вступлением в силу Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в 1997 г. Верховный Совет СССР в Постановлении о введении в действие Закона СССР «О свободе совести и о религиозных организациях» предложил Совету Министров СССР упразднить институт уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР.

Постановление Верховного Совета РСФСР о порядке введения Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» объявило недействующими на территории республики все нормативные акты РСФСР и СССР, противоречащие данному закону, и утратившими силу Декрет СНК РСФСР 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», Постановление ВЦИК и СНК 1929 г. «О религиозных объединениях», а также Указ Президиума Верховного Совета РСФСР 1975 г. «О внесении изменений и дополнений в Постановление ВЦИК и СНК 1929 г. «О религиозных объединениях». Согласно ст. 8 части I указанного закона «на территории РСФСР не могут учреждаться исполнительные и распорядительные органы государственной власти и государственные должности, специально предназначенные для решения вопросов, связанных с реализацией права граждан на свободу вероисповеданий». Таким образом, на территории РСФСР была прекращена деятельность института уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР.

В рассматриваемый период государственно-религиозные отношения в Иркутской области строились с учетом во многом противоречивых требований нового законодательства, при этом использовался наработанный опыт предыдущего времени. В отношениях с конкретными религиозными организациями было выстроено определенное ранжирование, обусловленное как объективными, так и субъективными причинами.

1998–2007 гг. Временные рамки рассматриваемого периода обусловлены двумя важными событиями в сфере государственно-религиозных отношений принятием в 1997 г. Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и созданием Межконфессионального совета при Администрации Иркутской области в 2007 г.

Принятие Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» стало ключевым событием в формировании законодательства о свободе совести на федеральном уровне. В связи с вступлением нового закона в силу государственно-конфессиональные отношения в Иркутской области получили дальнейшее развитие. Многие религиозные объединения восприняли ряд положений закона как дискриминационные. В связи с этим обстоятельством администрация с октября 1997 г. начала планомерную работу с религиозными руководителями по разъяснению требований законодательства.

В 2007 г. отношения между органами государственной власти региона и религиозными объединениями, а также отношения между основными, действующими в области конфессиями вышли на качественно новый уровень. 26 февраля Постановлением губернатора Иркутской области был образован Межконфессиональный совет при администрации Иркутской области, в который вошли представители одиннадцати конфессий [3, с. 15].

С 2008 г. по настоящее время. Взаимодействие Правительства Иркутской области с религиозными объединениями продолжает развиваться и приобретает новые формы. Начиная с 2014 г. религиозные организации имеют возможность получения субсидий из областного бюджета путем участия в региональном конкурсе социально значимых проектов некоммерческих организаций по сохранению национальной самобытности Иркутской области, гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений и в конкурсе социально значимых проектов «Губернское собрание общественности Иркутской области». За прошедшее время победителями указанных конкурсов стали православные, мусульманские, буддийские, протестантские и шаманистские религиозные организации. Взаимодействие органов государственной власти Иркутской области с религиозными объединениями строится на основах законодательства в сфере свободы совести, с одной стороны, при этом идет поиск новых неформальных методов работы. Данные социологических исследований подтверждают вывод, что сформированные в Иркутской области в постсоветский период формальные и неформальные институты государственного регулирования религиозной сферы определяют структуру межрелигиозных отношений в регионе и способствуют его социальной стабильности.

Литература

1. Сараев В. Г. Современные духовно-религиозные институты Иркутской области. Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2012. № 2 (9), ч. 1. С. 196–204
2. Архив отдела этноконфессиональных отношений управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям. Опись 2, исходящие 1987–1991 гг.
3. Лункин Р. Энциклопедия. Религиозная жизнь в России сегодня. Иркутская область. Сбор материалов: С. Филатов, Р. Лункин, К. Деннен. <https://www.keston.org.uk/encyclopaedia-vol-2>.

Ethnoconfessional situation in Irkutsk region in the light of problems of state-legal regulation

© Mishin A. V., 2019

Abstract. The subject of the study is to determine the basic characteristics of religious policy at the regional level in the light of the problems of state and legal regulation on the example of the Irkutsk region in the transition from the “Soviet model” to democratic forms of interaction between authorities and religious associations.

Keywords: freedom of conscience and religion, state-confessional relations, interfaith relations.

Мишин Алексей Владимирович – главный советник, отдел этноконфессиональных отношений, Управление губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям, г. Иркутск, Россия, e-mail: a.mishin@govirk.ru

Mishin Alexey Vladimirovich – Chief Adviser, Department of ethnoconfessional relations, Irkutsk region Governor's office and the Irkutsk region Government for public relations and national relations, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: a.mishin@govirk.ru

УДК 27.6

Христианская экзегеза как способ собирания и гармонизации общества (на примере экзегезы И. Златоуста)

© Прохоров Е. А. 2019

Аннотация. Изучается экзегетическая практика толкования на примере экзегезы И. Златоуста, патриарха Константинопольского (IV век). Делается вывод, что главной целью его толкований является определение условий, при которых в мире, где царит разделение, непонимание, ненависть и вражда, будет создано сообщество, основанное на любви, способное преобразить весь мир.

Ключевые слова: И. Златоуст, человек, сообщество, единство, вера, любовь.

Становление человека происходит не в замкнутом пространстве. Человек существует в обществе, в окружении других, и его действия всегда совершаются относительно кого-то. Формирование мировоззрения и становления человека как личности обусловлено социумом, в котором религиозные сообщества занимают не последнее место. Присутствие и влияние религиозной картины мира можно увидеть в области морали и этики, искусства и философии, политики и права и др. Религиозное многообразие мира зачастую становится причиной этноконфессиональных конфликтов, когда представители одной религии выражают непримиримую вражду к адептам другой религиозной системы да и к другим людям в целом. Отчего так происходит? Дело в том, что образ действия верующего человека напрямую связан с идеальным образом, который задан в конкретной вероучительной системе в опоре на письменный источник. Таким источником для христианства является Библия, для иудаизма – Танах, ислама – Коран, индуизма – Веды, буддизма – Трипитаки и т. д. Каждая религия создает, на различных основаниях, свое сообщество верующих людей, определяя особый способ существования субъекта в мире. Это сообщество в дальнейшем и будет являть свое присутствие в мире и выстраивать коммуникацию с другим, отличным от него многообразием миров, построенных, возможно, на совершенно других основаниях. На наш взгляд, в основании любого сообщества должны быть заложены механизмы адекватного разрешения конфликтов, которые неизбежны в столь полиморфном мире.

Цель данной статьи – показать на примере экзегезы Иоанна Златоуста (IV в.) основные принципы христианского взгляда на становление субъекта и созидания сообщества веры, способного гармонизировать общество.

Для экзегезы И. Златоуста вопрос становления личности неразрывно связан с вопросом созидания сообщества веры или церкви. Его экзегеза целиком и полностью направлена на решение этой сложной задачи; в его руках герменевтика из простого инструментария превращается в иной способ бытия, осуществляющего соби́рание нового сообщества, которое действует в этом мире на принципиально новых межсубъектных отношениях. «Если бы части (члены. – *Е. П.*) церкви были здоровы, то были бы многие соединения. А если у них (*Коринфян. – Е. П.*) были разде-

ления, то не было и целого. Когда целое разделяется на многие части, то не только части не составляют многих (целых), но перестает быть и одно целое. Таково свойство разделений! Кто согласен в одном, но не согласен в другом, тот еще не соединен, не достиг совершенного единомыслия. Бывает и то, что при согласии в мыслях еще нет согласия в духе, – например, когда мы, имея одну и ту же веру, не соединены между собой любовью. В этом случае мы согласны в мыслях – думаем ведь одинаково, – но еще не согласны по духу» [1, с. 24].

В трудах И. Златоуста мы находим описание способов становления такого сообщества, членом или частью которого должен стать человек.

С христианской точки зрения, онтологическим основанием Церкви как общности, как собрания единомышленников, является Бог. Согласно христианскому богословию, Бог не является самозамкнутой Монадой, Бог есть Троица, и внутритроичные отношения определяются как отношения общины [2], основанные на любви между Лицами святой Троицы. Эта Община, по Своему Образу и Подобию, из небытия приводит в бытие человека, который в тварном мире призван создать основанную на тех же принципах любви единую совершенную общину [2]. Сообщество субъектов веры, тесно соединившихся друг с другом, представляет собой собрание людей, которое именуется Церковью. «Павел Церковь называет Божию, выражая тем, что в ней должно быть единение, потому что если она Божия, то соединена и едина, не только в Коринфе, но и во всей вселенной. Имя Церкви – это имя не разделения, но единения и согласия» [1, с. 27].

Созидание сообщества веры возможно тогда, когда человек веры осознает себя лишь частью целого, когда его бытие без Другого неполноценно, а становится полноценным при совместном проживании. Слово сообщество указывает на неделимость целого, общего на разделенные, разорванные части. Человек, проявляя заботу о себе, одновременно должен начать проявлять заботу и о Другом. «А пусть, ища своего, всякий имеет в виду ближних; что – наше, то – и их. Мы одно тело и члены и части друг друга. Не будем же в отношении друг ко другу как разделенные. Пусть никто не говорит такой-то мне не друг, не родственник, не сосед; у меня нет ничего общего с ним: как мне приступить к нему? Мы должны показывать не такую близость, не такое иметь общение

между собою, как друзья с друзьями, а как члены с членами» [3, с. 140]. Именно в тот момент, когда один член перестает проявлять заботу о Другом, он запускает процесс расчленения, раздробления, бифуркацию целого, частью которого он является. Заботясь только о себе, человек перестает доверять другим членам сообщества, и это приводит к внутренней самоизоляции и псевдозаботе о себе. Механизм построения сообщества веры устроен таким образом, что при постоянной заботе о Другом человек приобретает благо для самого себя, и наоборот. «Кто не думает о ближнем, не заботится об его делах, тот будет ли заботиться о своих? Как заботящийся о ближнем хорошо устроит вместе с его делами и свои собственные, так презирающий дела ближнего будет презирать и свои, собственные. Если мы – здание, то, когда страдает одна часть, повреждается и все здание, а когда она тверда, то может держаться и все прочее. Так и в Церкви. Ты оказал презрение брату? Этим ты причинил вред самому себе. Почему? Потому, что твой член потерпел немалый вред» [4, с. 403].

Следовательно, необходимо изменить статус Другого и не говорить: «Что у меня общего с ним? Он мне чужой и незнакомый». Другой должен восприниматься как дар, который приносится Богу, это очистительная жертва, преображающая самого приносящего. Без этого приношения человек веры потерпит неудачу и предстанет перед Богом «пустым», даже если сам останется чистым и непорочным. Недостаточно самому находиться внутри собрания, «пусть каждый из вас обратит ко спасению одного из братьев, пусть позаботится об этом, пусть потрудится, чтобы в следующее собрание нам придти с великим дерзновением, неся дары Богу, дары самые драгоценные, возвращая (к Нему) души заблудших. Пусть даже придется понести обиды, получить удары, потерпеть что-либо другое – все сделаем, только бы возвратить их» [5, с. 362]. Проявляя заботу о спасении другого члена сообщества, человек сознательно соглашается на кенозис, самоумаление: «если увидишь брата погибающим, пусть он тебя бранит, пусть оскорбляет, пусть бьет, пусть угрожает сделаться твоим врагом, пусть делает что бы то ни было другое: все перенеси благодушно, только бы тебе приобрести его спасение» [5, с. 362]. Предельная открытость верующего человека (не только для взаимной заботы и любви, но и для страдания ради восстановления целостности сообщества веры) становится его онтологической потребностью. В этом

случае участие в спасении отпавшей части является для человека осознанным шагом, который предполагает «возможность неответа или неэквивалентного ответа. Действие веры... предполагает... принятие любого ответа в качестве ответа» [6, с. 77].

Приращение Церкви или собрание сообщества веры может осуществляться двумя способами, посредством слов и дел. И. Златоуст предлагает с помощью слов уловлять и возвращать беспечных в церковное лоно. На деле от человека требуется творческий подход по поиску правильных слов. Здесь важно найти слово (слова), которое точно и по существу открывало бы другому члену его недолжное, неистинное, искаженное пребывание относительно сообщества и собственного бытия. Подобрать такие слова способен лишь тот, кто сам в своей жизни являет неразрывность услышанных слов с собственным образом жизни, ибо «не будет никакой пользы от учения, если учение не будет сопровождаться деятельностью и соответствующую слову жизнью» [7, с. 155]. Лучшее наставление, по И. Златоусту, это – наставление образом жизни, наставление деятельностью. «Хотя бы ты ничего не говорил, но, вышедши из собрания, своим видом, взором, голосом, походкою и всяким другим положением тела показал отсутствовавшим людям ту пользу, какую ты получил здесь, то этого достаточно для наставления и увещания» [7, с. 154]. На наш взгляд, здесь речь не идет о двух различных способах наставления словами и делами. Слово и дело здесь предстают как единое, неразрывное целое, онтологической основой для существования которого становится сам человек. Другими словами, деятельный субъект веры сам является воплощенным словом.

Используя язык евангельских образов, И. Златоуст призывает слушателей соответствовать своему предназначению для созидания Церкви как сообщества веры: «Не для себя самого только должно быть полезным, но и для многих, как показал Христос, назвав нас солью, закваскою и светом (Мф. 5:13,14). Эти предметы полезны и благодетельны для других» [7, с. 234]. Действовать, как действуют эти предметы, действовать, как действует бытие, действовать подобно бытию человек научается в собрании верующих. Какая польза от света, если он не светит находящемуся во мраке? Какая польза от христианина, если он не показывает путь к добродетели? Соль предотвращает от гниения, так и христианин гниющие члены должен соединять с телом Церкви. Закваска запус-

кает процесс брожения, несмотря на свою малость, так и верующий своей теплотой веры способен возбуждать живую веру в Другом.

Человек существует в социуме в окружении различного рода собраний, и, выходя из одного собрания, он – либо осознанно, либо нет – соприкасается и входит в общение с другими сообществами, которые могут оказать на него свое влияние. Дурные сообщества развращают добрые нравы – гласит древняя поговорка. Церковь – это собрание людей, совместно интерпретирующих и воплощающих Слово Бога. Время окончания чтения Священного Писания не должно стать временем выхода из сообщества веры, сопричастность Слову носит вневременной характер. «Когда мы выйдем отсюда, не станем тотчас отдаваться непристойным собраниям или праздным речам и бесполезным занятиям, но, пока еще держим в памяти сказанное, поспешим домой, и каждый, севши с женой и детьми, пусть внимательно размыслит о сказанном. А если не хотите пойти домой, то, собрав дружески тех, которые слушали вместе с вами, сядьте наедине, и, предлагая от себя каждый то, что мог сохранить, вторично составьте полное поучение, чтобы вам собираться сюда не напрасно» [8, с. 249]. Таким образом создается сообщество веры, бытие которого, независимо от времени и пространства, обусловлено всегдашним присутствием вечного Логоса. Это сообщество не смешивается и не растворяется среди других сообществ, находящихся в социуме. Субъектов веры такого сообщества И. Златоуст называет истинными людьми, вводя духовный критерий, по которому он отличает их от других представителей человеческого рода: «Собрание у нас с каждым днем становится меньше. Город полон людей, а церковь пуста; площадь, театры и портик полны, а дом Божий пуст. А лучше, если сказать правду, город пуст, а церковь полна людей. Людьми называть должно не тех, которые на площади, а вас, которые в церкви; не тех беспечных, а вас – усердных; не тех, которые пристрастились к житейскому, а вас, которые житейскому предпочитаете духовное. Не тот человек, у кого есть тело и голос человеческий, а тот, у кого есть душа человеческая и душевное настроение. А о душе человеческой ничто так не свидетельствует, как любовь к слову Божию; равно ничто так не показывает и не обличает души скотоподобной и неразумной, как пренебрежение к слову Божию. Небрегущие о слышании слова Божия, этим небрежением, потеряли человечество (τό εἶναι ἀνθρώπου) и утратили самое природное достоинство свое» [7, с. 173].

Истинное христианское сообщество не знает разделения людей по социальному положению. Сообщество верующих устроено таким образом, чтобы собирающиеся в нем не разделялись, а, наоборот, чтобы разделенные, в силу разных жизненных обстоятельств, соединились. Церковь смотрит не на внешнее различие, а на внутреннее природное единство людей, не на то, что их разделяет, а на то, что их объединяет. У всех людей одинаковое рождение, общая природа, общее место обитания, человек сам ввел неравенство и деление на богатых и бедных. Церковь – это попытка создать такую общность людей, где каждый член сообщества, невзирая на статусность, смог бы увидеть друг в друге свой запечатленный образ. В других сообществах «не увидишь вместе богатого и бедного, ни в судилищах, ни в царских чертогах, ни на торжищах, ни на пиршествах; там один в чести, другой в презрении, тот с дерзновением, этот со стыдом: «мудрость бедняка пренебрегается, и слов его не слушают» (Еккл. 9:16); «заговорил богатый – и все замолчали и превознесли речь его до облаков; подвергся несчастью бедняк, и еще бранят его; сказал разумно, и его не слушают» (Сир. 13:27,28). А здесь (в Церкви. – *Е. П.*) не так» [9, с. 141], и богатые и бедные вместе сидят за одним столом, вместе создают общность, основанную на любви. В этой общности нет разделения, а есть только различие, выражающееся в разного рода служении. Жизнь Церкви разнообразна, как в теле у каждого члена своя функциональная нагрузка, обеспечивающая полноценное существование организма, так и в Церкви «есть лики девственников, есть общества вдовиц, есть братства сияющих в целомудренном браке, и много степеней добродетели» [1, с. 398]. По точному замечанию Дж. Милбанка, «для христианства подлинная общность означает свободу людей и групп быть разными, не сводиться к ролям в установленном консенсусе; но одновременно эта общность совершенно исключает безразличие. Мирная, сплоченная, надежная община предполагает абсолютный консенсус, и все же там, где различие признается, это не соглашение в области идей, не что-то достигнутое раз и навсегда, а консенсус, выражающийся исключительно в жизни и взаимоотношениях внутри самой общины, консенсус, который движется и “изменяется”» [2]. В свою очередь, Златоуст продолжает акцентировать внимание на разнообразии церковной жизни и многообразии жизненных путей. Каждый субъект веры определяет для себя такой способ существования, который органически достраи-

вает сообщество до идеального состояния. Само сообщество не давит на своего члена, не указывает ему на надлежащее место, не оказывает онтологического насилия, а оставляет за ним право для самостоятельного выбора: «Ты не можешь идти путем девства? Иди путем единобрачия. Не можешь через единобрачие? Иди, по крайней мере, через второй брак. Не можешь идти путем целомудрия? Иди путем милосердия. Не можешь идти путем милосердия? Иди путем поста. Не можешь тем? Иди этим. Не можешь этим? Иди тем... Ты не можешь быть драгоценным камнем? Будь золотом. Не можешь быть золотом? Будь серебром... Ты не можешь быть солнцем? Будь луною. Не можешь быть луною? Будь звездой. Не можешь быть великою звездой? Будь по крайней мере малою, только бы на небе. Не можешь быть девственницею? Живи в браке с воздержанием, только бы в Церкви. Не можешь быть нестяжательным? Будь милосерд, только бы в Церкви» [7, с. 27]. Если такое сообщество охарактеризовать на языке «музыкальной» онтологии [2], то можно говорить о специфически ярко выраженной гармонии и согласии между ее членами. «Как на лире, составленной разнообразно и вместе стройно, от благоустройства каждой из составных частей происходит один благозвучный тон, так точно и здесь из всех должно бы составляться одно стройное согласие» [10, с. 309]. Община как действенный мир, как музыкальное различие, актуально воплощается, идеально представляется и, в обоих этих аспектах, созерцается [2]. Идеально воплощенное, гармонично и согласно устроенное сообщество веры имеет своим онтологическим основанием – Любовь (в христианстве Бог есть Любовь).

Любовь является бытием (онтологией) для всего сущего. Любовь – это сердцевина и средоточие сообщества верующих. Собственно говоря, сообщество и создается только ради того, чтобы члены общины явили чудо любви, это единственная и главная цель, которая оправдывает существование Церкви. Сообщество ставит перед собой задачу быть как Любовь, действовать как Любовь, воссоздавать как Любовь, соединять как Любовь, сближать как Любовь, сопрягать как Любовь, в результате стать бытием для всего сущего. Основанием для такого бытия субъекта и сообщества в целом может быть только любовь к Любви. Полюбить Любовь (Бога, Христа) не за то, что она является источником моего бытия, а просто потому, что любить, кроме любви, больше некого, Любовь эта единственно реально су-

ществующее Бытие. Именно поэтому в христианстве первая и наибольшая заповедь звучит как «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим», т. е. всем своим существом. Истинная любовь не мыслит в торгово-рыночных категориях: ты мне – я тебе. Первым основанием любви к ближнему должна стать любовь ко Христу как к воплощенной Любви. К сожалению, даже в сообществе верующих встретить такую любовь большая редкость. И. Златоуст вынужден зафиксировать: «Что многие имеют другие побуждения к любви: один любит потому, что его самого любят; другой потому, что его уважают; иной потому, что ближний в некотором житейском деле был для него полезен; а четвертый по чему-нибудь другому. Но трудно найти такого, который бы любил ближнего искренно и как должно – для Христа. Большинство соединены друг с другом только житейскими делами» [11, с. 175]. Такую любовь можно назвать атрибутивной, когда субъект положительно относится к другому, имея в виду прежде всего получаемые дивиденды. Истинная же любовь смотрит внутрь, вглубь, внимая бытию другого. Мы согласны с А. Железновым, который, ссылаясь на Дж. Агамбена, пишет: «Любовь представляет собой заботу о самой способности другого быть. И в этом смысле она составляет опыт имени дела с самим “быть” как таковым» [6, с. 33]. Продолжая эту мысль, можно сказать, что способность другого быть становится условием моего собственного истинного существования, т. е. я могу любить лишь в силу того, что другой есть. На основании этого можно сказать, что сообщество веры порождает из себя самого новое сообщество истинной любви. «Великое благо – собрание. Оно делает любовь пламеннее, а от нее происходят все блага; нет блага, которое не происходило бы от любви. Как железо острит железо, так и общение друг с другом умножает любовь. Если камень, ударяясь о камень, издает огонь, то не тем ли более душа, сообщаясь с душою» [12, с. 198]. Сообразуя свою жизнь с любовью, сообщество веры способно сообщить и явить всему миру новый способ быть. О действенном преображении социума И. Златоуст пишет следующим образом: «Прежде наполнялась одна только Церковь, а теперь и площадь стала Церковью; одна глава и там, и здесь» [7, с. 66].

Таким образом, создаваемое сообщество веры – это такое общество людей, которое верит в возможность преобразования

мира и человека посредством любви. Основанием для такой веры служит убежденность в онтологичности любви. Церковь не является замкнутым на себе собранием, отделенным от остального мира непроницаемой стеной. Отделенность существует, но она не тотальна, ее можно представить в виде образа дышащей мембраны, которая пропускает в мир преобразующую силу любви, с одной стороны, с тем чтобы принять в себя всех откликнувшихся и принявших эту любовь, с другой.

Литература

1. Иоанн Златоуст. Полное собрание творений Святителю Иоанна Златоуста. В 12 т. Т. 10. М. : Эксмо, 2017. 903 с.
2. Милбанк Дж. Постмодерный критический августицизм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=3289> (дата обращения: 20.09.2019)
3. Иоанн Златоуст. Полное собрание творений Святителю Иоанна Златоуста. В 12 т. Т. 8. М. : Эксмо, 2017. 938 с.
4. Иоанн Златоуст. Полное собрание творений Святителю Иоанна Златоуста. В 12 т. Т. 11. М. : Эксмо, 2017. 928 с.
5. Иоанн Златоуст. Полное собрание творений Святителю Иоанна Златоуста. В 12 т. Т. 1. М. : Эксмо, 2017. 928 с.
6. Железнов А. Трактат об этике. М. : Кабинетный ученый, 2018. 204 с.
7. Иоанн Златоуст. Полное собрание творений Святителю Иоанна Златоуста. В 12 т. Т. 3. М. : Эксмо, 2017. 964 с.
8. Иоанн Златоуст. Полное собрание творений Святителю Иоанна Златоуста. В 12 т. Т. 2. М. : Эксмо, 2017. 940 с.
9. Иоанн Златоуст. Полное собрание творений Святителю Иоанна Златоуста. В 12 т. Т. 5. М. : Эксмо, 2017. 928 с.
10. Иоанн Златоуст. Полное собрание творений Святителю Иоанна Златоуста. В 12 т. Т. 9. М. : Эксмо, 2017. 928 с.
11. Иоанн Златоуст. Полное собрание творений Святителю Иоанна Златоуста. В 12 т. Т. 7. М. : Эксмо, 2017. 932 с.
12. Иоанн Златоуст. Полное собрание творений Святителю Иоанна Златоуста. В 12 т. Т. 12. М. : Эксмо, 2017. 928 с.

Christian exegesis as a way of collecting and harmonizing society (exemplified by I. Chrysostom)

© Prokhorov E. A., 2019

Abstract. The basis of various religious traditions is its unique written source, which determines the ideal image of a person, his life and attitude to the rest of the world. Largely on the understanding and interpretation of the text depends on what grounds and principles a person, of a particular faith, will interact with the world. In the Christian tradition, the doctrine text is the Bible. Christianity has a rich exegetical practice of interpreting sacred texts. John Chrysostom Patriarch of Constantinople (IV

century) is one of the indisputable authorities in the field of biblical exegesis. The main purpose of his interpretations is to determine the conditions under which in a world where separation, misunderstanding, hatred and enmity reign, a community based on love will be able to transform the whole world.

Keywords: I. Chrysostom, man, community, unity, faith, love.

Прохоров Евгений Александрович – старший преподаватель, кафедра теологии, исторический факультет, Иркутский государственный университет; г. Иркутск, Россия, e-mail: irgtuprihod@inbox.ru,

Prokhorov Evgeniy Aleksandrovich – Senior Lecturer, Department of Theology, Faculty of History of Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: irgtuprihod@inbox.ru

УДК 340.12

Правовая политика в отношении коренных малочисленных народов Иркутской области: современное состояние

© Самусевич А. Г., 2019

Аннотация. Анализируются теоретические аспекты содержания и реализации правовой политики в отношении коренных малочисленных народов. Сделан вывод, что значение правовой политики в указанной области обосновывается необходимостью системного, целенаправленного и гарантированного проведения соответствующей политики государства в интересах сохранения и развития малонаселенных территорий Сибири и коренных малочисленных народов, проживающих на этих территориях.

Ключевые слова: правовая политика, правоотношения, правосознание, коренные малочисленные народы, традиционный образ жизни, тофалары, эвенки.

Актуальность теоретико-правовых исследований в представленной области обусловлена тем обстоятельством, что именно правовая политика государства оказывает существенное влияние на функционирование практически всех областей жизнедеятельности представителей коренных малочисленных народов: политики, экономики, социальных отношений, межнациональных отношений, культуры и др.

Стоит отметить, что создание и совершенствование правовых условий для сохранения и развития указанных народов предполагают проведение понятной для них научно обоснованной, ориентированной на потребности решения практических задач,

политики в данной области. Не секрет, что проводимые в последнее время реформы в виде организации территорий опережающего развития, различных кластеров, свободных экономических зон и т. п. не приводят к желаемому результату по развитию указанных территорий и не повышают уровень благосостояния жизни населения, проживающего на них.

В настоящей статье речь пойдет о теоретическом понимании содержания правовой политики государства в сфере обеспечения жизнедеятельности малочисленных народов, которые проживают, в том числе, и на территории Иркутской области. В этой связи можно отметить, что в качестве объекта именно правовой политики коренные малочисленные народы до настоящего времени практически не рассматривались. Кроме того, как видится, ни одна система не будет функционировать без эффективно реализуемой правовой политики. Как справедливо отмечает Н. В. Исаков, «непродуманная и слабая правовая политика, сопряженная с несовершенной и пробельной юридической базой, с противоречиями в правовых актах, с нечеткими приоритетами, ведет к сбоям и в осуществлении политики социальной, экономической, национальной» [1, с. 4].

Тем не менее, говоря о сохранении представителей коренных малочисленных народов, в том числе и в Иркутской области, нельзя не упомянуть тот факт, что их численность с каждым годом уменьшается. В целом, как показывает анализ научных исследований и всевозможных докладов и отчетов органов государственной власти и местного самоуправления, у всех коренных малочисленных народов Сибири и Севера одни и те же проблемы, которые выражаются в реальной угрозе – потере исторических земель, мест проживания и территорий традиционного природопользования, оленьих пастбищ, охотничьих угодий, рыболовных участков и участков сбора дикоросов [2].

По-прежнему, среди представителей данного народа растет безграмотность, безработица, забывается язык. Несомненно, культура таких народов, обычаи и традиционные виды хозяйственной деятельности составляют особую нишу современной цивилизации, которую последняя пытается адаптировать в рамки нынешней жизни различными способами и в различных вариантах. В связи с этим совершенствование правовой политики в об-

ласти реализаций гарантий и защиты их прав и интересов – актуальная и востребованная задача.

Действующим федеральным и региональным законодательством коренным малочисленным народам предоставляется достаточно большой объем льготных прав, в особенности в области природопользования и сохранения культурных традиций. Представляется, что нет необходимости перечислять весь законодательный пласт, регулирующий данную сферу. Он огромен. Тем не менее, отметим, что в соответствии с положениями Закона Иркутской области № 140-оз «Об отдельных вопросах организации и обеспечения защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, представители которых проживают на территории Иркутской области», в регионе организуется и обеспечивается защита представителей данного народа, которая выражается в следующем:

во-первых, в сохранении исконной среды обитания, традиционного образа жизни и связанных с ним традиционных отраслей хозяйствования и традиционных промыслов;

во-вторых, в обеспечении устойчивого социально-экономического и культурного развития;

в-третьих, в сохранении и развитии самобытной культуры [3].

С целью реализации приведенных положений, на региональном уровне неоднократно принимались и реализовывались различные государственные программы, которые были направлены на обеспечение создания условий для сохранения и развития традиционных видов деятельности коренных малочисленных народов [4]. В этих программах участвовали два коренных малочисленных народа Иркутской области – эвенки и тофалары. В то же время стоит сказать, что реализация подобных программ не обеспечила полную и эффективную защиту прав коренных малочисленных народов. Правовое регулирование общественных отношений с участием данных народов все еще остается фрагментарным. Кроме того, на сегодняшний день доля представителей коренных малочисленных народов, принявших участие в программных мероприятиях, катастрофически мала, что говорит о низкой заинтересованности с их стороны. В конечном итоге реализация программы была приостановлена до указанного в ней срока.

На сегодняшний день обеспечение поддержки коренных малочисленных народов, проживающих на территории Иркутской

области, включая сохранение и защиту их исконной среды обитания и традиционного образа жизни, реализуется в рамках государственной программы Иркутской области «Реализация государственной национальной политики в Иркутской области» на 2019–2024 гг. Вполне очевидно, что говорить о результатах реализации данной программы еще рано.

Как видно из приведенного, в условиях глобализации и активного освоения природных богатств Сибири проблема коренных малочисленных народов России требует более пристального к себе внимания. Можно констатировать тот факт, что на сегодняшний день отсутствует эффективная система правовой поддержки и защиты интересов коренных малочисленных народов. Как видится, назрела необходимость привести российское законодательство в соответствие с международными нормами, где закрепить четко установленные границы проживания этих народов в целях сохранения среды их обитания. Перед государством и обществом стоит задача не допустить исчезновения этих народов.

Таким образом, правовая жизнь коренных малочисленных народов как объект правовой политики может быть представлена в форме социальной жизни, которая выражается преимущественно в правовых актах и правоотношениях, характеризующих специфику и уровень их правового развития, а также их отношение к праву и степень удовлетворения своих интересов.

Исходя из общетеоретического понимания правовой политики [5, с. 133], можно предположить, что в отношении коренных малочисленных народов она представляет собой научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных органов власти и органов местного самоуправления, а также институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования обеспечения прав и свобод, формирования высокого уровня правовой культуры и правовой жизни представителей указанных народов.

В свою очередь, следует определиться с тем, в каких формах правовая политика может реализоваться в указанной сфере. Возможны следующие формы:

во-первых, правотворческая правовая политика, которая выражается в создании и воспроизводстве с использованием политических приемов необходимых и достаточных условий для становления и развития качественной нормативно-правовой базы в

области сохранения и развития жизнедеятельности коренных малочисленных народов;

во-вторых, правоприменительная правовая политика, в рамках которой реализуется правовое обеспечение функционирования государственных органов, имеющих отношение к применению норм права в области обеспечения жизнедеятельности коренных малочисленных народов;

в-третьих, доктринальная политика, которая способствует формированию концептуально выраженных подходов в области развития и сохранения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, а также призванная устранять противоречия между действующими нормами права и существующими программами, основами, концепциями, доктринами, стратегиями в указанной сфере;

в-четвертых, правовая политика в области организации научной деятельности и просвещения, которая предполагает создание правовых основ для проведения фундаментальных и прикладных исследований в указанной сфере;

в-пятых, правовое воспитание, целью которого является изменение правовых установок и воззрений представителей малочисленных народов.

Вместе с тем не стоит забывать, что рассматриваемые аспекты правовой политики в указанной сфере носят идеальный характер и, в силу объективных и субъективных причин, очень сложно реализуются в действительности, что говорит о необходимости дальнейших научных исследований в данной области.

Литература

1. Исаков Н. В. Правовая политика современной России: Проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 44 с.
2. Сазанаква Т. Т. О правовом регулировании государственной поддержки коренных малочисленных народов Сибири // Вестник КемГУ. 2012. № 3. С. 325–329.
3. Об отдельных вопросах организации и обеспечения защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, представители которых проживают на территории Иркутской области : закон Иркутской области № 140-оз от 16.12.2012 г. // Областная. 2013. № 146.
4. Об утверждении долгосрочной целевой программы Иркутской области «Организация и обеспечение защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов в Иркутской области на

2013–2015 годы» : постановление Правительства Иркутской области от 1 апреля 2013 года № 106-пп // Областная. 2013. № 42.

5. Малько А. В., Затонский В. А. Правовая политика: основы теории и практики. М.: Проспект, 2015. 352 с.

Legal policy in relation to the indigenous peoples of the Irkutsk region: current state

© Samusevich A. G., 2019

Abstract. In the framework of the presented report, the author analyzes the theoretical aspects of the content and implementation of the legal policy in relation to indigenous peoples. The author comes to the conclusion that the importance of legal policy in this area is justified by the need for systematic, targeted and guaranteed implementation of the relevant state policy in the interests of preservation and development of sparsely populated territories of Siberia and indigenous peoples living in these territories.

Keywords: legal policy, legal relations, legal consciousness, indigenous peoples, traditional way of life, Tofalars, Evenks.

Самусевич Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, кафедра юриспруденции, Иркутский национальный исследовательский технический университет; г. Иркутск, Россия, e-mail: samusevich79@mail.ru

Samusevich Alexey Gennadievich – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Department of Law, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: samusevich79@mail.ru

УДК 304.44

О теоретических ресурсах философии, религиоведения и теологии в регулировании межрелигиозных отношений

© Смирнов А. Е., 2019

Аннотация. Изучается синтез философских и религиоведческих знаний на основе методологического основания межрелигиозного диалога с уточнением предметных областей религиоведения и теологии. Делается вывод о том, что при условии академической свободы религиоведение и теология в состоянии сыграть важную роль в деле профилактики религиозного экстремизма и других рисков и угроз на религиозной почве, способствуя тем самым гармонизации межрелигиозных отношений.

Ключевые слова: философия, религиоведение, теология, межрелигиозные отношения.

Задача гармонизации межрелигиозных отношений – «горячая точка» как политической практики, так и современной гуманитаристики. В этой социальной сфере, как в фокусе, сходятся наиболее острые проблемы нашего времени. В современных межрелигиозных отношениях проявляется сложность и многогранность глобального социального мира. Перед обществом встают все новые угрозы – это и преследование православной Церкви на Украине, и радикальные формы политизации религии, и религиозный экстремизм как таковой, эксплуатация тем социальной несправедливости и национальной идентичности, необходимости переустройства мира.

Специфическая черта межрелигиозного диалога в России – его тесная связь с межнациональными отношениями. Не вызывает сомнения тот факт, что деятельность по гармонизации межрелигиозных отношений требует определенного институционального оформления, выработки определенных политических и мировоззренческих установок, отлаженных процедур и регламентных схем.

Понятно также, что такая деятельность реализуется, исходя из понимания того, что такое межрелигиозный диалог, толерантность и равенство, а прежде всего – из того, что такое религия и в чем именно религии равны или различны между собой. Сегодня, в эпоху обвального ускорения истории, эти вопросы перестают казаться простыми и однозначными. Они обнаруживают свою сложность, неоднозначность, зависимость от множественных контекстов и конкретных ситуаций. Поэтому для разрешения вопросов теоретического характера вполне естественно было бы обратиться к философии, религиоведению и теологии.

За философией традиционно закрепилась вотчина методологии; религиоведение и теология представляют собой дисциплины, непосредственным объектом исследования которых является религия. Как ни странно, в наш сверхскоростной прагматический век философия становится все более востребованной. Именно она в состоянии выработать методологические ориентиры, позволяющие каждому ответить на вопрос о том, что такое общество – сегодня. Религиоведение – сравнительно молодая область знания, представляющая собой междисциплинарный комплекс, изучающий закономерности возникновения, изменения, развития и функционирования религии, ее качественные, сущностные харак-

теристики, ее строение и компоненты, взаимосвязь и взаимовлияние религии и других областей культуры. Наконец, теология, имеющая почтенную историю, но буквально недавно получившая академическую «прописку» в нашей стране.

Цель данной статьи заключается в указании на некоторые теоретические ресурсы философии, религиоведения и теологии, могущие сыграть важную роль в деятельности по гармонизации межрелигиозных отношений.

Начнем с философии. Общество традиционно мыслилось как *общее* – общество как вокруг общего. Таким объединяющим ресурсом могли служить Космос, Бог, Природа. Из подобного понимания вытекали важные следствия, касающиеся права, политики, экономики. В XXI в. *общность* существования не означает подчиненности одним и тем же социальным, политическим и культурным стандартам. Сегодня общность не *есть*; она *формируется* из сочетания самых различных региональных, этнокультурных, политических объединений. Если обратиться непосредственно к нашей теме, это должно означать, что нет и не может существовать некоторой данной заранее формы взаимодействия между религиями. Такая форма с необходимостью *вырабатывается* в ходе диалога или даже полилога религий. Именно данный тип взаимодействия как нельзя ярче демонстрирует, что в современном обществе нет и не может быть единого измерения, посредством которого можно было сопоставлять и противопоставлять разные общества и религии. Нужно приучить себя к мысли, что современный мир есть *полицентрическое* образование. Линейные и одномерные взаимодействия, бинарные противопоставления больше не в состоянии адекватно описывать современную социальную реальность. Процесс общения перестает казаться простым и непосредственным. Проблематизация стереотипных представлений о «чужой» религии – это проблематизация и соответствующей формы общения [1].

Следующий философский аспект гармонизации межрелигиозных отношений, о котором хочется упомянуть особо (и по необходимости кратко), таков: располагая сколь угодно большим количеством определений религии, следует придерживаться важного методологического правила: религия, как и любой объект (с точки зрения объектно-ориентированной онтологии), всегда больше любого своего определения, т. е. превышает свои отно-

шения, качества и действия. Религия больше, чем ее компоненты [2]. Проблема различия религий шире простого противопоставления и сложнее содержательного и/или структурного единства.

Если философия традиционно выполняет методологические функции, то религиоведение, используя свой междисциплинарный потенциал, призвано ответить на ряд вопросов, важность которых сегодня невозможно переоценить. Каким именно образом изучение (иной) религиозной традиции способствует взаимопониманию светских и религиозных культур? Как возможно донести истины Откровения тем, кто привык говорить на языке другого типа рациональности? Существуют ли инварианты языка описания религиозного опыта? Чему следует отдавать приоритет при встрече религиозных традиций – их религиозному опыту или догматике и теологии?

Чем религиозная традиция может пожертвовать и что непременно нужно сохранить в процессе диалога [3]?

Не претендуя на возможность хотя бы краткого ответа на эти вопросы, нам бы все же хотелось утверждать следующее: то, что различает религии, есть соответствующие им типы религиозного опыта. Таким образом, главная, с нашей точки зрения, проблема гармонизации межрелигиозных отношений заключается во взаимной несоизмеримости религий (по причине несоизмеримости их религиозного опыта). Любой процесс межрелигиозного взаимодействия вбирает в себя разные точки зрения, разные формы деятельности, разные понятийные, вероучительные и догматические системы. Необходимо найти возможность сопоставить их, и сделать это без упрощения, без ориентации на некоторую общую схему. Проблема гармонизации межрелигиозных отношений – это проблема преодоления стереотипных трактовок того, чем является религия.

Диалог между религиями не должен быть сведен к элементарным формам компромисса. Основная сложность методологического характера здесь в том, что общепринятая идея равенства или различия становится неуместной. Равенство религий не заключается в их измеримости в отношении некоторой единицы меры. Различие религий, в свою очередь, не означает права каждой религии неограниченным образом реализовывать свою волю. Как эта установка должна реализовываться на практике? Нужно всегда четко представлять себе, что является поводом для диалога

га, что является предметом диалога, в каких условиях он протекает и, самое главное, *кто* принимает в нем участие. Межрелигиозный диалог примечателен тем, что о нем практически невозможно говорить «в общем виде». Диалог – это субъектная форма, он жив только во взаимодействии конкретных субъектов: людей, социальных групп, религий. Диалог призван установить связь между субъектами, отличающимися друг от друга. Жизнь межрелигиозного диалога *прорастает* в этой всегда конкретной связи. Связывая различное, диалог конкретизирует различия субъектов, вступающих в коммуникацию. Взаиморазличие работает на взаимопределение позиций, удостоверяет и подкрепляет возникающую связь.

В соответствии с этим стороны диалога корректируют свои установки и притязания, вырабатывают общие модели, правила, нормы взаимодействия. Так сохраняется единство каждой религиозной общности с правом признания своей специфичности. Признание взаимооговоренной специфики должно стать непререкаемым правилом достижения взаимопонимания в межрелигиозном сообществе. Говоря о проблемах гармонизации межрелигиозных отношений и о методологических проблемах межрелигиозного диалога, нельзя не упомянуть о таком простом и важном обстоятельстве, как образование.

Ведь прежде, чем начать разумный и продуктивный диалог с кем-либо, нужно провести его с самим собой. И здесь поневоле невозможно ограничиваться рамками только собственного мировоззрения, только своей веры, только своей культуры. Продуктивному диалогу не может предшествовать исполненный самолюбования монолог с самотождественным самим собой. Только постоянное стремление расширить собственное культурное пространство может привести к большей мудрости и любви, обеспечивающей процесс гармоничного общения между людьми.

И здесь на первом месте в качества важнейшего средства по праву находится религиозное и теологическое образование. Отрадно отметить, что на историческом факультете Иркутского государственного университета уже в течение нескольких лет готовят теологов (бакалавриат) и религиоведов (бакалавриат, магистратура). Следовало бы отметить, что утверждение теологии в качестве научной специальности направления подготовки вызывает противоречивые реакции как со стороны академического

сообщества в целом, так и религиоведческого сообщества в частности. Непрерывающиеся дискуссии по поводу демаркации теологического и религиоведческого знания диктуют необходимость высказаться по этому поводу.

Академическая теология представляет комплекс дисциплин, подчиняющихся критериям научности, принятым в гуманитарных науках. Она не сводится нацело к вероучению той или конфессии, а также к саморефлексии конфессионального сообщества, хотя в реализации своих теоретических функций может предполагать и/или использовать в качестве материала то и другое. Религиоведение и академическая теология различаются целями, задачами и общей направленностью своего интереса. Теология представляет собой теоретическое сознание конкретной религии и ограничена ее рамками. В отличие от теологии, религиоведение без каких-либо ограничений охватывает все многообразие религиозных традиций и соответствующих явлений. При этом и теология, и религиоведение теснейшим образом связаны друг с другом. Теология может продуктивно дополнять религиоведение, способствовать комплексному пониманию религии как таковой и всего многообразия религиозной жизни. Между теологией и религиоведением – отношения рабочего диалога. Разумеется, этот диалог может и должен быть конструктивно-критическим. Теология, преподаваемая сегодня в высшей школе, не подразумевает обязательного наличия некоторых специфических мировоззренческих предпосылок или конфессионально-обусловленных точек зрения. Тем самым теология, как и религиоведение, является академическим изучением религии и не предполагает ни идеологического диктата, ни политической конъюнктуры, ни административного контроля в отношении производства знания.

Пока соблюдаются условия академической свободы, религиоведение и теология в состоянии сыграть важную роль в изучении современной религиозной ситуации в мире и в России, в деле профилактики религиозного экстремизма и других рисков и угроз на религиозной почве, способствуя тем самым гармонизации межрелигиозных отношений.

Итак, философию, теологию и религиоведение следует признать мощным теоретическим ресурсом гармонизации межрелигиозных отношений. Мы знаем, что нет и не может быть религий,

равных друг другу. Используя вышеуказанные теоретические ресурсы, нужно научиться практиковать и мыслить равенство различных религий; причем как равенство тех, которые ни в чем друг другу не равны. Равенство здесь выявляется в разности, ибо разность и есть истинное равенство [4]. Мы – разные, но мы – вместе. Взаимодействие неизбежно. Межрелигиозное единство не может существовать в качестве простой *идеи*. Переход от конфликта и настороженности возможен только через творческое взаимопризнание *особенностей* друг друга.

Литература

1. Емельянов Б. В., Кемеров В. Е., Коновалова Н. П. Восток и Запад: динамика диалога. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. 255 с.
2. Харман Г. Четверойкий объект: метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь : Гиле Пресс, 2015. – 152 с.
3. Мельник С. В. Межрелигиозный диалог: проблема семантики и критика основных стратегий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16): в 2-х ч. Ч. II. С. 129–134. С. 129–130.
4. Керимов Т. Х. Социальная гетерология: перспективы трактовки толерантности // Социальная гетерология и проблема толерантности: Материалы круглого стола. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 8–15.

On Theoretical Resources of Philosophy, Religious Studies and Theology in the Regulation of Interreligious relations

© Smyrnov A. E., 2019

Abstract. In the 21st century, commonality does not mean subordination to the same social, political and cultural standards. There is and cannot be some pre-given form of interaction between religions. Such a form is necessary developed in the course of dialogue, or even a polylog of religions. Based on the synthesis of philosophical and religious knowledge, methodological bases of interreligious dialogue are described, and subject areas of religious studies and theology are clarified. The author concludes that, subject to academic freedom, religious studies and theology can play an important role in preventing religious extremism and other religious risks and threats, thereby contributing to the harmonization of interreligious relations.

Keywords: philosophy, religious studies, theology, interreligious relations.

Смирнов Алексей Евгеньевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и методологии науки Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: aesmir@mail.ru

Smirnov Aleksey Yevgenyevich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of Chair of Philosophy and Methodology of Science, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: aesmir@mail.ru

Особенности и роль тюремного служения Русской православной церкви в Новейший период

© Старцев Е. Н., Старцев Д. Е., Линчевская Т. В., 2019

Аннотация. Рассматривается методология проповеди в местах лишения свободы в Новейший период истории Русской православной церкви. Изучается миссионерская и пастырская деятельность церкви в местах заключения на основе законодательных актов и двусторонних соглашений. Делается вывод, что служение духовенства в тюрьмах позволяет не только удовлетворять духовные потребности заключенных, но и повышать их культурный уровень, способствовать профилактике преступлений и социализации, труд тюремных священников является эффективным противодействием распространения в исправительных учреждениях деструктивных и экстремистских культов.

Ключевые слова: тюремное служение, духовенство, проповедь, окормление, культура, идеология.

Первые попытки начать проповедь в среде заключенных в Новейшей истории Русской православной церкви имели место уже в конце 1980-х гг., когда наметилось общее потепление в отношениях церкви и государства в СССР. В начале 1990-х гг. духовенство начало активную работу с заключенными, однако посещение тюрем осуществлялось на основании личной договоренности с представителями системы исполнения наказания. Каких-либо официальных документов, регулирующих проповедь в среде заключенных, на тот момент еще не существовало [1, с. 28].

Первым документом, регулирующим миссионерскую и пастырскую работу в местах заключения, стала ст. 8.1 «Обеспечение свободы совести осужденного», внесенная в Исправительно-трудовой кодекс в 1992 г. На основании этой статьи духовенство стало официально допускаться в учреждения уголовно-исправительной системы [1, с. 29]. Годом позже, в 1993 г., была принята Конституция РФ, гарантирующая всем гражданам свободу совести. В том числе конституционные гарантии касались и заключенных [2]. После принятия Конституции какого-либо серьезного противодействия пастырской деятельности духовенства Русской православной церкви среди заключенных представители исправительных учреждений не оказывали, так как духовенство и верующие осужденные всегда могли апеллировать к конституционному праву. Право заключенных на свободу совести было за-

креплено Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятым 19 сентября 1997 г. [3].

Одновременно с этим происходит институализация тюремного служения Русской Православной Церкви. Уже с 1994 г. начинают заключаться договоры между епархиальными и общецерковными структурами, с одной стороны, и государственными силовыми структурами – с другой [4, с. 99]. На заседании Священного Синода 18 июня 1995 г. было принято решение о создании Синодального отдела по связям с вооруженными силами и правоохранительными органами. Данный отдел курировал пастырскую и миссионерскую работу среди кадровых военных и сотрудников правоохранительных органов, а также среди солдат-срочников и заключенных [4, с. 100]. Создание отдела позволило развивать работу православного духовенства среди осужденных на местах, в каждой епархии стали появляться священники, ответственные за тюремное служение, открытие храмов в исправительных учреждениях стало повсеместным. 21 декабря 1999 г. было заключено соглашение о сотрудничестве между Русской Православной церковью и Министерством юстиции РФ. Данное соглашение позволило значительно расширить деятельность Церкви в исправительных учреждениях и окончательно ликвидировало все попытки противодействия реализации прав заключенных на свободу совести и вероисповедания со стороны сотрудников пенитенциарных учреждений на местах [4, с. 100–101]. С момента заключения данного соглашения число православных храмов в учреждениях российской пенитенциарной системы неуклонно росло. В среднем каждый год открывалось пятнадцать новых тюремных храмов [1, с. 30].

После интронизации Святейшего Патриарха Кирилла был проведен ряд реформ административного аппарата Русской православной церкви. Преобразования затронули и область тюремного служения. В целях расширения возможностей деятельности духовенства среди заключенных 5 марта 2010 г. был создан Синодальный отдел по тюремному служению. Главой отдела был назначен епископ Красногорский Иринарх (Грезин). Основные направления работы отдела сформулированы следующим образом: «Сектор взаимодействия с епархиями, правозащитными организациями и общественностью; Центр духовного просвещения в местах лишения свободы; Сектор разработки образовательных

программ и подготовки капелланов для тюремного служения; Сектор помилования, реабилитации (ресоциализации) и социологических исследований; Информационно-аналитический сектор; Издательско-информационный сектор; Сектор электронных СМИ; Работа с письмами заключенных» [5].

Рассмотрев данный перечень направлений работы, можно сделать вывод, что отдел по тюремному служению изначально планировал охватить широкий круг вопросов, касающихся не только пастырской и миссионерской работы в среде заключенных, но и образовательной, просветительской и издательской деятельности. Кроме того, отдел взял на себя функцию профилактики преступлений и социализации бывших заключенных. В своей работе отдел опирался на дореволюционный опыт тюремного служения, а также методы работы в среде заключенных, применяемые в других христианских конфессиях за рубежом. Для улучшения работы отдела в современных условиях 22 февраля 2011 г. было заключено новое «Соглашение о сотрудничестве» между Русской православной церковью и ФСИН РФ [5].

В работе с заключенными православное духовенство уделяет значительное внимание нравственному совершенствованию осужденных. Помимо совершения богослужений и исполнения треб, духовенство проводит беседы с заключенными, при тюремных храмах функционируют библиотеки православной литературы [1, с. 31]. Работа в среде заключенных способствует профилактике совершения ими новых преступлений. Помимо этого, наличие храмов в исправительных учреждениях позволяет обеспечить некоторый досуг осужденных. Находящиеся в таких учреждениях люди получают возможность не только посещать богослужения, но и участвовать в беседах на религиозные и нравственные темы, заниматься религиозным самообразованием [1, с. 32].

Проповеди, беседы с духовенством и чтение религиозной литературы способствуют исправлению осужденных. Также значительную роль в профилактике преступлений играет работа по социализации бывших заключенных. Нередко тюремное духовенство оказывает материальную помощь и помощь в трудоустройстве людям, освобождающимся из исправительных учреждений.

Кроме того, проповедь православия способствует улучшению обстановки внутри исправительных учреждений. Под влиянием проповеди заключенные перестают нарушать режим, раз-

рушается оппозиция администрации в среде осужденных. Также сглаживаются внутренние конфликты и негативные особенности внутренней социальной иерархии осужденных. Все это способствует тому, что риск дальнейшей криминализации личности после попадания в исправительные учреждения снижается [4, с. 275].

Немаловажным фактором является и повышение религиозной грамотности людей, находящихся в исправительных учреждениях. Читая религиозную литературу и посещая беседы с православным духовенством, осужденные начинают понимать особенности православия и его основные отличия от других религиозных и философских систем. В результате заключенные становятся менее восприимчивы к пропаганде деструктивных и экстремистских учений, проповедники которых в тюрьмах часто опираются на религиозную безграмотность осужденных, которая позволяет выдавать такие учения за православие или другие традиционные религии. В частности, в ряде исправительных учреждений ведется пропаганда неоязычества, основанная на подмене понятий и позиционировании языческих взглядов как «православного староверия» [6, с. 42].

Таким образом, в Новейший период истории Русской православной церкви проповедь в местах лишения свободы началась уже в конце 1980-х гг. Впоследствии миссионерская и пастырская деятельность Церкви в местах заключения была отрегулирована рядом законодательных актов и двусторонних соглашений. С 1995 г. организацией работы православных священнослужителей среди заключенных занимался Синодальный отдел по связям с вооруженными силами и правоохранительными органами, а в 2010 г. был учрежден специальный Синодальный отдел по тюремному служению. Помимо пастырской и миссионерской работы данный отдел занимается просветительской и издательской деятельностью, а также участвует в социализации заключенных. Служение духовенства в тюрьмах позволяет не только осуществлять право на свободу совести и вероисповедания заключенных, но и повышать их культурный уровень, способствовать профилактике преступлений и социализации. Помимо этого, труд тюремных священников является деятельным противодействием распространения в исправительных учреждениях деструктивных и экстремистских культов.

Литература

1. Негодина Г. В., Басистюк В. В. Служение Русской православной церкви в местах лишения свободы // Вера и религия в современной России. 2014. № 1. С. 28–39.
2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Российская конституция: сайт. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 22.05.2017).
3. Проект «Возвращение» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Иркутской Митрополии: сайт. URL: http://iemp.ru/otdel/dpc/nark_d.php?ID=4788 (дата обращения: 22.09.2017).
4. Тюремное служение Русской Православной Церкви / сост. прот. О. Скоморох, Н. В. Пономарева. М. : Изд-во Моск. Патриархии, 2009. 578 с.
5. Синодальный отдел по тюремному служению. Основная информация [Электронный ресурс] // Московская Патриархия: сайт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141716.html> (дата обращения: 01.06.2017).
6. Трошин А. Д. Миссионерская деятельность неоязычников в Сибири // Культура. Наука. Образование. 2014. № 2. С. 39–46.

Features and role of prison service of the Russian orthodox church in the modern period

© Startcev E. N., Startsev D. E., Linchevskaya T. V., 2019

Abstract. This article is about preaching in prison in the recent period of the history of the Russian Orthodox. The missionary and pastoral activities of the Church in places of detention were regulated by a number of legislative acts and bilateral agreements. The Ministry of the clergy in prisons allows not only pastoral care of prisoners, but also to raise their cultural level, contribute to the prevention of crime and socialization of former criminals. The work of prison priests is an active counteraction to the spread of destructive and extremist cults in correctional institutions.

Keywords: Prison service, clergy, preaching, care, culture, ideology.

Старцев Евгений Николаевич – протоиерей, настоятель Михаило-Архангельского Харлампиевского храма, Русская православная церковь, г. Иркутск, Россия.

Старцев Дмитрий Евгеньевич – иерей, клирик Крестовоздвиженского храма, Русская православная церковь, г. Иркутск, Россия.

Линчевская Татьяна Викторовна, заведующая воскресной школы при Михаило-Архангельском Харлампиевском храме. Русская Православная Церковь, г. Иркутск, Россия.

Startcev Evgeniy Nicolaevich, Archpriest, Abbot the Archangel Michael end St. Harlampos church. The Russian Orthodox Church. Irkutsk eparchy, Irkutsk, Russian Federation

Startsev Dmitry Evgenievich, Priest, cleric Abbot The Church of the Exaltation of the Holy Cross. The Russian Orthodox Church. Irkutsk eparchy, Irkutsk, Russian Federation

Linchevskaya Tatyana Victorovna, head of the Sunday school curriculum The Archangel Michael end St. Harlampos church. The Russian Orthodox Church. Irkutsk eparchy, Irkutsk, Russian Federation

Религиозное сознание как фактор этноконфессиональных отношений

© Степанов А. В., 2019

Аннотация. Рассматриваются два уровня религиозного сознания доктринальный и бытовой, которые в совокупности формируют религиозное мировоззрение, носителями которого являются этноконфессиональные институты различных религиозных традиций. Высказывается мысль о том, что религиозное мировоззрение в конечном итоге находит свое выражение в феномене благочестия, которое является универсальным явлением общечеловеческого религиозно-нравственного умозрения и опыта. Рассмотрен общий круг доктринальных идей библейских религий и буддизма. Выясняется, что условием прочности, распространенности религиозного мировоззрения является то, насколько оно укоренилось в обыденном сознании и отвечает образу повседневной жизни людей, их культуре, уровню знаний, их потребностям.

Ключевые слова: Бог, библейские религии, бытовой уровень религиозного сознания, доктринальный уровень религиозного сознания, ислам, религиозное мировоззрение, русское православие, тибетский буддизм, средиземноморская цивилизация, Триратна, шариат.

Россия – страна с множеством религиозных направлений. Масштабы конфессионального присутствия различны. В стране очевидно преобладание православного христианства. В религиозном спектре страны давно уверенно присутствуют ислам и буддизм. Очевидно, что любая религиозная среда формирует у своих приверженцев определенное мировоззрение с присущими ему ценностями и моральными ориентирами, а также соответствующее поведение. Последнее обстоятельство самым серьезным образом может влиять на межнациональные отношения, характер межрелигиозного диалога, психологический климат в городе, области, стране. В связи с этим актуальным становится выявление системы детерминант, складывающихся под влиянием той или иной религии или конфессии, прямо и косвенно влияющих на поведение адепта.

Во всех областях духовной жизни систематизирующим выступает соответствующий вид сознания, а именно определенный вид сознания прочерчивает относительную границу каждой из этих областей. Сказанное относится и к религии. В соответствии с содержанием религиозного сознания разворачивается опреде-

ленная деятельность, складываются отношения, формируются институты и организации как на доктринальном, так и на бытовом уровне [1]. На территории Восточной Сибири уже не одно столетие сосуществуют и стали традиционными русское православие, тибетский буддизм, ислам и иудаизм. Каждая из этих религиозных традиций формирует собрания верующих, которые не только транслируют в окружающий мир свое религиозное мировоззрение, но и занимаются миссионерской деятельностью, предлагая тот или иной образ благочестия. Собрания верующих формируют в свою очередь религиозные объединения в виде групп или организаций и получают таким образом статус этноконфессиональных институтов. Эти институты нередко имеют ярко выраженный национальный оттенок. В частности, иудаизм распространен преимущественно в еврейской среде, ислам среди татаро-башкирского населения и выходцев из среднеазиатских областей и некоторых регионов Кавказа, православие в основном представлено русским населением, тибетский буддизм, по своей сути являющийся тантрическим (одним из четырех факультетов Иволгинского буддийского института является именно тантрический), распространен в основном среди бурятского населения Восточной Сибири. Тем самым этническая составляющая является немаловажной частью религиозного мировоззрения и именно в этом ключе экзистенциальный характер приобретает известное высказывание Ф. М. Достоевского о том, что русский человек должен быть православным.

Религиозное сознание является одним из факторов формирования мировоззрения как системы взглядов на окружающий мир и место в нем человека. Религиозное мировоззрение демонстрирует чрезвычайно эффективное взаимодействие двух уровней религиозного сознания – профанного и священного, обыденного и концептуального. При этом условием прочности, распространенности религиозного мировоззрения является то, насколько оно укоренилось на уровне обыденного сознания, насколько оно отвечает образу повседневной жизни людей, их культуре, уровню знаний, их потребностям [2]. В качестве примера необходимо указать на участвовавшие обращения в Комиссию по свободе совести и национальным отношениям по поводу разрешения ношения хиджабов в общеобразовательных школах города и области. Примечательным является то обстоятельство, что эти обращения

исходят из мусульманских семей, приехавших из Республики Таджикистан. Происходящее говорит о том, что в мусульманской среде верующие все больше следуют требованиям шариата, нежели гражданским постановлениям. Также все более распространяется и многоженство в мусульманских семьях, хотя оно и запрещено гражданским законом. В то же время среди православного населения высок процент тех, кто считает для себя важным освящение куличей в храме накануне Пасхи Христовой, хотя и наблюдается некоторая тенденция к снижению. Признаком укорененности религиозного мировоззрения служит и понимание необходимости регулярного посещения храмового богослужения, а не только в дни великих праздников. Получившая широкое распространение практика устройства иорданей и купание в них в праздник Крещения Господня относятся, на наш взгляд, к новомодному явлению, как и мода на венчание в 90-е гг., когда желающие обращались в храм не из благочестивых побуждений, а потому что «все так делают». Этим объясняется немалое количество последовавших в дальнейшем в этих семьях разводов. В настоящее время венчание стало явлением редким. Модная по нашим временам практика «гражданских браков» также свидетельствует об отсутствии на бытовом уровне понимания важности церковного благословения брачного союза, что приводит к разрушению важнейшего института семьи. Почти стопроцентным стало отпевание умерших православных христиан, но не только благодаря попечению православной церкви, сколько из-за коммерческих интересов ритуальных служб. Тем не менее, обязательное отпевание в храме или ритуальном зале стало обыденностью и практически свело на нет советскую практику сопровождения оркестром погребального обряда.

На формирование религиозного мировоззрения существенное влияние оказывает так называемый цивилизационный фактор. О чем идет речь? «Для человека, воспитанного в традициях европейской культуры, – пишет Е. Торчинов, – и не имеющего достаточно основательного знания иных культур, вера в Бога кажется естественной основой религиозных представлений, поскольку она является таковой для иудео-христианской традиции». Поэтому не представляется чем-то удивительным тот факт, что в средиземноморской цивилизации религия имплицитно отождествлялась с христианством, чему в немалой степени спо-

собствовал богатый иудео-христианский материал. Иная картина наблюдается в религиях Индии и Китая. В качестве иллюстрации можно привести буддизм, который «в самых основах своей доктрины провозглашает отказ от веры в Бога, душу и достаточно специфически трактует свободу воли, одновременно демонстрируя весьма высокий нравственный стандарт» [3, с. 25]. В авраамических или библейских религиях и тибетском буддизме, которые являются традиционными для Восточной Сибири, имеются ряд повторяющихся фундаментальных идей.

В авраамических религиях это:

1. Монотеизм – вера в одного трансцендентного Бога, создавшего мир и человека актом свободного волеизъявления.

2. Линейное восприятие времени и человеческой истории. Мир был создан единожды, и его существование прекратится в результате Страшного Суда.

3. Наличие обязательных вероучительных положений, т. е. догматизм.

4. Индивидуальная ответственность верующего перед Богом, преобладание нравственной, этической проблематики перед космогоническими сюжетами; осознание необходимости нравственного совершенствования для достижения спасения [4].

Проблема личного воздаяния имеет глубокое мировоззренческое значение: «по внутреннему свидетельству нашего нравственного сознания, каждый человек заслуживает воздаяние за совершенное в жизни добро и зло. Согласно этой нравственной аксиоме всякое добро должно быть вознаграждено и всякое зло и несправедливость должны влечь за собой возмездие» [5, с. 100].

Отличительным признаком библейских религий является представление об исключительности своей веры, которое может выражаться в различных формах установок эксклюзивизма и инклюзивизма. «Основная парадигма монотеистических религий выражается в веровании, что “нет Бога кроме Единого” и “идолы ничто”. Тем самым монотеистические религии превращают экзистенциальные вопросы о Боге в логический выбор: верно или неверно, а их последователи делят мир на “за и против”, друзей или врагов, “путь жизни” и “путь смерти”» [6, с. 200]. Подтверждением этого служат известные слова апостола Павла: «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия» [7, с. 609]. Отсюда следует вывод, что с самого

начала в христианской традиции возникло деление на погибающих и спасающихся. То же самое свойственно и исламу: «термин “дар аль-ислам” – “мусульманский мир”, “территория ислама” – использовался для обозначения стран, живших по закону шариата, подчиненных исламским правителям. Все остальные территории рассматривались как “аль-харб” – территория войны, которая потенциально тоже должна быть превращена в территорию ислама с помощью джихада» [6, с. 121].

В северном буддизме, в том числе и в нашей стране, наибольшее распространение получила школа тибетского буддизма Гелуг, основанная Цонкапой, который подвел итог развитию буддийской мысли в Индии, собрав, как в фокусе, те идеи и представления, которые были переняты тибетцами к XV в. и представлялись ему центральными для буддизма вообще. Именно такое понимание буддизма стало доминирующим на просторах Азии [8].

Для буддизма, несмотря на все разнообразие направлений и школ, которые подчас напоминают разные религии, нежели разные конфессии в рамках одной религии, также свойственен некий круг идей, «которые в том или ином виде, с той или иной акцентуацией характерны для всех направлений буддизма. Именно этот круг базовых идей можно назвать «основами учения буддизма». Это:

1. Четыре Благородные Истины.
2. Учение о причинно-зависимом происхождении и карме, «пратитья самутпада».
3. Доктрина анатмавады («не-души»).
4. Доктрина кшаникавады (учение о мгновенности).
5. Космология [8].

Буддизм не является теистическим учением, в нем нет места понятию Бога, и, следовательно, нет идеи эволюции как лестницы совершенствования и восхождения к Абсолюту. Вместо этого мы видим мучительное коловращение и переход от одной формы страдания к другой. Место Бога как высшего авторитета занимает закон кармы как абсолютно объективного закона существования, действующего безлично и автоматически.

Религиозное сознание буддизма является результатом представления о всеобщности причинно-следственных отношений. Учение о карме как причинно-следственной связи находит разви-

тие в теории, получившей название «пратитья самутпада» (причинно-зависимое происхождение). Эта теория чрезвычайно важна, ведь согласно ей причинность носит сугубо имманентный характер, не оставляющий места для скрытой трансцендентной причины. Этим объясняется отрицательная догматика буддизма, не признающего Бога-Творца и Его спасительного промысла. В свете этой теории любое живое существо, влекомое своими подсознательными импульсами и влечениями, оказывается рабом неумолимой обусловленности, находясь не столько в деятельном, сколько в страдательном положении [8].

Религиозному мировоззрению буддизма свойственна концепция плюрализма, которая проявляется в виде позиции релятивизма, т. е. представления об относительности всех религий (в соответствии с известной буддийской притчей о слепых, ощупывающих различные части слона и составляющих о нем индивидуальное представление) [3, с. 200–201].

Что же касается бытового уровня религиозного сознания буддизма, мы здесь, несмотря на плюрализм, также видим некоторое разделение на своих и чужих. Так, Ламрим Ченмо Чже Цонкапы содержит в своем составе три запрета для практикующих учение, это:

1. «Не обращаться к Прибежищу чужих богов, то есть нельзя им доверяться по недостатку веры в Три Прибежища (Триратну), хотя не запрещено полагаться на их помощь в некоторых мирских благих делах.

2. Не причинять зло живым существам – избивать людей, животных и т. д., связывать их, заключать в тюрьму, прокалывать ноздри, нагружать на них непосильную ношу.

3. Не водить дружбу с иноверцами – нельзя входить в согласие с теми, кто не верит в Три Драгоценности (Триратну) как в Прибежище и злословит против них» [9, с. 237–238].

Выше было сказано о том, что большинство бурятского населения региона Восточной Сибири исповедует северный (тибетский буддизм). Заслуживает упоминания следующее обстоятельство – в православном месяцеслове совершается память св. Иосафата, царевича Индийского, житие которого поразительным образом даже в деталях повторяет биографию Будды Шакьямуни. Сами буддисты склонны имя Иосафат трактовать как видоизмененное «бодисат», т. е. бодхисатва, и склонны утверждать,

что через святого Иосафата в православной церкви канонизирован сам основатель буддийского учения. Автору довелось увидеть почти иконописное изображение Иисуса Христа и Будды Шакьямуни «в братском лобзании» (фото можно найти в открытом доступе в сети Интернет). Хотя принцип анхисмы – непричинения зла и страдания живым существам является одним из главных, наряду с активным состраданием, нравственных императивов буддизма, тибетский буддизм допускает лишение жизни и совершение магических обрядов, имеющих целью причинение смерти врагам учения. Оправданием этих действий, по мнению буддистов, является избавление пребывающих во тьме невежества (авидье) от отягощения своей кармы.

Религиозное мировоззрение в конечном итоге находит свое выражение в феномене благочестия, которое является универсальным явлением общечеловеческого религиозно-нравственного умозрения и опыта [10]. Знание этого опыта внесет важный вклад в объяснение поведения Homo Religiosus, ведь именно он и является членом общества верующих, которыми являются по сути этноконфессиональные институты. Знание доктринальных идей разных религиозных традиций позволит грамотно выстраивать межрелигиозный диалог на базе изучения религиозного опыта и религиозного сознания традиционных для Восточной Сибири и в России в целом религиозных традиций. В связи с этим становится очевидной роль этноконфессиональных институтов, являющихся носителями религиозного мировоззрения, как факторов стабильности и духовной безопасности региона.

Литература

1. Религиоведение : учеб. пособие. 2- изд., испр. и доп. М. : Гардарики, 2008. 319 с.
2. Духовно-религиозные основания национальной безопасности России: для служащих органов исполнительной власти Российской Федерации. М. : Академия управления МВД РФ, 2012. 420 с.
3. Торчинов Е. А. Путь запредельного: Религии мира. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб. : Пальмира; Книга по Требованию, 2019. 542 с.
4. Религиоведение / А. А. Мекушин, К. В. Воденко, С. И. Самыгин ; под ред. К. В. Воденко. Ростов н/Д : Феникс, 2015. 238 с.
5. Архимандрит Платон (Игумнов). Православное нравственное богословие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. 240 с.

6. Межрелигиозный диалог и его роль в деле защиты христиан Ближнего Востока и Северной Африки от преследований : сб. науч. ст. / под ред. свящ. Д. Сафонова. М. : Познание, 2017. 264 с.
7. Новый Завет. М. : Терирем, 2012. 896 с.
8. Торчинов Е. Введение в буддизм : лекции. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 352 с.
9. Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам пути Пробуждения : в 2 т. : пер. с тибет. 4-е изд., испр. СПб. : Изд. А. Терентьева, 2013. Т. 1. 896 с.
10. Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 5. Бессонов-Бонвеч М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. 752 с.

Religious consciousness as a factor of ethno-confessional relations

© Stepanov A. V., 2019

Abstract. The article considers two levels of religious consciousness, doctrinal and every day. It is suggested that the doctrinal level of religious consciousness corresponds to a religious worldview, of which religious morality is an integral part. The general circle of doctrinal ideas of biblical religions and Buddhism is considered. It turns out that the condition for the strength and prevalence of a religious worldview is how much it is rooted in the level of everyday consciousness, how much it meets the way of people's daily lives, their culture, level of knowledge, their needs.

Keywords: God, biblical religions, everyday level of religious consciousness, doctrinal level of religious consciousness, religious worldview, northern Buddhism, Mediterranean civilization, Triratna.

Степанов Андрей Васильевич – магистр религиоведения, эксперт Комиссии по свободе совести и национальным отношениям Общественной палаты Иркутской области, старший преподаватель, кафедра теологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: stepanovandrey14@mail.ru

Stepanov Andrey Vasilievich – Master of Religious Studies, Expert, Commission on Freedom of Conscience and National Relations of the Public Chamber of the Irkutsk Region, Senior Lecturer, Department of Theology, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: stepanovandrey14@mail.ru

Научное издание

**ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ
ОБЩЕСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ
СООТНОШЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**

Материалы
Международной научно-практической конференции
Иркутск, 5–6 октября 2019 г.

ISBN 978-5-9624-1787-5

Редакторы: А. Н. Шестакова, Н. А. Михайлова
Дизайн обложки: П. О. Ершов

Темплан 2019 г. Поз. 154
Подписано в печать 26.12.2019. Формат 60×90 1/26
Уч.-мзд. л. 14.4. Усл. печ. л. 16,6. Тираж 100 экз. Заказ 672

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124